

РЕВОЛЮЦИЯ
1905 - 1907
ГОДОВ
В НАЦИОНАЛЬНЫХ
РАЙОНАХ РОССИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

*Под редакцией
члена-корреспондента Академии наук СССР
А. М. Панкратовой
и профессора А. Л. Сидорова*

РЕВОЛЮЦИЯ 1905—1907 гг. В ТУРКЕСТАНЕ

I

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ТУРКЕСТАНЕ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

Туркестан являлся колонией российского военно-феодального империализма, колонией «чистейшего типа»¹, как называл его В. И. Ленин. Это был аграрно-сырьевой придаток царской России, рынок сбыта для её промышленной продукции, широкое поле для приложения экспортируемых капиталов, которые направлялись не в сферу производства, а преимущественно в сферу торговли, функционировали в качестве ростовщического ссудного капитала и являлись рычагом для выжимания колониальных сверхприбылей. Наконец, Туркестан являлся для царизма обширной колонизационной областью для выбрасывания «избыточного» населения метрополии и одним из источников денежных средств для казны. Все эти колониальные функции Туркестан должен был выполнять под давлением военной силы, являвшейся главной опорой русского царизма в Средней Азии.

Сенатор граф К. К. Пален, производивший в 1908—1909 гг. по поручению царя ревизию Туркестанского края, так определял в своём отчёте значение для царского правительства Туркестана: «Если не считать мотивов политического характера, имевших значение при завоевании Туркестана, этот край с первых же дней присоединения его к России представлял для русского правительства двоякий интерес: 1) с точки зрения финансовой политики как источник государственных доходов и как новый рынок для продуктов внутреннего производства и 2) с точки зрения колонизационной политики как новая область для перемещения избытков населения из центральных губерний»².

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XIX, изд. 3, стр. 255.

² «Приложение к отчёту по ревизии Туркестанского края, произведённой по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом», Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане, ч. 1, отд. 1, Спб. 1911, стр. III.

Из этого положения Туркестана, как колонии в составе Российской империи, вытекали специфические особенности его социально-экономической и политической обстановки.

Промышленность Туркестана носила ярко выраженный колониальный характер и была чрезвычайно слабо развита. Она состояла по большей части из небольших предприятий по переработке или очистке продуктов сельского хозяйства (хлопкоочистительные, хлопкомаслобойные, кожевенные, шерстомоечные, мукомольные, шёлкоочистительные, винокуренные и др.) либо по добыче полезных ископаемых (каменноугольные, нефтяные).

По данным областных статистических комитетов и по материалам сенаторской ревизии Палена, в Туркестане в 1906—1908 гг. насчитывалось всего 552 фабрично-заводских предприятия с 14,5 тыс. рабочих и 29 горных предприятий с общим количеством в 2 тыс. рабочих¹. Кроме того, на Средне-Азиатской и Оренбург-Ташкентской железных дорогах работало в пределах Туркестанского края около 15 тыс. человек. Следовательно, в Туркестане в период революции 1905—1907 гг. было около 32 тыс. рабочих (31 500).

Промышленность Туркестана была распределена по краю весьма неравномерно. Наиболее развитой в промышленном отношении была Ферганская область (229 предприятий с 8 074 рабочими, т. е. 40% всех фабрично-заводских и горных предприятий Туркестана и 49% всех рабочих). Далее шли Самаркандская и Сыр-Дарьинская области (соответственно 125 предприятий с 2 836 рабочими и 119 предприятий с 2 516 рабочими). Значительно менее в промышленном отношении были развиты Закаспийская (17 предприятий с 1 016 рабочими) и особенно Семиреченская (59 предприятий с 856 рабочими)

¹ В эти цифры входят предприятия, насчитывавшие свыше 5 рабочих, иногда, впрочем, брались предприятия и с меньшим количеством рабочих, однако лишь в тех случаях, если эти предприятия имели механические двигатели либо давали сравнительно высокую сумму производства. Цифры по Ферганской области взяты за 1908 г. из материалов ревизии Палена; из этих же материалов взяты сведения по Бухаре и Хиве, причём по этим двум ханствам цифры о количестве рабочих выведены из средней по Туркестану. Цифры по Самаркандской и Семиреченской областям взяты из соответствующих статистических обзоров за 1907 г., по Сыр-Дарьинской и Закаспийской — из статистических обзоров за 1906 г. Сведения по горным предприятиям Самаркандской области частично взяты также из материалов ревизии Палена, по горным же предприятиям Бухары — из статьи в газете «Русский Туркестан» № 7 от 14 января 1907 г. Цифры по фабрично-заводской промышленности Закаспийской области неполны, ибо статистический обзор не даёт полных сведений: нехватает данных по нескольким небольшим предприятиям мукомольной, маслобойной, мыловаренной и тому подобной промышленности.

области. В Бухаре было 20 хлопкоочистительных заводов и 1 золотой прииск с 734 рабочими, в Хиве — 11 хлопкоочистительных заводов с 404 рабочими.

Основной отраслью туркестанской фабрично-заводской промышленности была хлопкоочистительная. Хлопкоочистительные заводы давали почти три четверти валовой продукции туркестанской промышленности и составляли почти 43 % всех фабрик и заводов Туркестана. На них работало почти 60 % всех фабрично-заводских рабочих (не считая горных предприятий и железных дорог).

Большинство предприятий этого типа было сосредоточено в Ферганской области (60 % всех хлопкоочистительных заводов Туркестана — 141 завод и почти 73 % всех рабочих этой отрасли промышленности — 6 260 рабочих). В самой Фергане хлопкоочистительные заводы составляли (1908 г.) более 65 % всех фабрик и заводов, где работало более 87 % всех рабочих области (без горных предприятий и железной дороги).

Значительную часть фабрично-заводских предприятий составляли хлопкоочистительные заводы также в Закаспийской области, а в Бухаре и Хиве они представляли даже единственную отрасль промышленности. В Семиреченской области, наоборот, не было ни одного хлопкоочистительного завода, так как хлопок в этой области не культивировался.

Хлопкоочистительная промышленность была ведущей отраслью промышленности Туркестана не только по размерам выпускаемой продукции, по количеству предприятий и рабочих на них, но также и по величине предприятий и более высокому органическому составу капитала. Все хлопкоочистительные заводы имели механические двигатели, чего нельзя сказать в отношении целого ряда других туркестанских предприятий, и были снабжены более совершенным техническим оборудованием.

Однако, несмотря на относительно более высокий органический состав капитала, хлопкоочистительные заводы Туркестана всё же были технически слабо оборудованы. Ещё более низкий органический состав капитала имели остальные отрасли туркестанской промышленности. Вообще для туркестанской промышленности того времени весьма трудно найти грань (как по размерам, так и по оборудованию) между фабрично-заводской и кустарной промышленностью.

Если на одно фабрично-заводское предприятие Туркестана в среднем приходилось в 1906—1908 гг. 26 рабочих, а на одно предприятие, без хлопкоочистительной промышленности, только 18, то на один хлопкоочистительный завод приходилось 37, а в Фергане даже 44 рабочих. На некоторых хлопкоочистительных заводах работало свыше 100 человек.

Хлопкоочистительная промышленность Туркестана по средним размерам своих предприятий уступала лишь горной промышленности, где в среднем на одно предприятие приходилось почти 70 рабочих. Отдельные горнопромышленные заведения были самыми крупными предприятиями Туркестана. Например, в 1906—1908 гг. на Сулюктинских каменноугольных копях (Самаркандская область) работало 209 рабочих, на копи Фосса (Кизил-Кия) в Фергане — 131 рабочий, на нефтяном промысле «Чимион» (Фергана) — 240 рабочих, на медном руднике «Сыр-Дарьинского горнопромышленного общества» (Фергана) — 150 рабочих, на нефтезокеритовых промыслах (Челекен) — 257 рабочих, на 4 соляных промыслах в западной части Закаспийской области — 321 человек и т. д.

Из остальных отраслей фабрично-заводской промышленности лишь отдельные предприятия выделялись по своим размерам: Каунчинский сахарный завод (близ Ташкента) — 220 рабочих, пивоваренный завод в Самарканде — 200 рабочих, паровой маслобойный завод в Катта-Кургане — 124 рабочих, кожевенный завод в Перовске — 104 рабочих и т. д.

Несмотря на значительную разбросанность туркестанских промышленных предприятий по краю, в отдельных городах (Ташкент, Самарканд, Асхабад, Коканд, Верный и др.) было сосредоточено всё же довольно значительное по туркестанским масштабам количество фабрично-заводских предприятий и рабочих. Так, например, в Ташкенте в 1906 г. было 78 промышленных предприятий с 1 100 рабочими, в Самарканде в 1907 г. — 83 предприятия с 1 948 рабочими и т. д. К этому следует добавить ещё рабочих-железнодорожников, которые были сконцентрированы в ряде городов значительными компактными массами в депо и железнодорожных мастерских (Ташкент, Кизил-Арват, Асхабад, Самарканд, Коканд, Перовск, Черняево и др.). В Ташкенте, где соединялись две железнодорожные магистрали (Средне-Азиатская и Оренбург-Ташкентская), были расположены два депо и две железнодорожные мастерские; здесь было более 2 тыс. железнодорожных рабочих; в Кизил-Арвате (в депо и мастерских) — 1 тыс., в Асхабаде и Перовске по 400 рабочих и т. д.

В большинстве своём фабрично-заводские предприятия Туркестана, связанные с обработкой сельскохозяйственного сырья, носили сезонный характер, следовательно и рабочие на этих предприятиях были по большей части сезонные. Круглый год работали лишь некоторые фабрики и заводы, а также железные дороги и большинство горных промыслов. Поэтому здесь формировались более или менее постоянные кадры промышленного пролетариата.

Национальный состав рабочих туркестанских фабрично-заводских предприятий был в общем постоянный: русские рабочие на предприятиях составляли менее четверти (23 %) всего количества рабочих, подавляющая же масса (77 %) состояла из рабочих местных национальностей. Однако наиболее квалифицированную часть рабочих составляли русские, и как раз они в большинстве своём являлись не сезонными, а постоянными рабочими.

Большинство рабочих из коренных национальностей представляло собой неквалифицированных рабочих, нанимавшихся лишь на сезон. Это были по существу крестьяне (беднота, батраки), шедшие на заработки; они были тесно связаны с деревней, и состав их на предприятиях постоянно менялся. Эксплуатировались они самым нещадным образом. Вот как описывала положение рабочих из коренных национальностей ташкентская газета «Туркестанский курьер» в номере от 12 декабря 1909 г.: «Если вы вздумаете из любознательности поинтересоваться положением рабочих, то на всех заводах за малым лишь исключением вы встретите почти одно и то же: 1) под помещение для рабочих отведён на заводе один из амбаров, 2) освещения и отопления им не выдаётся, 3) работают везде по 12 часов в сутки, 4) в заводском здании, в джинном отделении, пылица всегда держится в воздухе невообразимая, 5) на всё здание завода имеется 3—4 штуки висячих фонарей с огарками свечей, и это считается освещением, рабочие вследствие этого по всему заводу ходят почти ощупью впотмах и с клочком ваты в зубах для фильтрации вдыхаемого пыльного воздуха, 6) при остановке завода те же рабочие-туземцы сбрасывают, а при пускании в ход натягивают руками приводные ремни на шкивы, останавливают и пускают в ход водяные двигатели и несут по очереди обязанности маслёнщиков, так как специальных служащих для этого не имеется. Результат такого положения рабочих налицо: еженедельно почти на каком-нибудь из заводов бывает несчастный случай с рабочим, кончающийся тяжёлыми поранениями, а иногда и смертью».

В горнопромышленных предприятиях Туркестана, которые в большинстве своём работали не сезонно, а круглый год, количество русских рабочих было значительно выше, нежели на предприятиях фабрично-заводской промышленности¹. Они и здесь составляли основные кадры квалифицированных рабочих (мастеровые, забойщики, буровые мастера и т. п.), а

¹ На 16 основных горнопромышленных предприятиях Туркестана (Ферганская, Самаркандская и Закаспийская области) работало в 1908—1909 гг. 1 220 рабочих, из них русских — 45,6% (557), персов, татар

также нанимались на подсобные работы. Подавляющее же большинство рабочих из местных коренных национальностей работало в качестве неквалифицированных рабочих (чернорабочие, откатчики и т. д.) лишь на тех горных предприятиях, которые носили сезонный характер, например, на соляных предприятиях, золотых приисках и т. п.

На железных дорогах Туркестана работали почти исключительно русские рабочие. Только иногда, как исключение, в случае недостатка русских рабочих, нанимались рабочие из местных коренных национальностей (главным образом в качестве чернорабочих), причём, как только представлялась возможность, местные рабочие заменялись русскими¹.

На постройках железнодорожных линий использовались преимущественно рабочие из местных коренных национальностей либо из сопредельных мусульманских стран (персы, кашгарцы, афганцы).

Самодержавие сознательно стремилось не допустить создания из местных коренных национальностей слоя постоянных квалифицированных рабочих. В рапорте на имя туркестанского генерал-губернатора от 14 января 1899 г. военный губернатор Ферганской области просил «установить, чтобы все без исключения низшие должности на железной дороге были замещаемы русскими людьми. Предлагаемая мера будет, по моему мнению, служить гарантией неприкосновенности железной дороги и надлежащим в трудную минуту оплотом против злонамеренных на это государственное сооружение посягательств».

В ответ на этот рапорт туркестанский генерал-губернатор 23 января писал начальнику работ по постройке Средне-Азиатской железной дороги: «Соглашаясь с мнением военного губернатора Ферганской области, признавая с своей стороны желательным, чтобы с окончанием постройки дороги большинство служащих и рабочих на железной дороге замещалось русскими, прошу вас уведомить, не будет ли признано возможным ныне же приступить к замене всех низших

и афганцев — 34,4% (421) и местных коренных национальностей (узбеки, таджики, казахи, киргизы) — 18,9% (229). Остальные 1,1% (13) — армяне, немцы и галичане (см. «Отчёт о ревизии Туркестанского края, произведённой по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. Горное дело», Спб. 1910, стр. 31—149).

¹ На 1 января 1907 г. на участке Средне-Азиатской железной дороги в пределах Закаспийской области работало всего 5 575 человек, из них русских — 4 529 (81,3%), персов — 392 (7%), местных коренных национальностей — 222 (4%) и прочих (татары), кавказцы, евреи, западноевропейские национальности) — 432 (7,7%), «Обзор Закаспийской области за 1906 г.», таблица 63.

служащих на железной дороге из туземцев или персиян русскими»¹.

Эти указания царской администрации были приняты к точному исполнению, в результате чего на железнодорожных магистралях Туркестана оказались в подавляющем большинстве русские рабочие.

В целях разъединения русских и национальных рабочих и создания антагонизма между ними, а также для «предохранения» национальных рабочих от революционной «заразы» и проникновения в их среду социалистических учений царизм всячески старался поставить русского рабочего в более привилегированное положение по сравнению с национальным рабочим (предпочтение при приёме на работу, несколько повышенная зарплата и более короткий рабочий день, немного лучшие жилищные условия и т. п.). Однако если положение русских рабочих в Туркестане и было немногим лучше положения рабочих из местных коренных национальностей, то по сравнению с рабочим Европейской России русский рабочий в Туркестане находился в значительно худших условиях. Представители царской администрации сами это неоднократно констатировали. Так, управляющий Канцелярией туркестанского генерал-губернатора В. Мустафин указывал в своих воспоминаниях на «неудовлетворительное экономическое положение служащих на окраинных железных дорогах и неблагоприятный состав их»². Министр путей сообщения фон-Шауфус в письме от 2 мая 1908 г. в Совет министров писал: «К отрицательной стороне службы на Средне-Азиатской железной дороге относится отдалённость от центра России, большой недостаток жилых помещений для служащих, малочисленность населённых мест и городов, где возможно было бы давать образование детям, недостаточность штатов по сравнению с другими железными дорогами сети и, сравнительно с дороговой и неудобствами жизни, недостаточное материальное обеспечение служащих»³.

Ленинская «Искра» в статье «Как строятся наши железные дороги»⁴ описала потрясающий случай, когда по вине одного из обанкротившихся подрядчиков в Казахской степи замёрзло 46 русских рабочих, работавших на постройке Таш-

¹ Центральный государственный исторический архив Узбекской ССР (ЦГИА УзССР), ф. 1, оп. 4, д. 369, л. 2—4.

² «Исторический вестник», т. 142, октябрь 1915 г., стр. 152—153.

³ ЦГВИА, ф. 400, Азиатская часть Главного Штаба (АЧГШ). д. 100, л. 59—60.

⁴ «Искра» № 33 от 1 февраля 1903 г., отдел «Из нашей общественной жизни».

кентской железной дороги. «Не стоит говорить, — писала «Искра», — об обсчитывании подрядчиками рабочих, о чрезмерной эксплуатации, о ямах, покрытых соломой, носящих название барачков, о щах из гнилых сушёных овощей — всё это слишком заурядные явления, чтобы об этом стоило говорить». И дальше: «Постройка Ташкентской дороги будет скоро закончена, и первый поезд, после торжественного молебствия, с громкими речами о культурной миссии железнодорожных жандармов, двинется по трупам убитых адской эксплуатацией рабочих».

Не лучшим было положение русского рабочего в Туркестане и на фабрично-заводских предприятиях. Мало чем отличалось оно от положения рабочих из местных коренных национальностей. Вот, например, как описывает газета «Туркестан» в номере от 5 сентября 1906 г. жизнь русского рабочего на крупнейшем туркестанском предприятии — Каунчинском сахарном заводе под Ташкентом¹:

«Живут они в готовом помещении, представляющем из себя длинное, мрачное здание, с низкими маленькими окошками, через которые едва проникает свет и воздух. В помещении нары, на них, на стенах и на полу постоянно пыль и грязь, так как помещение убирается очень редко. Баня совершенно отсутствует, которая там в высшей степени необходима, так как при сахароварении работают почти полунагими, тело покрывается слоем липкого, сладкого вещества, которое необходимо часто смывать, и рабочие не имеют к тому возможности.

Стол в период сахароварения бывает хозяйский. С целью экономии закупаются сразу на несколько месяцев продукты, которые быстро портятся из-за отсутствия ледника и даже кладовой, и рабочим часто преподносят совершенно негодную пищу, которую употреблять невозможно.

Расчёты со служащими производятся раз в месяц, но не тотчас же по истечении месяца, а заставляют ждать получки ещё 15 дней, вероятно, для накопления процентов, которые идут, конечно, не в пользу служащих, а хозяевам. Месяц для служащих определён в 26 дней; это значит, что если в течение месяца кроме 4-х воскресений бывают ещё праздничные дни, то служащие сверхурочными работами должны отрабатывать их, в противном случае с них вычитывается. Это патентованное средство выколачивания из служащих лишнего труда достойно удивления».

¹ В 1904—1906 гг. на заводе работали исключительно русские рабочие.

Таково было действительное положение основной массы русских рабочих в Туркестане, несмотря на все их так называемые «привилегии».

Новые туркестанские города, построенные на пустом месте либо в качестве укрепленных пунктов во вновь завоеванной стране (Казалинск, Верный, Петро-Александровск и др.), либо в качестве административных центров (Асхабад, Скобелев и др.) и железнодорожных пунктов (Красноводск, Кизил-Арват и др.), отличались рядом особенностей. Население таких городов состояло из семейств колониальных чиновников и военнослужащих, из ремесленников, мелких торговцев и железнодорожников. Коренного местного населения в этих городах было очень мало. По своему классовому составу население таких городов (исключая железнодорожников) носило мелкобуржуазный характер.

В большинстве городов этого типа весьма значительный процент населения составляли пришлые элементы нерусской национальности — персы, армяне, татары (Асхабад, Мерв, Красноводск и др.), таранчи, дунгане, татары, узбеки в Семиречье (Верный, Джаркент, Пржевальск и др.). В Асхабаде, например, из 39 тыс. человек в 1906 г. русских было 11 563, туркмен (т. е. местного коренного населения) — только 107 человек, зато персов насчитывалось 12 062, армян — 5 910, татар — 6 445. В Верном (теперь Алма-Ата) из 29 тыс. человек в 1907 г. русских было 19 490, казахов (т. е. местного коренного населения) — только 1 497, зато таранчей — 3 134, дунган — 1 171, татар — 1 585, узбеков — 1 965. В Джаркенте из 24 тыс. человек, населявших город, таранчей насчитывалось 15 780, в Пржевальске из 14 тыс. узбеки составляли 4 679 человек и т. д.

Другим типом были города в так называемых «трёх коренных областях» Туркестана (Сыр-Дарьинской, Самаркандской и Ферганской). В этих, преимущественно узбекских, областях население издавна жило городской жизнью. К моменту их завоевания Россией здесь насчитывались десятки крупных городов (Ташкент, Коканд, Самарканд, Андижан, Наманган, Маргелан, Джизак, Ходжент, Ура-Тюбе, Чимкент и др.). В этих городах преобладало местное коренное население (преимущественно узбеки и таджики)¹, которое в значительной своей части занималось земледелием.

Этот полуземледельческий характер большинства старых городов приближал их к деревне. По переписи 1897 г., даже

¹ В 1907 г. в главном административном центре Туркестана — Ташкенте из 189,5 тыс. человек местное коренное население составляло 149,5 тыс., в Андижане из 72 856 человек — 66 650, в Намангане из 70 358 человек — 68 410, в Ходженте из 36 283 — 35 763 и т. д.

в Ташкенте — крупнейшем туркестанском городе — сельским хозяйством занималось 4 189 семейств. Некоторые, более мелкие, города наполовину были земледельческими: по той же переписи 1897 г., в городе Туркестане из 2 633 семейств 1 241 занималось сельским хозяйством; в Джизаке из 3 995 — 1 722; в Оше из 8 907 — 3 291 и т. д.

Значительный слой населения старых городов составляли ремесленники, объединённые в цехи и занимавшиеся кустарными промыслами, и мелкие торговцы.

Больше всего мелких, кустарных промыслов было в Ферганской области. Например, в 1908 г. кустарных предприятий там насчитывалось 18 175 с общим количеством рабочих в 29 460 человек. Из этого числа в городах было 5 658 заведений с 12 500 рабочими.

Широко была развита мелочная торговля. В той же Фергане в 1908 г. насчитывалось всего 24 289 торговых заведений, причём мелочной торговлей занималось из них 23 378 заведений¹.

Огромный процент населения старых городов составляла беднота (только в одном городе Ташкенте в 1906 г. насчитывалось 5 250 чернорабочих, обычно нанимавшихся на подённые работы) и наряду с нею — довольно значительный слой крупных баев, торговцев и высшего мусульманского духовенства.

В новых городах мещане и крестьяне составляли подавляющую массу населения². Это были по большей части русские крестьяне — переселенцы из «малоземельных» губерний Европейской России (так называемые «самовольцы»), которых гнал голод и «земельная теснота» на далёкие окраины в поисках новых земель. Наплыв в Туркестан самовольных переселенцев начался после засухи и голода в Европейской России в 1892 г. и снова усилился после 1905 г., когда новый неурожай и голод подняли новую переселенческую волну на окраины. Не имея возможности получить землю, переселенцы-«самовольцы» в значительной своей массе оседали в новых городах, ожидая наделения землёй. Они бедствовали, пополняя собой ряды безработных. В таком положении находились и оседавшие здесь по окончании службы нижние воинские чины. Из этих групп населения вербовались кадры железнодорожных и фабрично-заводских

¹ См. «Приложение к отчёту по ревизии Туркестанского края, произведённой по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом», ч. 1, отд. 2, стр. 382—384.

² В Ташкенте из 40 тыс. населения Нового города мещане и крестьяне составляли свыше 24 тыс., в Асхабаде — 12,5 тыс. из 19,4 тыс., в Верном — 18,3 тыс. из 29 тыс. человек и т. д.

рабочих. Большинство же из них занималось ремёслами, извозом, мелочной торговлей, пополняя собой ряды городской мелкой буржуазии.

Значительную прослойку населения новых городов Закаспийской области и Семиречья составляли пришлые элементы нерусской национальности (персы, армяне, татары, таранчи, дунгане и др.). Персы и татары городов Закаспийской области пополняли собой преимущественно ряды либо подённых рабочих, либо мелких торговцев. Армяне же вели главным образом торговые операции либо занимались промышленной деятельностью. «Крупная торговля и промышленность в Закаспийской области, — сообщалось во «Всеподданнейшем отчёте начальника Закаспийской области за 1906 год», — почти всецело оказываются в руках представителей армянской народности»¹.

С момента завоевания Туркестана, особенно же после Андижанского восстания 1898 г., царскому правительству постоянно чудился новый грандиозный взрыв среди мусульманского населения, новый «газават». Поэтому Туркестан был наводнён войсками и казаками.

Управление в Туркестане было военное — во главе стоял командующий войсками военного округа, выполнявший одновременно обязанности генерал-губернатора и подчинённый непосредственно военному министру; в областях Туркестана — тоже военные губернаторы. Всё было милитаризировано, даже речной флот (Аму-Дарьинская флотилия) и железнодорожные линии, на которых были расположены военные железнодорожные батальоны². Этот специфический военно-колониальный колорит туркестанских городов при царизме прекрасно описан в книжке Е. Маркова «Россия в Средней Азии». «Тут всё военное, — писал Марков про Ташкент в 90-х годах XIX в., — целые улицы полны солдат, казаков, джигитов, офицеров, генералов, идущих, едущих, скачущих; везде руки взмахивают под козырёк, везде звенят шпоры, и быстро бегущий по тротуару рядовой то и дело молодецки делает «фронт» какому-либо проходящему начальству».

¹ ЦГВИА, ф. 400, АЧГШ, д. 100, л. 36 об. — 37 об.

² Уже после ташкентского «холерного бунта» 1892 г. почти весь Туркестан (Ферганская, Самаркандская области и Сыр-Дарьинская область без двух северных уездов) был объявлен на положении усиленной охраны. Это положение оставалось в Туркестане вплоть до февральской революции 1917 г. с той лишь поправкой, что после 1905 г. положение об усиленной охране было распространено на весь Туркестанский край, а в ряде местностей была введена даже чрезвычайная охрана (специальными ежегодными указами царь продлевал положение об усиленной охране ещё на год, а о чрезвычайной охране — каждые 6 месяцев). Чрезвычайная охрана полностью была снята лишь в начале 1910 г.

В Туркестане на 1 января 1905 г. насчитывалось 45 батальонов, 48 казачьих сотен, 19 батарей и 35 команд. Это составляло в общей сложности более 63 тыс. человек¹.

С точки зрения политической «благонадёжности» все эти войска представляли собой чрезвычайно пёструю картину. В то время как казачьи части были верны царизму, железнодорожные и сапёрные войска, наоборот, были самыми «неблагонадёжными».

Они комплектовались преимущественно из рабочих. Вот, например, как характеризовал классовый состав этих войск командир 1-го Закаспийского железнодорожного батальона: «Хлебопашцы, — писал он в своём докладе, — не испорченные городской жизнью, со взглядами консервативными составляют небольшое меньшинство, главную же массу составляют мастеровые, известные своей нравственной распушенностью, а за последние годы — и революционным настроением под влиянием социальной пропаганды»².

Солдаты железнодорожных батальонов, «деповские», как их называли, были разбросаны мелкими частями по всей линии железной дороги. Жили они не в казармах, а на квартирах вместе с железнодорожными рабочими, исполняя обязанности машинистов, кондукторов, стрелочников и т. д. Всюду они находились вместе с рабочими. Это создавало общность их интересов и тесно сближало их. Естественно, что именно этот род войск оказался самым революционным. Основную же массу туркестанских войск составляли стрелковые и резервные батальоны; отдельные части их становились то на сторону революции, то на сторону контрреволюции.

Огромную роль в революционизировании армии в Туркестане сыграла также присылка в местные воинские части передовых рабочих, революционных элементов студенчества и других «неблагонадёжных» лиц, отданных в солдаты и направляемых в отдалённые местности России, в частности в Туркестан. Сюда же направлялись «неблагонадёжные» солдаты и из других воинских частей, расположенных вне Туркестанского края.

Только в 1903 и 1904 гг., по далеко не полным данным, было выслано в Туркестан под надзор «ближайшего начальства» 67 нижних чинов, направленных на службу в различные воинские части края³. С 1905 г. количество высылаемых значительно увеличилось.

¹ См. ЦГВИА, ф. 1396 Штаба Туркестанского военного округа (ШТВО), оп. 2, д. 338, л. 140—162.

² ЦГВИА, Доклад командира 1-го Закаспийского железнодорожного батальона от 16/X 1906 г., № 1278.

³ См. ЦГИА УзССР, ф. 11/с. Канцелярия туркестанского генерал-губернатора (КТГГ), оп. 1, д. 192.

Большинство высылалось за хранение и распространение подпольной революционной литературы. Но были и другие, более серьёзные причины высылки. Так, например, Иван Дах (стрелок 8-го Туркестанского стрелкового батальона) выслан «за социально-революционную пропаганду и подстрекательство рабочих каменноугольных копей «Сатурн» в Бендинском уезде Петроковской губ.»; Антон Глущенко (канонир Туркестанской конно-горной батареи) отдан в солдаты и выслан в Туркестан за «разграбление» в 1902 г. помещичьей экономии в Харьковской губернии; Николай Собирайский (стрелок 20-го Туркестанского стрелкового батальона) выслан «за принадлежность к тайному обществу социалистической партии «Пролетариат»; Александр Сафронов (стрелок 2-го Закаспийского стрелкового батальона) выслан «за чтение среди железнодорожных рабочих противоправительственных прокламаций»; Василий Конов (рядовой 2-го запасного железнодорожного батальона) выслан «за принадлежность к противозаконным обществам, организовавшимся в городе Ростове н/Д»; Николай Яковлев (рядовой 2-го Закаспийского железнодорожного батальона) выслан за принадлежность «к противоправительственному кружку рабочих»; Я. Усыкин (стрелок 8-го Закаспийского стрелкового батальона) выслан «за участие в тайном сообществе соц.-дем. характера» и др.

Значительные особенности имело и крестьянство Средней Азии. Подавляющая масса его состояла из местных коренных национальностей, и только весьма незначительную долю составляли русские крестьяне-переселенцы и казачество.

Местное крестьянство (дехканство) отличалось чрезвычайно пёстрым национальным составом (узбеки, туркмены, казахи, киргизы, таджики, дунгане, таранчи, кара-калпаки, арабы и т. д.) и различным хозяйственным бытом (земледелие, скотоводство), причём кочевое и земледельческое (оседлое) население было распределено по краю неравномерно. В то время как пустынные и полупустынные низменности севера и северо-запада были заняты преимущественно кочевым скотоводческим населением, предгорья и горные долины юга и юго-востока были населены главным образом оседлым земледельческим населением. В то время как север и северо-запад имели крайне низкую плотность населения (например, в Мангышлакском уезде 0,38 человека на 1 кв. версту), на юге и юго-востоке наблюдалась значительная плотность населения (например, в Кокандском уезде 34,18 человека на 1 кв. версту).

Среди кочевого населения (казахи, киргизы, туркмены) ещё сохранялся к 1905 г. патриархально-родовой быт; классовое расслоение среди крестьянства, даже в ряде оседлых районов, было недостаточно выражено и затушёвывалось пережитками

прошлого; беднота и батрачество ещё находились под влиянием духовенства, баев и манапов, которые выступали под флагом общенациональных интересов и «священной войны» против «неверных».

В туркестанской национальной деревне в значительно большей степени, нежели в России, сохранялись пережитки феодальных отношений, которые искусственно консервировались царизмом. Трудовое крестьянство испытывало на себе всю тяжесть двойного гнёта — со стороны «своих» баев и феодалов и со стороны русских капиталистов и чиновников. Оно было обложено чрезвычайно высокими налогами (в 3 раза выше, чем в остальной России), которые всё возрастали. Земли быстро концентрировались в руках байства и кулачества. Так же быстро росла задолженность крестьянства ростовщикам и скупщикам хлопка, которая вела к обезземеливанию непосредственного производителя. Беднота, чайрикеры-издольщики и батраки составляли поэтому огромный процент сельского населения. Всё ускорялся процесс пауперизации¹. Кочевники, у которых отбирались земли преимущественно для русских переселенцев, были загнаны в бесплодные пустыни и степи и обречены на вымирание. Начальник Закаспийской области генерал-майор Улановский в своём «всепоподданнейшем отчёте» писал: «В такой непосильной борьбе и с людьми и с природой туркмены, надо думать, осуждены на медленное вымирание»².

К чему привела эта безудержная колониальная эксплуатация трудящегося национального крестьянства, этот двойной пресс выжимания из него соков в пользу «своих» баев и русских капиталистов и чиновников, видно из секретного письма джизакского уездного начальника от 8 июля 1905 г. на имя начальника поземельно-податного отделения при Самаркандском областном правлении. «Население этого уезда, — писал он, — крайне бедное, живущее на гроши, добываемые путём тяжёлого земледельческого труда, который сделался ещё тяжелее за последние 10—15 лет... Постоянных запасов материальных средств у населения не имеется, оно живёт только урожаем данного года... На 270 тысяч жителей во всём уезде не насчитывается и сотни арб; хороший конский состав имеется только у более зажиточных туземцев, которых здесь весьма ограниченное количество; многие из жителей не имеют даже ишака; живёт население в плохих саклях или юртах, причём

¹ В 1909 г. процент безземельных дворов к их общему числу в Ферганской области составлял: в Маргеланском уезде — 22, в Андижанском — 15,4, в Наманганском — 11 и т. д.

² ЦГВИА, АЧГШ, 1904 г., д. 46, л. 12.

последние имеются не у каждого жителя, и только за редким исключением в семье можно найти 2 юрты... Тяжёлое экономическое состояние населения иногда достигает таких размеров, что население некоторых волостей остаётся к весне совершенно без хлеба и живёт милостыней, причём бедные жители питаются корнями диких растений»¹.

Туркестанское национальное крестьянство находилось на более низкой ступени культурного развития, нежели русское в Центральной России. Грамотные насчитывались буквально единицами, причём темнота и невежество масс всячески поддерживались баями, муллами, племенными и родовыми вождями, которым это было выгодно не только в целях лучшей эксплуатации трудящихся, но и в целях удержания своего влияния на массы.

Русские и украинские крестьяне-переселенцы и семиреченские казаки, находившиеся под особым покровительством царизма, направлялись главным образом в районы кочевого или полукочевого хозяйства — в Семиречье и северную часть Сыр-Дарьинской области (районы Чимкента, Аулие-Ата и др.). Казахи и киргизы сгонялись с давно насиженных мест, и их культурные земли с системой ирригационных каналов, с древесными насаждениями, постройками и т. д. предоставлялись под русские переселенческие посёлки.

Своей переселенческой политикой в Туркестане царское правительство преследовало двоякую цель: с одной стороны, создать в этом крае слой крепких кулацких хозяйств, который послужил бы ему опорой во вновь завоёванной стране, а с другой стороны, разрядить насколько возможно «земельную тесноту» во внутренних губерниях России, выбросив оттуда максимум «избыточного» крестьянского населения, и тем ослабить остроту аграрного вопроса. Эта последняя задача встала во весь свой рост перед царской администрацией после начала массовых аграрных движений в России в 1902—1903 гг. и особенно с началом революции 1905—1907 гг.

Первые попытки упорядочения переселенческого дела в Туркестане относятся к 1905 г., когда была впервые образована «Временная переселенческо-устроительная партия для Семиреченской области» и в этом же году в Ташкенте — особая статистическая партия «для производства хозяйственно-статистических, агрономических и гидрологических исследований». Позже (1906 г.) действие этой партии было распространено не только на Сыр-Дарьинскую область, но и на Самаркандскую и Ферганскую. Царское правительство не

¹ ЦГИА УзССР, ф. Самаркандского областного правления (СОП), Секретная опись (СО), д. 1816, л. 19—21.

случайно решило взяться за упорядочение переселенческого дела в Туркестане именно в 1905 г. Под влиянием начавшейся русской революции 1905—1907 гг. местное национальное крестьянство начало открыто проявлять своё недовольство беззастенчивой экспроприацией его культурных земель и оттеснением в бесплодные пустыни и горы. Военный губернатор Ферганской области в своём докладе на имя туркестанского генерал-губернатора (1907 г.) с тревогой писал: «Переселенческое дело, начатое крайне неосторожно, находится в настоящее время в положении, которое уже привело к печальным явлениям и должно в будущем грозить осложнениями, не исключаящими возможности даже восстания»¹. О том же сообщал на имя главноуправляющего землеустройством и земледелием князя Васильчикова туркестанский генерал-губернатор Гродеков. «Практикующиеся ныне приёмы: переселение киргиз (речь идёт о казахах. — А. П.), — писал Гродеков, — под тем или другим предлогом с земель, им самим крайне необходимых, за вознаграждение или под давлением администрации, могут привести только к тому результату, что вызовут вполне понятное озлобление местного населения, которое неизвестно чем может разыгаться»².

Однако создание переселенческих организаций в Туркестане не привело к упорядочению переселенческого дела в крае. По сути дела всё осталось по-старому. Переселенческие организации занялись преимущественно научно-статистическими исследованиями, рассчитанными на десятки лет. А дело не ждало. После неурожайного, голодного 1905 г. в Туркестан хлынула новая переселенческая волна, которая из года в год всё нарастала. Царские власти буквально растерялись. Пришлось снова³ в спешном порядке «закрывать» край для переселения. И он был официально «закрыт» уже в 1907 г. Но это вовсе не сдержало потока переселенцев. Уже к 1906 г. в Туркестане скопилось огромное количество «самовольцев».

По данным Переселенческого управления⁴, на 1 сентября 1906 г. через Челябинск в Сибирь прошло 96 561 человек переселенцев, часть из которых повернула затем на юг — в Акмолинскую, Семипалатинскую и Семиреченскую области; по сведениям той же челябинской регистрации, в восточном направлении прошёл 44 641 ходок. Кроме того, осело пересе-

¹ ЦГИА УзССР, ф. Ферганского областного правления (ФОП), д. 28804, л. 35—46.

² ЦГВИА, ф. 400, АЧГШ, д. 26, л. 163—166.

³ Первый раз Туркестан был официально «закрыт» для переселения в 1897 г. в связи с переселенческой волной после голодного 1892 г. В начале 900-х годов он снова был «открыт» для переселения.

⁴ См. ЦГВИА, ф. 400, АЧГШ, д. 26, л. 99.

ленцев, не зарегистрированных в Челябинске, в Семиреченской области — 30 тыс. человек и в Сыр-Дарьинской — 9 тыс. Эти цифры, конечно, далеко не отражали действительного положения вещей. В октябре 1906 г. туркестанский генерал-губернатор сообщал в Петербург главноуправляющему землеустройством и земледелием, что в одной лишь Семиреченской области «проживает до 50 тыс. душ действительных переселенцев, которых во что бы то ни стало нужно устроить»¹.

Из Семиречья через горы (Кугартский перевал) и со стороны Ташкента переселенцы наводняли и густонаселённую Ферганскую долину, в которой совершенно не было «свободных» земель и где царизм не решался отбирать земли у местного населения, как это практиковалось в Семиречье и на севере Сыр-Дарьинской области. Посланный в Кугартскую долину летом 1905 г. для выяснения положения чиновник особых поручений при ферганском губернаторе Пашкевич доносил:

«Явившиеся в Кугартскую волость переселенцы с семьями и имуществом очутились в крайне тяжёлом положении и начали осаждать уездную администрацию просьбами указать им места, предназначенные для устройства русских посёлков...

Вынужденные так или иначе устроиться, крестьяне производят самовольный захват земли, принадлежащей киргизам, причём заметно развиваются бродяжнические наклонности»².

В результате Кугартская долина Ферганы в 1905—1907 гг. стала ареной ряда кровавых столкновений между переселенцами и местными жителями.

Самовольные захваты земель у коренного населения и кровавые столкновения носили почти повсеместный характер в Туркестане. Они являлись неизбежным результатом всей переселенческой политики царизма.

Царизму не удалось, несмотря на химерические проекты переселения в Туркестан 1,5 млн. русских крестьян, достигнуть в этом отношении сколько-нибудь серьёзных успехов. За 40 лет колонизации (1868—1908) во всём огромном Туркестанском крае было образовано лишь 136 русских посёлков с общим количеством в 14 657 дворов с 103 684 жителями.

Большинство переселенческих посёлков в течение десятилетий оставалось не землеустроенным, почти всюду существовала отсталая общинная система ведения хозяйства с периодическими переделами земли, с трёхполкой, а иногда и с двухпольным клином; земли, за редким исключением, не удобрялись, слабо применялась машинная обработка и т. д. Всё это вело к быстрому истощению земли, благодаря чему поселковые

¹ ЦГВИА, ф. 400, АЧГШ, д. 26, л. 138—139.

² ЦГИА УзССР, ф. ФОП, д. 28804, л. 35—46.

надельные земли забрасывались и крестьяне, как правило, переходили к аренде новых целинных земель у местных жителей.

Земельная обеспеченность в разных посёлках была совершенно различная, в подавляющем большинстве своём ниже установленных 10 десятин на мужскую душу населения и зачастую доходила до 2,7 десятины (посёлок Степановский Лепсинского уезда). Норма на двор колебалась от 10,7 десятины (в том же Степановском посёлке) до 42,9 десятины (Карасуйское Верненского уезда). Ещё большие контрасты в этом отношении можно было наблюдать в Сыр-Дарьинской области: в то время как в Чимкентском уезде земельная обеспеченность на одну мужскую душу почти во всех 18 переселенческих посёлках составляла от 1 до 3 десятин и не превышала 5,9 десятины (Дорофеевка), — в рядом лежащем Аулиэатинском уезде эта обеспеченность в отдельных посёлках достигала 17,7 десятины на душу и 67,7 десятины на двор (Степное).

В то время как одни из переселенческих посёлков были прекрасно обеспечены плодородной землёй и водой и имели действительно цветущий вид (главным образом в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях), — другие наспех создавались в бесплодных горах и пустынях по прихоти того или иного ретивого администратора. Вот как описывал корреспондент газеты «Туркестан» один из русских посёлков в Самаркандской области: «Среди знойной степи, в солончаке возвышается посёлок... Жалкие хибарки, слеplенные на скорую руку, — кругом ни деревца — почти голая равнина — и это посёлок с причудливым названием «Обетованный». В колодцах вместо воды раствор «глауберовой соли»... Переселенцы — пришельцы из Саратовской, Самарской и Херсонской губерний — занимаются кто чем может и горазд, а о земледелии и помину нет... Часть идёт на отхожие промыслы, «на чугуники», часть занимается скотоводством, пользуясь лугами у Сыр-Дарьи»¹.

За средними цифрами земельной обеспеченности отдельных посёлков скрывалось резкое классовое расслоение в среде русских переселенцев. В то время как отдельные переселенческие дворы превращались в настоящие помещичьи хозяйства, имевшие в своём распоряжении свыше 200 десятин земли, сотни голов скота, много усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря и широко применявшие наёмную рабочую силу, — другие, наоборот, влачили жалкое существование, и хозяева их нанимались в батраки к своим односельчанам-кулакам.

Особенно плохо было в переселенческих посёлках Самаркандской и Закаспийской областей. Люди массами уходили

¹ «Туркестан» № 11 от 8 сентября 1906 г.

отсюда, бросая на произвол судьбы свои земли и устраиваясь куда-либо на работу — на фабрики и заводы, на железную дорогу, либо подыскивая себе иные занятия. «Если писать историю колонизации Туркестанского края, — писала газета «Туркестан», — то в ней будет не один десяток печальных страниц, и в длинную цепь страданий русского мужика придётся включить новые звенья»¹.

Царизму так и не удалось создать в лице русских переселенцев массовую для себя опору в Туркестане. Этой опорой явилась лишь кулацкая верхушка переселенцев. «Самовольцы» же, прибывавшие в край, и немалая часть уже «устроенных» переселенцев оказались не опорой царизма, а угрозой для него. Это особенно остро почувствовали царские власти в период революции 1905—1907 гг.

Было время (80—90-е годы XIX в.), когда царизм вооружал переселенцев-кулаков и охотно перечислял переселенцев в казачье сословие. После 1905 г. надежды царских властей на «надёжного» переселенца рухнули. Уже в 1906 г. туркестанский генерал-губернатор телеграфировал военному министру: «Нахожу безусловно несвоевременным обращать в казаков крестьян — самовольных переселенцев, так как это может внести в войско вредную деморализацию, поведёт к упадку духа казачества»². После революции 1905—1907 гг. царизм приступил к постепенному разоружению переселенцев.

Захваты земель у местного коренного населения и многочисленные столкновения создавали некоторую национальную рознь между русскими крестьянами-переселенцами и местным коренным крестьянством. Вместе с тем создавались противоречия и внутри русской прослойки — между крестьянами-переселенцами и семиреченским казачеством.

Национальная и социальная рознь между семиреченскими казаками и местным коренным населением была ещё более глубокой. Семиреченские казаки были поставлены царским самодержавием в ещё более привилегированное положение, нежели крестьяне-переселенцы. Они были наделены за счёт местного коренного населения обжитыми плодородными землями в количестве 30 десятин на мужскую душу. Эту землю они сами, как правило, не обрабатывали, а эксплуатировали труд экспроприированного национального крестьянина. Все их станицы были расположены на лучших землях Семиреченской области, что вполне обеспечивало их материальное благополучие.

В казачьих станицах не было того резкого классового не-

¹ «Туркестан» № 11 от 8 сентября 1906 г.

² ЦГВИА, ф. 400, АЧГШ, д. 26, л. 55.

равенства, которое наблюдалось в переселенческих посёлках. Семиреченские казаки в своей массе являлись поэтому надёжной опорой царизма в Туркестане.

Всего в Семиреченской области (Семиреченское казачье войско) к 1905 г. было создано 30 казачьих населённых пунктов с общим количеством казачьего населения в 33 188 человек, в том числе 4 748 войсковых чинов. В их распоряжении в общей сложности было 610 519 десятин земли¹.

Значительными особенностями отличалась русская буржуазия в Туркестане. Если в метрополии русская буржуазия была тесно связана с царизмом (полицейская помощь против рабочих, получение заказов и пр.), то в колониальном Туркестане эта связь была ещё более тесной, помощь буржуазии со стороны царизма была здесь ещё более существенной и наглядной. В Туркестане действовали наиболее хищнические элементы русской буржуазии (торговцы, ростовщики, комиссионеры, коммивояжёры, всевозможные посредники и скупщики и т. п.), устремлявшиеся во вновь завоёванную страну с целью быстро разбогатеть на эксплуатации покорённых народов и действовавшие рука об руку с царской администрацией.

На Туркестан смотрели, как на золотое дно, где каждый проходимец стремился «попытать счастья» и урвать что-либо для себя. Одни при этом прогорали, другие же, наоборот, быстро поднимались в гору, ловко перекачивая в свои карманы результаты труда колониальных рабов.

Офицеры и генералы, крупные административные чины и мелкие чиновники, даже духовные лица — все были как будто одержимы недугом стяжательства: превращались в предпринимателей, сколачивали себе состояние, гнались за барышами, ничем не гнушаясь, грели руки буквально на всём.

Для того чтобы обеспечить именно русским капиталистам хорошие барыши, был выброшен официальный лозунг: «Туркестан — для русских». С этой целью была фактически запрещена предпринимательская деятельность в Туркестане не только иностранным капиталистам, но и русским подданным — еврейской, татарской буржуазии и пр.

В положение об управлении краем был введён даже специальный пункт: «Приобретение земель и вообще недвижимых имуществ в Туркестанском крае лицами, не принадлежащими к русскому подданству, а равно всеми, за исключением туземцев, лицами не христианских вероисповеданий воспрещается».

Как ревностно оберегал царизм «права» русских капиталистов на монопольное ограбление Туркестана — колонии,

¹ См. «Отчёт о состоянии Семиреченского казачьего войска за 1905 год» (ЦГВИА, ф. 1396, ШТВО, оп. 2, д. 333).

прекрасно видно, например, из его политики по отношению к еврейской буржуазии в Туркестане. Въезд в Туркестан для евреев был ещё более ограничен, нежели в другие местности царской России вне черты еврейской оседлости.

Это ярко выраженное покровительство русской буржуазии в Туркестане со стороны царских властей ставило её в привилегированное положение; она быстро наживалась и богатели. Всё это привело к тому, что русская буржуазия в Туркестане была ещё более реакционной, нежели в Европейской России. Вот почему она в Туркестане не требовала для себя никаких «свобод», наоборот, всячески помогала царизму, оправдывала все его черносотенные мероприятия, боясь малейшего ослабления царской власти в Туркестане, который столь хищнически эксплуатировала.

Местная национальная буржуазия к 1905 г. уже представляла собой известную величину, особенно в узбекских областях (Сыр-Дарьинская, Ферганская, Самаркандская и Бухара).

Надо сказать, что туземный торгово-ростовщический капитал после завоевания царизмом Туркестана начал «работать» не на свои средства, а преимущественно на средства, получаемые от хлопковых фирм и банков, что значительно расширяло его эксплуататорские возможности и, следовательно, возможности накопления. «Скупщики, — писал С. А. Мелик-Саркисян, — живут и действуют благодаря суммам, которые им так щедро и доверчиво раздают представители наших фирм»¹.

Из этих мелких посредников, ростовщиков, скупщиков, арбакешей и т. п. вырастали постепенно крупнейшие капиталисты и кулаки.

В одной из докладных записок о положении в Фергане (1914 г.) ферганский военный губернатор писал: «В русские времена стали возможны такие явления, как сосредоточение в руках малограмотного Миркамиля Мумынбаева состояния в 14 000 000 рублей, нажитых им на ростовщических операциях. Таких кулаков, как Миркамиль, развелось здесь много, вся разница в размерах накопленных богатств»².

Из этой же среды постепенно выросла и местная национальная промышленная буржуазия (владельцы хлопкоочистительных и других заводов, фабрик, мастерских и т. д.). В 1897 г. из 86 хлопкоочистительных заводов в Фергане местным национальным фирмам принадлежало 57; в 1911 г. из 157 — уже 109 заводов.

¹ С. А. Мелик-Саркисян, К вопросу о положении хлопкового дела в Ферганской области и меры к его упорядочению, Министерство земледелия и государственных имуществ, Спб. 1899, стр. 77.

² ЦГИА УзССР, ф. 12/с, Туркестанское охранное отделение (ТОО), д. 1471, л. 31.

К началу XX в. среди местной национальной буржуазии насчитывался не один десяток крупнейших капиталистов-миллионеров: уже упомянутый выше Миркамыш Мумынбаев (Андижан), Ариф-Ходжа Азиз-Ходжинов (Ташкент), Мир Саид Азимбаев (Ташкент), Темирбеков, Мирсалихбай Мирбадалев, Исабек Хакимбаев, Бакиджан Дададжанбаев и целый ряд других. Десятки и сотни крупных промышленных предприятий и торговых фирм принадлежали местным национальным капиталистам.

Большая часть розничной мануфактурной торговли, торговля пищевыми продуктами (даже на базарах в русской части города) и целый ряд других отраслей принадлежали местным национальным капиталистам, которые быстро росли как по своему количеству, так и по накапливаемым капиталам.

Этот быстрый рост местной национальной буржуазии не нравился царизму, который мечтал превратить Туркестан в «истинно-русский» район. Вот почему мы находим в отчёте сенатора графа Палена следующие слова: «Чтобы сохранить Туркестан как колонию, способную доставлять нужные нам продукты, и как большой рынок для продуктов фабрично-заводской промышленности Европейской России, необходимо вырвать туземное земледельческое население из рук ростовщиков и задаткодателей»¹.

Несмотря на быстрый рост местной национальной буржуазии, она по своему экономическому положению всё же находилась в зависимости от русской империалистической буржуазии, от банков, всевозможных текстильных и хлопковых фирм и т. д. Она играла, таким образом, второстепенную, по большей части подсобную роль компрадорской буржуазии. Это создавало некоторые противоречия между местной и русской буржуазией, порождало некоторую оппозиционность национальной буржуазии по отношению к царизму, который всячески стеснял её развитие.

Оппозиционность национальной буржуазии по отношению к русскому царизму и русской буржуазии отражала собою стремление национальной буржуазии самой эксплуатировать «свои» трудящиеся массы, нежелание делить добычу с иноземными завоевателями. Отсюда развитие буржуазного национализма (пантюркизм, джадидизм и пр.), которое подогревалось и ускорялось влиянием более развитой татарской буржуазии: татарские националистические газеты, распространявшиеся в

¹ «Приложение к отчёту по ревизии Туркестанского края, произведённой по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом», ч. 1, отд. 2, стр. 532.

Туркестане; татарская интеллигенция, главным образом учителя, преподававшие в новометодных школах; представители татарской буржуазии, которые в изобилии устремлялись в Туркестан, и т. д.

Вместе с тем местная национальная буржуазия прекрасно понимала, что её благополучие тесно связано с благополучием русских капиталистов и во многом зависело от царских властей.

Отсюда — характерная двойственность в положении туркестанской национальной торгово-промышленной буржуазии, которая нашла своё яркое отражение на страницах джадидской националистической печати, появившейся в Туркестане в период первой русской революции. Эта печать проповедывала, с одной стороны, пантюркистские идеи с ориентацией на Турцию, а с другой — всячески превозносила русский царизм и раболепствовала перед ним.

Особое место в Туркестане занимала русская интеллигенция (адвокаты, врачи, инженеры, студенты, отчасти мелкое чиновничество, например, чиновники Переселенческого управления и др.), которая частично пополнялась высланными в Туркестан «неблагонадёжными» элементами. Эта интеллигенция принимала известное участие в революционном движении 1905—1907 гг. в Туркестане, пополняя собой ряды преимущественно эсеровской партии, а также кадетов, октябристов и др. Она по большей части была заражена великодержавным шовинизмом и относилась весьма пренебрежительно к местному коренному населению, защищая «общерусское дело» в Туркестане.

Кадры местной национальной интеллигенции были весьма малочисленны и играли в общем незначительную роль в революции 1905—1907 гг. в Туркестане.

Подавляющее большинство местных национальных школ (мектебы и медресе) были по сути дела схоластическими мусульманскими духовными школами, где изучался лишь коран и шариат и преподавателями в которых состояли обычно духовные лица.

Весьма незначительная прослойка молодёжи, преимущественно из родовой знати, помещичьих семей или крупных торговцев, которую можно было буквально пересчитать по пальцам, получала образование либо в русских высших учебных заведениях, либо — реже — в Германии (получала обычно военное либо юридическое образование). Эта интеллигенция преимущественно пополняла собой ряды джадидских (Узбекистан) и алашских (Казахстан) националистов. К этой же буржуазно-националистической интеллигенции принадлежали в большинстве своём и учителя (обычно татары) так называе-

мых «новометодных» (звуковой метод) мусульманских школ, возникших в Туркестане лишь в начале 900-х годов (в этих школах помимо духовных предметов преподавались и такие предметы, как география, арифметика, русский язык и т. д.).

Наконец, русско-туземные школы, насаждавшиеся в Туркестане царизмом (первая такая школа была открыта в Ташкенте в 1884 г.) и готовившие кадры низовых агентов царской власти из местного коренного населения (переводчики, волостные управители, старшины и пр.), выпускали обычно людей, преданных самодержавию и тесно связанных с ним.

Туркестан (главным образом его узбекские и таджикские области) в течение многих веков являлся одним из оплотов мусульманской религии и рассадником мусульманской книжной учёности и мистицизма. «Священная» Бухара (Бухара-и-шериф)¹, Самарканд, Коканд, Хива, Туркестан и ряд других городов были его основными религиозными центрами. Огромным влиянием в Средней Азии пользовались многочисленные ишаны (пиры), имевшие множество последователей (мюридов). Широко были распространены и дервишские ордена. Мечети, мазары и другие священные места были густой сетью разбросаны по всему краю.

Многочисленные духовные школы (мектебы и медресе) пополняли ряды духовенства. В одной только Бухаре было около 200 медресе (высших, средних и низших) и 300 мектебов, в Коканде — 25 медресе и 100 мектебов, в Намангане — 14 медресе и 40 мектебов, в Андижане — 14 медресе и 60 мектебов и т. д.

В руках духовенства (в распоряжении мечетей, медресе, мектебов, мазаров и т. д.) были сосредоточены огромнейшие богатства (так называемые «вакуфы») — земли, магазины, караван-сарай и пр., которые складывались из «богоугодных» пожертвований правоверных. До царского завоевания они были фактически освобождены от всяких налогов (ак-вакуфы) и непрерывно возрастали за счёт новых приношений. Достаточно сказать, что в Бухаре почти половина всей обрабатываемой земли принадлежала вакуфам; только одни медресе в Бухаре получали ежегодно (1914 г.) свыше полмиллиона (641 400) рублей дохода.

Весьма многочисленное мусульманское духовенство Туркестана, под полным влиянием которого (особенно до революции 1905—1907 гг.) находились широкие массы местного коренного населения, было в большинстве своём, особенно до начала XX в., настроено резко оппозиционно и даже враж-

¹ После царского завоевания Туркестана Бухара сделалась основным религиозным центром для всей Средней Азии.

дебно по отношению к царскому самодержавию. Причин для этой враждебности было много. Во-первых, царские власти ликвидировали в Туркестане духовное управление, захватив заведывание религиозно-административными делами в свои руки (военные губернаторы). Во-вторых, мусульманское духовенство, пользовавшееся при ханской власти большими правами, привилегиями и преимуществами и влиявшее на гражданское управление, при царизме было уравнено в правах со всем остальным населением и лишилось, таким образом, всех этих привилегий и преимуществ. В-третьих, под предлогом эпидемии в Аравии царские власти до 1900 г. запрещали паломничество в Мекку, которое приносило немалые доходы духовенству и играло большую роль в религиозной жизни мусульман. В-четвёртых, положение об управлении Туркестанского края, введённое в 1886 г., значительно ограничило права вакуфов — они были обложены поземельной податью и другими налогами, от которых прежде освобождались, а часть вакуфных земель была даже конфискована, что материально ударило по духовенству. Мусульманское духовенство смотрело на эти явления, как на сознательный подрыв устоев мусульманской религии. В-пятых, не нравилось мусульманскому духовенству и открытие царскими властями «русско-туземных школ», которые конкурировали с мектебами, дававшими религиозное образование.

Об этой враждебности мусульманского духовенства по отношению к царизму прямо заявлял временный командующий войсками Туркестанского военного округа генерал-лейтенант Корольков в своём отчёте от 3 августа 1898 г. туркестанскому генерал-губернатору Духовскому. Он писал о деятельности «влиятельных ишанов, мударисов, мутевалиев и тому подобных элементов, большей частью относящихся к русской власти враждебно или по крайней мере недоброжелательно»¹.

Недовольна была своим положением при царизме и многочисленная знать, оставшаяся в Туркестане от прежних ханских времён: офицеры бывших ханских армий, чиновничество, дворцовая челядь и т. д.

Представители мусульманского духовенства и бывшей ханской знати, чувствовавшие себя ущемлёнными царской администрацией, неоднократно использовали в своих интересах брожение и недовольство национальных крестьянских масс против царских властей, поднимали их зачастую на восстания против царизма и становились во главе их. Этим они рассчитывали одновременно укрепить своё влияние и популярность в массах. Вместе с тем духовенство приносило в эти восстания

¹ ЦГВИА, ф. 400, АЧГШ, д. 97—382, л. 281—297.

свои религиозные лозунги, придавая борьбе восставших трудящихся масс религиозную окраску.

В 80—90-х годах XIX в. представители духовенства и бывшей ханской знати возглавляли ряд восстаний против царских властей. Они же в 1898 г. руководили и известным андижанским восстанием, в котором основную массу восставших составляло обездоленное национальное крестьянство и беднота.

Андижанское восстание, хотя и быстро подавленное, произвело большое впечатление на царские власти, ибо это восстание вызвало брожение в массах коренного населения буквально во всём Туркестане и пользовалось сочувствием почти всех слоёв местного населения. Но особенно поразило царизм то обстоятельство, что, несмотря на широкую и продолжительную подготовку к восстанию, о которой, несомненно, знали огромные массы коренного населения, никто не предупредил царизм об опасности. Вот почему, жестоко расправившись с восставшими, царские власти стали подумывать о создании серьёзной опоры в среде местного коренного населения.

На стороне царизма была по сути дела лишь феодально-буржуазная верхушка местного мусульманского общества — крупные землевладельцы, торгово-промышленная буржуазия, ростовщики. Кокандский уездный начальник в своём рапорте от 27 мая 1900 г. писал: «Самым надёжным классом является класс промышленно-торговый... в силу того, что он находит своё имущественное положение более обеспеченным при русском правительстве, чем это было при мусульманском владычестве»¹.

Надо было теперь перетянуть на свою сторону и мусульманское духовенство и создать опору в других слоях населения, ибо царизм ясно увидел в период андижанского восстания всю нежелательность иметь против себя единый фронт почти всего местного коренного населения, руководимого влиятельным мусульманским духовенством.

Царские власти пошли на ряд уступок мусульманскому духовенству: в 1900 г. был снят запрет с паломничества в Мекку, ещё ранее — в 1898 г. — генерал-губернатором Духовским была образована особая комиссия «для рассмотрения и разрешения вопросов как об устройстве в Туркестанском крае духовного управления мусульман, так и о возможно широком изучении чинами административно-полицейского управления быта, экономического положения и мирозозерцания туземцев»². Правда, работа этой комиссии не увенчалась успехом,

¹ ЦГИА УзССР, ф. ФОР, д. 7184, л. 106 об.

² ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, оп. 1, д. 540, л. 134—135.

и мусульманское духовное управление так и не было учреждено в Туркестане до 1917 г. Началась разработка нового положения об управлении Туркестанским краем взамен положения 1886 г., которое было признано теперь «несовершенным»; царские власти начали более осторожно подходить к мусульманскому духовенству, всячески стараясь не ущемлять его интересы, и т. д.

Вместе с тем при участковых приставах была введена специальная должность по наблюдению за «состоянием умов» местного коренного населения. Генерал-лейтенант Корольков, производивший расследование причин андижанского восстания, предложил «предоставить серьёзные привилегии детям туземцев, с успехом окончившим курс в русско-туземных школах и городских училищах»¹. Были проведены в жизнь и другие мероприятия.

В результате царское самодержавие постепенно создало из среды местного коренного населения целую сеть своих агентов и союзников: переводчики, туземные полицейские, сельские и аульные старшины, волостные управители и прочие низовые агенты власти. Постепенно оно перетянуло на свою сторону и значительную часть мусульманского духовенства.

Туркестан издавна — с момента его завоевания — служил местом ссылки для всевозможных политически «неблагонадежных» элементов, причём особенно широкие размеры приняла высылка «политических преступников» в Туркестан в 1903 и 1904 гг., а также во время революции 1905—1907 гг. В это время царские власти буквально пачками начали высылать из Европейской России в туркестанские «пустыни» политически «неблагонадежных» людей, которые растекались затем по всему обширному краю, причём особенно много оседало их в основных рабочих центрах (в Ташкенте, Кизил-Арвате, Асхабаде, Перовске и др.). Они поступали здесь на работу, преимущественно на железные дороги (мастерские, депо), на фабрики и заводы, в типографии, во всевозможные мастерские, либо устраивались на мелкие канцелярские должности, в торговые фирмы и т. д. Начальник города Ташкента подполковник Киселёв в своём рапорте от 26 мая 1904 г. на имя военного губернатора Сыр-Дарьинской области писал: «За последнее время в город Ташкент прибывает из разных городов империи масса лиц, высланных отсюда за государственные преступления под надзор полиции или за участие в рабочих беспорядках, или же за беспорядки в учебных заведениях... С прибытием их в городе, как установлено, появляются различные противоправительственные издания, распространяемые среди

¹ ЦГВИА, ф. 400, АЧГШ, д. 85, ч. 4, л. 37—44.

рабочего класса, не только в железнодорожных мастерских, но и в мастерских частных»¹.

Чтобы судить о том, из кого состояли ссыльно-поселенцы в Туркестане накануне революции 1905—1907 гг. и за какие «преступления» они высылались, приведём несколько примеров из «Списка лиц, состоящих под надзором полиции в Сыр-Дарьинской области»². Вот, например, Ивлев, бывший студент Лесного института, «пытался организовать кружок социалистического характера»; Ковалевский, варшавский мещанин, «обвиняется в хранении и распространении социал-демократических изданий», работает на месте ссылки в слесарно-механической мастерской; Лысов, крестьянин Калужской губернии, выслан за хранение нелегальных изданий, работает в Ташкенте в железнодорожных мастерских и т. д.

Ссыльно-поселенцы имели большое значение для Туркестана. Они сыграли крупную роль в подготовке и проведении революции 1905—1907 гг. в Туркестане. Большевики, составлявшие немалую прослойку в среде поднадзорных, явились учителями трудящихся масс Туркестана.

Туркестан был значительно удалён и отрезан от основных центров революционной борьбы в России. Это создавало известную его изолированность. Для того чтобы попасть в Туркестан, надо было либо ехать лошадьми или караваном из Оренбурга в Ташкент (почти 2 тыс. км)³, либо через Каспийское море и дальше по Средне-Азиатской железной дороге (Красноводск — Ташкент). Последний путь был до 1905 г. главным. Поэтому основное влияние в революцию 1905—1907 гг. шло в Туркестан со стороны Кавказа, в частности из Баку.

II

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ 1905—1907 гг. И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ТУРКЕСТАНА

1. Нарастание революционного движения и высший подъём революции в Туркестане (1905 г.)

События 9 января 1905 г. положили начало революции во всей России, в том числе и в Туркестане.

12 января 1905 г., в так называемый «Татьянин день», в Ташкентском общественном собрании должен был

¹ ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, оп. 1, д. 332, л. 83.

² См. там же, д. 192, л. 136—142.

³ Постройка Оренбург-Ташкентской железной дороги была закончена лишь к январю 1906 г.

состояться банкет, организованный либерально настроенной буржуазной интеллигенцией. Банкет посвящался 150-летию юбилею Московского университета. Местные социал-демократы во главе с большевиком Корнюшиным решили превратить этот банкет в политический митинг, посвящённый кровавым событиям 9 января в Петербурге. На банкет должен был прийти весь актив социал-демократической организации, причём каждый обязан был привести с собой возможно больше наиболее активных и революционно настроенных рабочих. В день 12 января, ещё задолго до начала банкета, на улицах, в мастерских и казармах разбрасывались социал-демократические листовки, призывавшие к свержению самодержавия. Царские власти почувствовали, что готовится что-то «недоброе», после того как рабочие временных мастерских Оренбург-Ташкентской железной дороги заявили администрации, что в этот день уйдут с работы на 2 часа раньше, так как желают присутствовать на банкете. Поэтому здание Общественного собрания было окружено «на всякий случай» казаками и полицией, на банкет явился и «сам» начальник города Ташкента. Но всё это не смогло помешать превращению банкета в революционный митинг, на который пришло более 400 рабочих, главным образом железнодорожников, причём присутствовали и узбекские рабочие.

Председествовавший на банкете член Ташкентского окружного суда Богданович в своей вступительной речи пригласил «желающих высказать свои нужды и требования тех реформ и изменений в государственном управлении, которые, наконец, вывели бы Россию из того тяжёлого положения, в котором она находится благодаря бюрократическому произволу»¹. Затем выступило ещё несколько буржуазных либералов, говоривших, как и председатель, лишь о реформах, о некотором «улучшении» государственного управления и т. п. Но вскоре их голоса и слабые призывы к реформам буквально потонули среди революционных речей социал-демократических рабочих, которые прерывались бурными аплодисментами. Выступил большевик Корнюшин и ещё целый ряд социал-демократических ораторов, призывавших к борьбе с самодержавием, к прекращению кровавой бойни на Дальнем Востоке, требовавших созыва Учредительного собрания и т. д. В результате благочинный либеральный банкет превратился в бурный революционный митинг рабочих. Здесь же на митинге Корнюшин впервые прочёл телеграммы о кровавых событиях в Петербурге, которые царские власти в Туркестане до этого скрывали, не разрешая газетам их печатать. Это ещё больше подняло настроение при-

¹ ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 301, л. 2—5.

существовавших. В конце митинга были поставлены на голосование две резолюции — одна либеральная и другая, выработанная на квартире у большевика Корнюшина, причём последняя была принята подавляющим большинством голосов. За неё же голосовало и большинство присутствовавшей интеллигенции.

Этот банкет-митинг имел огромное значение, так как в нём впервые в Туркестане приняла участие рабочая масса. Вместе с тем это был первый крупный успех туркестанских социал-демократов-большевиков, авторитет которых после митинга чрезвычайно возрос. Митинг произвёл большое впечатление на все слои населения — о нём ещё долго говорили, как о выдающемся политическом событии в крае. А туркестанский генерал-губернатор Тевяшев, узнав о том, что происходило на митинге, немедленно же принял целый ряд карательных и предупредительных мер. Через 3 дня он уже сообщал военному министру (15 января 1905 г.): «По поводу речей, касающихся изменения государственного порядка, я предложил прокурору окружного суда немедленно направить это дело в законном порядке, а поступки лиц, состоящих на государственной службе и позволивших себе произнести перед рабочими недопустимые речи, я передал на распоряжение начальств этих лиц. Для ограждения в городе внешнего порядка и спокойствия я приказал временно усилить состав местной полиции»¹.

На подобном же банкете в Самарканде произнёс зажигательную речь большевик Морозов, призвавший присутствовавшую интеллигенцию² к активности и проявлению «революционного пыла, которым каждый горел в стенах университета»³. Когда же за ужином был предложен тост «за здоровье государя-императора», большевик Позняков «демонстративно встал и ушёл»⁴. За ним последовали и другие. Это была демонстрация против царского самодержавия.

Подобная же демонстрация состоялась и в Кизил-Арвате на банкете 12 января⁵.

Период январь — сентябрь 1905 г. характеризуется в Туркестане отдельными, по большей части экономическими, забастовками рабочих, волнениями в войсках преимущественно на экономической почве, начавшимся аграрным движением в национальной деревне и первыми массовыми политическими демонстрациями (Ташкент, Асхабад). Это был период

¹ ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1905 г., д. 1350, ч. 76, л. 2.

² Банкет состоялся без участия рабочих.

³ «Красная летопись Туркестана» № 1—2, Ташкент 1923, стр. 24.

⁴ ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 322, л. 14—15.

⁵ См. Узбекский филиал Института Маркса — Энгельса — Ленина (ИМЭЛ), Рукописный фонд, д. Р-1531, стр. 43—108.

нарастания революционных событий, первой пробы революционных сил, когда трудящиеся массы — забитые и угнетённые, ещё не имевшие в Туркестане никакого опыта классовой борьбы, — только начинали подниматься на решительную битву с царским самодержавием и эксплуататорами.

В феврале — марте 1905 г. прошла полоса экономических забастовок среди рабочих железнодорожных мастерских (в главных мастерских на станции Ташкент, в депо на станции Чарджуй, в Кизил-Арвате, Черняево и др.). Рабочие требовали 8-часового рабочего дня, увеличения заработной платы, сокращения сверхурочных работ, отмены штрафов, улучшения медицинского обслуживания и т. д. Наряду с этим выдвигались и такие требования, как «свобода собраний... свобода союзов и стачек», «устройство публичных чтений для рабочих», вежливое обращение с рабочими, удаление из мастерских ненавистных рабочим администраторов, выборность бригадиров, «празднование 19 февраля (день «освобождения крестьян» 1861 г. — А. П.) и 1 мая» и т. д.¹

Однако больших успехов во время этих забастовок рабочие не добились, и на железных дорогах почти всё осталось по-старому. В этот же период состоялись ещё две кратковременные забастовки железнодорожных рабочих на станции Черняево в апреле и в Перовске в августе 1905 г. Кроме того, бастовали рабочие мелких ташкентских мастерских и заводов (всего 350 человек), в частности завода фирмы Ж. Блок, где забастовка продолжалась очень долго и закончилась локаутом, бастовали кучера и кондуктора ташкентской конки «Бельгийского анонимного общества» (26—30 мая) и т. д. Наконец, в это же время (апрель — сентябрь) прокатилась волна экономических забастовок и предъявления требований со стороны приказчиков в Ташкенте, Асхабаде, Самарканде, Новом Маргелане и других городах, портных и парикмахеров в Ташкенте, извозчиков в Перовске, хлебопёков, буфетчиков и лакеев в Асхабаде и т. д.

В феврале — марте 1905 г. начались аграрные волнения в национальной деревне, причём особенно широкие размеры и острые формы они приняли в Наманганском уезде Ферганской области во время перевыборов сельских старшин и волостных управителей.

Сельские старшины и волостные управители, избиравшиеся из среды населения, играли в колониальной деревне весьма

¹ «Требования рабочих главных мастерских на станции Ташкент Средне-Азиатск. ж. д. к железнодорожной администрации» (ЦГИА. УзССР, ф. Сыр-Дарьинского областного правления (СДОП), д. 31235, л. 33—35).

существенную роль в деле эксплуатации трудящихся масс. Они имели фактически почти ничем не ограниченные права в деле раскладки податей, назначения на всевозможные виды трудовой повинности и т. д. Избираемые обычно из среды «влиятельной» верхушки (т. е. из среды наиболее богатых людей), они перекладывали, как правило, на плечи бедноты всю тяжесть налогового бремени, трудовой повинности и т. д., кроме того, имели в своих руках десятки других рычагов для её обирания и эксплуатации.

Вокруг выборов сельских старшин и волостных управителей обычно происходила борьба между отдельными «влиятельными» лицами, применявшими подкупы пятидесятников, запугивание населения и даже прямые насилия. Представители бедняцких слоёв населения почти никогда не попадали на эти доходные должности и обычно мирились с избранием любого волостного управителя или сельского старшины.

Во время революции 1905—1907 гг. трудящиеся слои крестьянства зачастую вступали в открытую борьбу как против байско-кулацкой верхушки деревни, так и против царских властей.

Именно такой характер и носили аграрные волнения в начале 1905 г. в Наманганском уезде.

В целом ряде волостей этого уезда (Тергаучинской, Сарайской, Янги-Курганской, Багишской) произошли настолько крупные «беспорядки» во время выборов волостных управителей, что во всех этих волостях выборы оказались сорванными. Вследствие невозможности произвести выборы уездный начальник просил военного губернатора назначить в этих волостях управителей административным путём. В трёх волостях (Арымской, Сусамырской и Чаткальской) пришлось перенести выборы на май. В ряде других волостей (Чадакской и др.) произошли волнения в отдельных селениях в связи с выборами сельских старшин и т. д. Даже там, где удалось провести выборы, трудящиеся массы ещё долго не могли успокоиться и требовали переизбрания волостных управителей и сельских старшин (селения Тепе-Курган, Кырчин, Кара-суй, Алты-Капаган, Ак-юль и др.).

На классовый характер этих волнений и их аграрную подоплёку указывает ряд документов. В прошении (от 30 марта 1905 г.), поданном жителями (несомненно беднотой) трёх сельских обществ Сарайской волости военному губернатору Ферганской области, излагалась просьба разрешить переизбрание пятидесятников и волостного управителя. «С давнего времени, — писали крестьяне, — мы терпим притеснения от наших пятидесятников. Терпим также и от потомков Али-бек Хаттабека и Качкуна Тимаева, их родственников и друзей, почему

и постановили никогда не избирать их ни на какие должности... Наши пятидесятники дали в текущем году обещание избрать на должность волостного управителя из нашей среды человека... угодного населению. Среди населения существует некоторый беспорядок относительно распределения податей, например несправедливое распределение кибиточной подати, при котором богатые вносят мало, бедняки — много. Затем с населения берут деньги, имущество и скот, не смотря на то, имеются какие-либо причины или нет. Во время выборов пятидесятники забыли обещания, данные населению, и подали голоса за старого волостного управителя»¹.

В 1905 г. беднота проявила такую активность, что ей удалось даже провести в отдельных волостях, например в Сусамырской, в управители бедняков, против которых баи и прочие «влиятельные» лица не замедлили предпринять целый поход².

В рапорте наманганского уездного начальника от 24 февраля 1905 г. на имя военного губернатора Ферганской области описано одно из крестьянских выступлений в Чадакской волости: «20-го сего февраля, — писал он, — к чадакскому участковому приставу явились шесть человек от имени жителей селения Тепе-Курган Чадакской волости с жалобой на якобы неправильные выборы сельского старшины Тепе-Курганского сельского общества. Участковый пристав штабс-капитан Богаевский, выслушав их, объявил, что он едет в селение Гурум-Сарай и оттуда проедет в селение Тепе-Курган, чтобы разобрать их жалобу. Штабс-капитан Богаевский хотел отправиться на базар, но в это время подошла к его дому толпа человек в 300. Он вышел к толпе и, узнав, что они пришли по тому же делу, по которому приходили до них шесть человек, напомнил им, что толпой являться строго воспрещается и что они немедленно должны разойтись и вернуться домой. Толпа начала шуметь и заявила, что они идут к «хакиму» (т. е. уездному начальнику. — А. П.). Пристав вторично им предложил разойтись... Толпа не расходилась. Пристав настойчиво потребовал, чтобы она разошлась. Тогда некий Осман-Али крикнул «ура» и двинулся по направлению к приставу, а за ним и толпа. Приставу с подоспевшими к нему джигитами, алмазским волостным управителем и случайно находившимися около его канцелярии людьми удалось несколько отогнать её только при помощи нагаек. Ввиду же того, что толпа продолжала иметь угрожающий вид, штабс-капитан Богаевский произвёл два выстрела из револьвера в воздух, после чего толпа

¹ ЦГИА УзССР, ф. ФОП, д. 8324, л. 239—240.

² См. ЦГИА УзССР, ф. ФОП, д. 8518, л. 1.

разбежалась, но не пошла домой, а отправилась по направлению к Чусту и Намангану»¹.

Далее уездным начальником было получено сообщение о том, что «толпа, двигаясь на Наманган, прибыла в город Чуст», куда добралась только на следующий день — 21 февраля. Здесь она была разогнана царскими властями, а 5 человек «коноводов», в том числе Осман-Али, арестованы.

Не менее «вызывающе» по отношению к представителям царских властей держали себя и крестьяне селения Тергаучи во время происшедших здесь волнений².

Аграрное движение в других волостях Наманганского уезда носило примерно такой же характер.

Одновременно волнения на аграрной почве происходили и в других районах Туркестана, принимая в отдельных случаях форму столкновений из-за земли между русскими самовольными переселенцами и местным национальным крестьянством. Например, в конце марта 1905 г. в Фергане, в Кугартской долине, в местности Кок-Янгак произошло кровавое столкновение из-за земли между «самовольцами» и киргизами.

С мая по сентябрь 1905 г. имели место «беспорядки» и в войсках Туркестанского военного округа в связи с выдачей солдатам недоброкачественной пищи и грубым обращением фельдфебелей и прочего «начальства»³. Эти «беспорядки», однако, носили чисто местный характер и быстро ликвидировались. Так, 24 мая 1905 г. солдаты Туркестанского сапёрного батальона в военном лагере под Ташкентом после вечерней переключки явились толпою на кухню и с криками «ура» сломали очаги и вылили из котлов приготовленную на ужин пищу. Приказание дежурного офицера выстроиться на площадке около кухни солдаты отказались исполнить и разошлись по баракам. До этого случая солдаты в течение нескольких дней отказывались от получения мясной пищи, а 26 мая совсем отказались от обеда. За это 56 солдат сапёрного батальона были подвергнуты строгому аресту на 7 суток каждый. Такие же примерно «беспорядки» произошли в мае 1905 г. в Туркестанской военно-телеграфной роте, в июне 1905 г. в 5-й роте Туркестанского стрелкового батальона, в сентябре 1905 г. во 2-м летучем парке и в 1-й батарее 2-й Туркестанской артиллерийской бригады.

¹ ЦГИА УзССР, ф. ФОП, д. 8324, л. 155—156.

² См. там же, л. 8—10.

³ См. ЦГИА УзССР, ф. ШТВО, Судная часть (СЧ), д. 24, л. 117—131, «Справка Судной части» от 11 декабря 1906 г. «О массовых беспорядках в некоторых частях войск Туркестанского военного округа за 1905—1906 годы».

Это были лишь первые, ещё слабые вспышки недовольства на экономической почве в войсках Туркестанского военного округа.

В июльские дни 1905 г. произошли две массовые политические демонстрации в Асхабаде и Ташкенте, что указывало на нарастание и углубление революционного движения в Туркестане. 2 июля близ станции Аннау (около 20 км от Асхабада) состоялась сходка 150 рабочих Асхабадского депо, на которой был обсуждён план демонстрации в связи с похоронами умершего в тюрьме большевика — учителя гимназии Стабровского. 4 июля похороны Стабровского вылились в грандиозную по тому времени политическую демонстрацию, всполошившую местные власти. В письме на имя военного министра туркестанский генерал-губернатор писал: «4 июля сего года многочисленные и явно сплочённые политические агитаторы, воспользовавшись похоронами умершего государственного преступника Стабровского, устроили на глазах туземцев крупную демонстрацию, сопровождавшуюся дерзкими противоправительственными речами, несением красных флагов и венков с красными лентами, битьём стёкол в городской тюрьме и т. п.»¹

По пути следования процессии магазины и лавки, как по сигналу, закрывались, не работали в этот день и все три типографии. В похоронах-демонстрации приняло участие несколько тысяч человек, главным образом железнодорожных и типографских рабочих, учащихся и т. д. Во время остановок процессии местные социал-демократы произносили революционные речи, призывая к борьбе с царизмом. На кладбище, после речей, все «стали на колени и поклялись, что будут продолжать начатое Стабровским дело»². В этот день газета «Асхабад» вышла специальным выпуском с объявлением о погребении Стабровского.

Похороны Стабровского были использованы и Кизил-Арватской социал-демократической группой для мобилизации рабочих масс на борьбу с самодержавием. 8 июля, в 10 час. утра, в главных кизил-арватских железнодорожных мастерских были прекращены работы, и тысячный коллектив рабочих собрался в церкви, где была отслужена панихида по Стабровскому. Эта панихида была превращена затем в революционный митинг. Тут же, в ограде церкви, местными социал-демократами были произнесены революционные речи.

В связи с этими похоронами-демонстрацией газета «Борьба пролетариата», выходившая под редакцией товарища Сталина,

¹ ЦГВИА, ф. 400, АЧГШ, д. 58, л. 1 об.

² ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 325, л. 26—28.

писала в номере от 15 июля 1905 г.: «Пала ещё одна жертва от руки гнусного самодержавия. В лице незабвенного нашего товарища Л. Л. Стабровского, преподавателя местной гимназии, мы потеряли силу, распространявшую идею социализма на окраинах».

После этих демонстраций перепуганные царские власти закрыли газету «Асхабад» и объявили Закаспийскую область на положении усиленной охраны.

16 июля 1905 г. в Ташкенте состоялась массовая рабочая демонстрация протеста против Булыгинской думы, организованная местной социал-демократической группой и прошедшая под большевистскими лозунгами. Около 300 рабочих-демонстрантов прошли к зданию городской думы, где в это время рассматривался на закрытом заседании вопрос об участии в Булыгинской думе. Решено было выразить протест и сорвать заседание. Рабочие сделали попытку проникнуть внутрь здания и потребовали допустить их на заседание городской думы, но в этом им было отказано. Тогда демонстранты двинулись с революционными песнями и красными флагами по улицам города, устраивая на пути летучие митинги и разбрасывая социал-демократические прокламации с призывом бойкотировать Думу и бороться за созыв всенародного Учредительного собрания. Это было ещё невиданное зрелище для Ташкента: рабочая демонстрация, к которой присоединялись по пути всё новые массы народа, в том числе жители Старого города, продолжалась около трёх часов.

22 августа 1905 г. местной социал-демократической группой была проведена демонстрация в Кизил-Арвате в связи с похоронами большевика Моргунова. «В 6^{1/2}, — сообщал в своих показаниях заведующий полицейской частью в Кизил-Арвате капитан Соколов, допрошенный в качестве свидетеля, — похоронная процессия, сопровождаемая взводом казаков I-го Таманского полка, наряжённого в помощь полиции, двинулась к кладбищу. Ко времени выноса около церкви собралась толпа около 1 500 человек взрослых, детей, женщин, *туземцев* (подчёркнуто мною. — А. П.), армян, большую часть которой составляли мастеровые. Впереди гроба, за крышкой, несли 2 венка металлических с красными лентами»¹.

Приведённая выдержка интересна в том отношении, что прямо признаёт факт участия «туземцев», т. е. туркмен, в революционной демонстрации. Интересно также и то, что туркмены, мусульмане по религии, всё же приняли участие в православных похоронах, превращённых в демонстрацию.

¹ ЦГИА УзССР, ф. 129/с, Ташкентская судебная палата (ТСП), д. 829, л. 50—59.

Октябрь — ноябрь 1905 г. явились высшей точкой подъёма революционного движения в Средней Азии. 14—16 октября Средне-Азиатская и Оренбург-Ташкентская железные дороги присоединились к всеобщей политической стачке, происходившей в России. Первыми забастовали асхабадские железнодорожники. Движение и работа были прекращены по всем железнодорожным линиям края. Железные дороги фактически перешли в руки рабочих и их выборных органов — стачечных комитетов, руководивших забастовками.

Железнодорожная забастовка в Туркестане очень быстро переросла во всеобщую забастовку. В Асхабаде, например, к забастовке немедленно примкнули печатники, приказчики и рабочие столярных мастерских. В Чарджуе забастовали печатники типографии Баранова и мастерские Аму-Дарьинской флотилии. В Ташкенте 17 октября забастовали типографии. «Вечером 17 октября по городу Ташкенту ходили группы рабочих, предъявляя хозяевам магазинов, лавок и мастерских требование о прекращении занятий. 18 октября почти все торговые и промышленные заведения были закрыты»¹, было остановлено трамвайное движение, забастовали учащиеся и т. д.

18 октября военный губернатор телеграфировал из Самарканда генерал-губернатору: «Со вчерашнего числа начались в Самарканде попытки к насильственным забастовкам торговых фирм, магазинов, аптек. Сегодня магазины, некоторые транспортные конторы закрыты. Старшие три класса мужской гимназии, прекратив занятия, пришли в женскую гимназию, также потребовали занятия прекратить»². То же происходило и в Перовске³ и в других городах Туркестана.

18 октября в Ташкенте около главных мастерских Средне-Азиатской железной дороги состоялся 5-тысячный митинг, после чего демонстрация рабочих, ремесленников, учащихся, мелких служащих и пр. с красными и чёрными флагами, на которых было написано: «Долой самодержавие!» и «Долой капитализм!», направилась от вокзала к тюрьме с целью освободить политических заключённых. «Вслед ехало верхами много сартов (т. е. узбеков. — А. П.)»⁴, — пишет в своих воспоминаниях Дворянов. Однако около самой тюрьмы демонстранты были остановлены казаками. Прибывшему немедленно военному губернатору и прокурору рабочие предъявили требование об освобождении заключённых, что, однако, не было

¹ ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, д. 9, ч. 73, 1906 г., л. 8—24. Из докладной записки генерала Максимовича на имя царя.

² ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 319, л. 38—40.

³ См. ЦГИА УзССР, ф. СДОП, д. 141, л. 32. Телеграмма из Перовска от 20 октября на имя сыр-дарьинского военного губернатора.

⁴ «Красная летопись Туркестана» № 1—2, Ташкент 1923, стр. 15.

исполнено. Тогда около тюрьмы снова состоялся митинг, продолжавшийся в течение нескольких часов. Летучие митинги проходили и в целом ряде других пунктов города.

На следующий день рабочие снова собрались у вокзала и послали делегацию к прокурору судебной палаты с требованием об освобождении политических заключённых на основании манифеста 17 октября. Однако и на этот раз требование рабочих не было исполнено. К 5 часам дня рабочие и горожане собрались у здания городской думы. Настроение рабочих было боевое. Царские власти ясно увидели, что движение принимает угрожающие размеры, и решили применить силу. По распоряжению временно исполнявшего должность генерал-губернатора Сахарова сыр-дарьинский военный губернатор прибыл к зданию городской думы с двумя сотнями казаков. На требование разойтись рабочие ответили отказом. Тогда был дан залп, за ним — второй, в результате которых оказалось двое убитых и 26 раненых. После этого казаки бросились с нагайками и шашками наголо разгонять оставшихся, причём было изувечено, по официальным данным¹, ещё 12 человек, не считая легко раненных. Однако это только подлило масла в огонь.

На следующий день, 20 октября, состоялись похороны убитых, превратившиеся в грандиозную демонстрацию с участием нескольких тысяч человек.

Настроение широких масс не только рабочих, но и мелкой городской буржуазии, интеллигенции после расстрела 19 октября было настолько боевым и грозным, что временно исполнявший обязанности туркестанского генерал-губернатора царский палач Сахаров, по приказу которого стреляли накануне в народ, не на шутку перетрусил и выполнил все требования, предъявленные к нему, вплоть до отвода казаков из города на время похорон и замены полиции добровольной дружиной из рабочих и горожан. В этот же день была выпущена из тюрьмы часть политических заключённых.

21 октября в помещении цирка состоялось экстренное заседание городской думы, на котором присутствовало более двух с половиной тысяч рабочих, ремесленников, студентов и пр. Обсуждались события 19 октября. Заседание думы превратилось в грандиозный митинг. Под давлением рабочих, присутствовавших на заседании, дума единогласно вынесла ряд радикальных решений: отстранить генерала Рыбушкина от должности городского головы и исключить из числа гласных думы за бездействие во время событий 19 октября; поставить вопрос, чтобы впредь городской голова был выборным лицом (до этого голова назначался правительством); просить графа

¹ См. ЦГИА УзССР, ф. 133/с, д. 82, л. 10—14.

Витте «о предоставлении для выборов в Государственную думу всеобщего, равного, прямого и тайного права»; поставить вопрос о «немедленном удалении генерала Федотова от должности губернатора и о производстве над ним следствия», как над виновником кровавых событий 19 октября; ходатайствовать «о выводе из Ташкента казаков и о снятии с города усиленной охраны, а также о прекращении хождений по городу военных патрулей»; заменить полицию милицией и передать её в ведение городской думы; поставить вопрос об освобождении из тюрьмы всех политических заключённых, о чём телеграфировать графу Витте¹, и т. д.

В последующие дни в здании цирка почти ежедневно происходили многолюдные митинги, на которых присутствовали рабочие, солдаты, ремесленники, мелкие торговцы, приказчики, мелкие чиновники и др. Присутствовавшим на митинге раздавались революционные листовки. «Настроение слушателей, — писал в своей докладной записке на имя царя генерал Максимович, — иногда оказывалось настолько повышенным, что толпа расходилась с криками «Смерть врагам!» Тут же собирались денежные пожертвования на нужды агитации и приобретение оружия»².

Подобные митинги, демонстрации, забастовки солидарности прокатились по всему краю. 18 октября 1905 г. рабочие-печатники Самарканда, несмотря на удовлетворение их требований, постановили продолжать забастовку для поддержки общероссийской забастовки. В этот же день в Самарканде состоялся митинг, а на следующий день — широкое собрание; 19 октября происходила внушительная демонстрация и волнения среди железнодорожных рабочих в Перовске, волнения в 1 и 2-м Закаспийских железнодорожных батальонах на станции Черняево; 22 октября состоялся митинг в Пишпеке (ныне Фрунзе) с участием значительного количества крестьян-переселенцев и демонстрация учащихся в Асхабаде; 23 октября — снова демонстрация в Перовске; 28 октября — внушительный митинг в Асхабаде и т. д.

Во всём этом широком революционном движении наравне с русскими рабочими принимали участие и трудящиеся массы местного коренного населения. Вместе с русскими рабочими бастовали и местные национальные рабочие, они принимали участие и в общих демонстрациях, митингах и т. д. Например, 19 октября 1905 г. на широком собрании, состоявшемся под

¹ См. ЦГВИА, ф. 400, АЧГШ, д. 109, л. 14—16. Журнал заседаний Ташкентской городской думы № 26 от 21 октября 1905 г.

² ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1906 г., д. 9, ч. 73, л. 8—24.

председательством большевика Морозова в зале Самаркандского общественного собрания, узбекские рабочие не только присутствовали, но и принимали в нём весьма активное участие. Они рассказали о той невыносимой эксплуатации, которой подвергаются, и предъявили ряд требований для улучшения своего экономического положения. В резолюции, принятой на этом собрании, было зафиксировано: «Собрание, по заявлению присутствующих рабочих сартов, постановило присоединиться к экономическим требованиям туземцев и выражает сугубое порицание всем фирмам, эксплуатирующим усиленно труд туземцев»¹.

Рабочие из местных коренных национальностей принимали участие в забастовочном движении. Во время октябрьской всеобщей забастовки 1905 г. газета «Туркестанские ведомости» информировала своих читателей: «Общая забастовка распространялась и на Андижан, где бездействовали хлопкоочистительные заводы, — даже те, в которых рабочий персонал состоит из сартов»².

Почти вслед за прекращением октябрьской железнодорожной забастовки (27 октября) в ноябре 1905 г. началось серьёзное революционное движение в войсках Туркестанского военного округа. В ночь с 15 на 16 ноября вспыхнуло восстание в Ташкентской крепости. Восстали почти все части, расположенные в крепости: 1-й Ташкентский резервный батальон, Ташкентский артиллерийский склад и артиллерийские мастерские, Туркестанский резервный артиллерийский парк и 1-й Туркестанский летучий парк; только одна Туркестанская крепостная артиллерийская рота не присоединилась к восстанию.

Все данные говорят о том, что восстание было заранее подготовлено: как по команде, солдаты 5-й роты 1-го Ташкентского резервного батальона после вечерней переключки с криками «ура!» бросились к пирамидам с винтовками и разобрали их, после чего принялись выгонять на плац всех остальных солдат. До 2 часов ночи восставшие были заняты вовлечением всех солдат крепости в восстание и попытками захватить оружейный парк и пороховой склад. Однако одной детали не предусмотрели восставшие — поставить надёжную охрану у крепостных ворот и у других входов в крепость. Это и погубило восставших. В 2 часа ночи в крепость незаметно для восставших вошли 3 стрелковых батальона и полубатарей. Был дан залп, в результате которого оказалось 4 убитых и 22 раненых солдата. Восставшие растерялись, бросились в

¹ «Самарканд» № 216 от 22 октября 1905 г.

² «Туркестанские ведомости» № 159 от 30 октября 1905 г.

казармы и заперлись там, однако на утро сдались под угрозой расстрела из орудий. Восстание было подавлено.

По городу, а затем и по всему краю поползли зловещие слухи о том, что в крепости при подавлении мятежа убито и ранено 900 человек. Начались массовые митинги рабочих, сходки солдат, на которых выносились резолюции протеста. Уже 16 ноября состоялся митинг среди солдат 1 и 2-го железнодорожных батальонов в Кизил-Арвате. В этот же день на собрании рабочих и служащих в Чарджуе было вынесено постановление: «Объявить общую забастовку, цель которой заявить протест правительству за возмутительный поступок в Ташкенте — резню солдат Ташкентского резервного батальона в ночь с 15 на 16 ноября 1905 г.» Такие резолюции принимались повсюду. 17 ноября произошёл общегородской митинг протеста в Мерве; в этот же день состоялись массовые митинги солдат железнодорожных батальонов. На станции Казанджик команда 1-го Закаспийского железнодорожного батальона устроила митинг, в знак протеста объявила забастовку и отстранила своих командиров. Подобные же события произошли 21 сентября и в 4-й роте 1-го Закаспийского железнодорожного батальона в Кизил-Арвате.

16 ноября в Туркестане началась вторая всеобщая железнодорожная забастовка, которая продолжалась до 3 декабря. Одновременно, 15—16 ноября, началась в Туркестане и всеобщая почтово-телеграфная забастовка.

Ноябрьская всеобщая забастовка охватила буквально все отрасли хозяйства по всему краю. Даже в эмирской Бухаре с 17 ноября бастовало 9 хлопкоочистительных заводов. В этот же день объявила забастовку Красноводская таможня, забастовал ташкентский трамвай. С 23 ноября бастовали все магазины и торговые конторы в Ташкенте.

В связи с всеобщей железнодорожной и почтово-телеграфной забастовкой в середине ноября 1905 г. крепость Кушка, расположенная на самой границе с Афганистаном, оказалась совершенно отрезанной от всего мира. Ещё 13 ноября в крепости начались митинги, в которых приняли участие и солдаты. Несмотря на категорическое запрещение коменданта крепости генерала Прасолова, на железнодорожном митинге 18 ноября присутствовало около 200 солдат, причём на этом митинге было решено заменить все власти крепости выборными лицами из числа восставших.

В ответ на это генерал Прасолов объявил крепость Кушку на осадном положении, арестовал всех наиболее активных участников, выступавших на митингах, в том числе инженера Соколова, поручика Андреева, десятника Морозова, слесаря Лазаренко и др., и решил силой восстановить движение на

Средне-Азиатской железной дороге, объявив «крестовый поход» против революции. «Против мятежников, — писал он в приказе, — обуреваемых бесом, мутящих Русь православную и идущих против державного её царя, объявляю крестовый поход»¹. Для этой цели он снарядил карательную экспедицию, которую лично возглавил.

Прасоловская карательная экспедиция сыграла значительную роль в ликвидации ноябрьской всеобщей забастовки в Туркестане. Прасолов дошёл со своей экспедицией до Мерва и дальше — до Чарджуя, а в сторону Асхабада — до станции Каахка. Он арестовал мервский стачечный комитет, арестовывал по пути наиболее активные революционные элементы и отправлял их в крепость Кушку. Он собирался разогнать в Асхабаде Центральный железнодорожный стачечный комитет, но не успел этого сделать, так как получил приказ вернуться в крепость Кушку.

Всё это говорит о том, что восстание в Ташкентской крепости было не изолированным, случайным явлением, а одним из крупных эпизодов подъёма массового революционного движения к середине ноября 1905 г., подъёма, который в свою очередь дал могучий толчок для дальнейшего развёртывания революционных событий.

Ноябрьские события 1905 г. в Туркестане обнаружили солидарность между рабочими и солдатами, общность их интересов и объединили рабочее революционное движение с революционным движением в войсках.

Ноябрьские события 1905 г. были высшей точкой революционного движения в Туркестане. После этих событий наступает временное затишье, которое продолжалось до мая 1906 г. Происходят лишь отдельные незначительные революционные вспышки. 25—27 декабря 1905 г. происходили волнения в Туркестанской понтонной роте в Ходженте. 9 января 1906 г., в годовщину «кровавого воскресенья», во многих городах Туркестана (в Ташкенте, Асхабаде, Кизил-Арвате, Коканде и др.) проводились однодневные забастовки, митинги, панихиды. 26 января произошли волнения на Челекенских нефтяных промыслах, 6 марта — забастовка 500 красноводских рабочих на почве систематической задержки заработной платы, 11 апреля — демонстрация на ташкентском кладбище и т. д.

В октябре — ноябре 1905 г. положение царских властей в Туркестане было критическим. Неудивительно поэтому, что из Петербурга в Туркестан посыпались телеграммы с предложениями «давить», расстреливать, арестовывать, предавать суду и т. д.

¹ Ташкентский военный архив, ф. ШТВО, СЧ, д. 41, л. 345.

Особенно усилился поток распоряжений о подавлении движения в декабре 1905 г. Уже 3 декабря в Ташкенте была получена депеша из Петербурга за подписью министра внутренних дел Дурново с предложением арестовать всех «подстрекателей и агитаторов по забастовке почты и телеграфа»¹, 13 декабря — аналогичная депеша Департамента полиции об аресте всех «агитаторов железнодорожной забастовки»², 14 декабря — телеграмма от военного министра: «Прошу энергии в подавлении беспорядков всеми имеющимися средствами»³, 24 декабря — телеграмма Дурново о разоружении рабочих⁴ и т. д. В конце декабря Департамент полиции предложил местным властям ликвидировать организации социал-демократов, а также Советы рабочих депутатов и все организации, руководившие революционным движением; Департамент требовал не прекращать этой борьбы с революционными организациями «вплоть до полного их уничтожения»⁵.

Но особенно грозные директивы давались из Петербурга о борьбе с революционным движением в среде коренного населения. Здесь царизм уже ни перед чем не останавливался: «В случае малейших враждебных выступлений туземного населения немедленно подавлять таковые самым беспощадным образом, дабы уничтожить движение против русских в самом корне, дать нарушителям порядка и их единомышленникам спасительный урок и этим внушить всем прочим правильное представление о нашей силе»⁶.

Репрессии царизма против революционных рабочих и солдат в Туркестане посыпались, как из рога изобилия: сотни человек предавались суду и затем направлялись на каторгу или в ссылку, аресты следовали за арестами, широко практиковались массовые высылки из пределов Туркестанского края, сотни и тысячи людей гноили в тюрьмах. Усиленно применялась практика увольнения рабочих и служащих с железной дороги и из Почтово-телеграфного ведомства за одно лишь участие в революционном движении.

Ноябрьские события 1905 г. явились высшей точкой революционного движения в Туркестане. После этих событий начался спад революционной волны.

¹ ЦГИА УзССР, ф. СДОП, д. 31234, л. 104.

² ЦГИА УзССР, ф. СДОП, д. 31259, л. 1.

³ ЦГВИА, ф. 400, АЧГШ, д. 101, л. 13.

⁴ См. ЦГИА УзССР, ф. СДОП, д. 31234, л. 111.

⁵ Там же, д. 135, л. 23.

⁶ ЦГВИА, ф. 400, АЧГШ, д. 168, л. 12.

2. Социал-демократические организации Туркестана в 1905 г.

Социал-демократическое движение в Туркестане, точно так же как и рабочее движение, возникло значительно позже, нежели в других, особенно крупных промышленных районах царской России. Поэтому к началу революции 1905—1907 гг. существовавшие в Туркестане партийные группы не имели ещё сколько-нибудь установившихся, крепких партийных традиций. Собственно, революция 1905—1907 гг. и послужила толчком к повсеместному возникновению и организационному оформлению социал-демократических организаций Туркестана, которые в процессе этой революции значительно окрепли и получили революционную, большевистскую закалку.

В первый период революции 1905—1907 гг. в некоторых местах Туркестана существовали ещё объединённые кружки и группы, в которые входили и социал-демократы и эсеры. Эта практика прекратилась в некоторых городах уже в 1905 г. (Ташкент, Асхабад и др.), в других же местах, например в Верном (Алма-Ата), она продолжалась вплоть до 1907 г., когда единая «Семиреченская революционная группа социалистов» раскололась на социал-демократов и эсеров. Впрочем, даже в тех городах, где это обособление социал-демократов и эсеров произошло раньше, ещё долго существовали общие подпольные типографии, общие организации «Красного креста», происходил обмен информацией и т. д. Для того чтобы «не мешать» друг другу, в Ташкенте были поделены между социал-демократами и эсерами все воинские части, в которых могла вести работу только соответствующая партия, получившая данную воинскую часть в своё распоряжение. Иногда прокламации и листовки, издававшиеся туркестанскими организациями, имели сверху социал-демократический лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», а внизу — эсеровский: «В борьбе обретёшь ты право своё!», или наоборот.

Такое партийное смешение в большинстве случаев продолжалось сравнительно недолго. Создание общих революционных кружков знаменовало собой слабость развития социал-демократических организаций в Туркестане, которые появились там только с 1903—1904 гг. (в Ташкенте и Кизил Арвате первые кружки возникли в 1903 г., в Асхабаде — в 1904 г. и т. д.). В первое время эти кружки и группы были совершенно разобщены, выступали независимо друг от друга, почти никакой помощи извне не получали, теоретически были мало подготовлены и потому нередко брали неверный партийный курс. Только с середины 1905 г. кружки и группы оформляются

в более или менее правильно построенные социал-демократические организации.

В Ташкенте «Союзная группа социал-демократов и социалистов-революционеров» просуществовала всего лишь несколько месяцев, выпустив за это время ряд листовок (на гектографе), главным образом перепечаток, и организовав 3—4 кружка среди рабочих. В феврале 1905 г. группе удалось провести стачку в мастерских Средне-Азиатской и Оренбург-Ташкентской железных дорог, которая явилась первой забастовкой ташкентских рабочих. Эта стачка, носившая экономический характер, обнаружила отсутствие единства действий между членами «союзной группы». Вскоре же после стачки возник вопрос о необходимости разрыва с эсерами.

В марте социал-демократы вышли из «союзной группы» и организовали самостоятельную ташкентскую группу РСДРП. Разрыв с эсерами имел огромное значение — ташкентская социал-демократическая группа начинает быстро укрепляться, растёт и завоёвывает всё большее влияние в среде рабочих масс, городских кустарей и некоторых слоёв интеллигенции.

Первое политическое выступление группы было проведено в майские дни 1905 г., причём были выпущены две листовки, отпечатанные на гектографе, в которых рабочие призывались к первомайским забастовкам. Это выступление имело огромный успех. Ташкентские рабочие, точно так же как и рабочие других городов (Асхабада, Кизил-Арвата и др.), не вышли на работу. Были проведены в этот день под руководством ташкентской группы три нелегальные рабочие массовки за городом, в которых приняли участие сотни рабочих, ремесленников, кустарей и т. д. Выступали с речами социал-демократы, в том числе большевик Корнюшин и др. На флагах красовались лозунги: «Долой самодержавие!», «Да здравствует самодержавие народа!» На одной из массовок произошло столкновение ташкентских рабочих с полицией.

Этот первый успех ташкентской группы РСДРП дал толчок ещё большему развёртыванию массово-политической работы. Вскоре (22 мая) была проведена под руководством большевика Корнюшина первая демонстрация в ташкентском городском саду с участием более тысячи человек. Демонстранты выкрикивали лозунги: «Долой самодержавие!», «Да здравствует свобода!», «Долой полицию!», и пели революционные песни. Во время демонстрации разбрасывались специально выпущенные к этому дню листовки ташкентской группы.

16 июля была проведена в Ташкенте вторая массовая демонстрация, организованная ташкентской группой и прошед-

шая под большевистскими лозунгами. Это была демонстрация протеста против созыва Булыгинской думы.

Ташкентская группа РСДРП под руководством большевиков деятельно готовила массы к грядущим боям. В течение лета 1905 г. было проведено за городом около 10—12 нелегальных массовок, которые собирались регулярно и в которых участвовало по 200—300 человек. На этих широких собраниях выступали большевики, говорившие об Учредительном собрании, об отношении к либералам, о местных нуждах, о событиях на Кавказе, о социализме, о политической борьбе и т. д. Эти массовки не раз сопровождались столкновениями с полицией и казаками. Значительно расширилась и кружковая работа. К концу лета 1905 г. уже существовало 15 рабочих кружков, обнимавших собой 150—200 человек, и 3 солдатских. Летом же была организована ташкентской группой РСДРП специальная охранная дружина из 80 человек для предотвращения готовившегося еврейского погрома.

Значительно расширившаяся издательская деятельность ташкентской группы выдвинула вопрос о необходимости организации подпольной типографии. Большевик Литвишко, столяр железнодорожных мастерских, взялся за её оборудование, причём уже к августу 1905 г. она была в основном закончена. Лишь арест Литвишки (август—октябрь 1905 г.) несколько отсрочил её открытие. В сентябре вышел первый номер подпольной газеты «Рабочий», органа ташкентской группы РСДРП, который временно, до открытия типографии, размножался на гектографе. В большом количестве и большими тиражами (до 5 тыс. экземпляров) выпускались прокламации, которые распространялись по всему краю, и т. д.

Группа поддерживала довольно интенсивные связи с центральными органами партии и социал-демократическими организациями других городов, главным образом Кавказа (Баку, Тифлис). Велась также переписка и посылались корреспонденции в большевистский «Пролетарий» и меньшевистскую «Искру». Во время обыска, произведённого в сентябре 1905 г. у Бузанского и Белькова, была найдена полицией различная социал-демократическая литература и целый ряд документов, в том числе большой список¹ большевистских и меньшевистских адресов.

Здесь же, во время обыска, был найден полный комплект ленинской газеты «Вперёд», несколько номеров ленинской газеты «Пролетарий», меньшевистской «Искры», журнал «Заря» (1901 г.), бакинские и ташкентские листовки и т. д.

¹ См. ЦГИА УзССР, ф. 128, Судебный следователь Ташкентского окружного суда (ССТОС), д. 55, л. 17—23.

Вообще надо сказать, что во время обысков полиция сравнительно часто находила у членов РСДРП большевистские газеты (ленинскую «Искру», «Вперёд», «Пролетарий», «Борьбу пролетариата» и др.), а также ленинские и сталинские книги.

Весной и летом 1905 г., так же как и в Ташкенте, оформились и начали вести интенсивную работу социал-демократические группы в Кизил-Арвате и Асхабаде. Они оборудовали свои подпольные типографии, выпускали листовки, вели усиленную массовую работу среди рабочих, в войсках и т. д. Из Ташкента, Кизил-Арвата и Асхабада социал-демократическое влияние начало быстро распространяться и на другие города Туркестана: Самарканд, Чарджуй, Мерв, Казанджик и др. Вскоре во многих пунктах Средней Азии возникли социал-демократические группы и кружки.

В августе 1905 г. была сделана первая попытка объединения разбросанных по всему краю социал-демократических организаций. Однако на конференцию в Ташкент съехались делегаты лишь от кизил-арватской, асхабадской и чарджуйской организаций, вследствие чего конференция не смогла состояться. Эта первая встреча представителей различных социал-демократических организаций Туркестана принесла, впрочем, известную пользу: делегаты информировали друг друга о работе, поделились опытом, обменялись адресами, шифрами и т. д.

Отсутствие единого руководящего центра социал-демократической работы в Туркестане становилось всё более и более ощутимым. Поэтому ташкентская группа РСДРП фактически становится в это время руководящим и организующим центром, чему способствовало не только центральное положение Ташкента, но и существование там крупной оформившейся организации. Сюда обращались из многих пунктов Туркестана с различными запросами, просьбами о присылке литературы, организаторских и пропагандистских сил и пр.

Революционный подъём осенью 1905 г. дал огромный толчок к дальнейшему оформлению и развитию социал-демократических организаций Туркестана.

К началу 1906 г. социал-демократические организации существовали уже в большинстве туркестанских городов: в Ташкенте, Асхабаде, Кизил-Арвате¹, Самарканде, Чарджуе, Мерве, Красноводске, Черняево, Новом Маргелане, Коканде, Андижане, Ходженте, Перовске, Казалинске и Казанджике. Во многих гарнизонах были созданы также военные организации РСДРП. Например, в Асхабаде уже в середине 1905 г.

¹ С начала 1906 г. кизил-арватская группа РСДРП начала издавать нелегальную газету «Молот» (рабочий листок). Всего вышло 5 номеров.

существовал «Солдатский комитет РСДРП», позже переименованный в «Военную организацию Асхабадского гарнизона», который вёл работу в войсках, выпускал прокламации, обращённые к солдатам, и т. д., а с июля 1906 г. начал даже издавать подпольную газету «Солдат». При ташкентской группе РСДРП также существовала с 1905 г. военно-революционная организация, которая издавала нелегальную газету «Солдатский листок—правда», превратившуюся позже (с марта 1906 г.) в орган всех военно-революционных организаций Туркестанского края. Военно-революционные организации при социал-демократических группах были созданы и в ряде других городов — в Новом Маргелане, Чарджуе, Мерве, Красноводске и т. д. В крепости Кушка существовала с 1905 г. самостоятельная социал-демократическая военная организация.

Некоторое затишье революционной борьбы в начале 1906 г. дало возможность объединить все эти разрозненные группы и организации и закрепить за Ташкентом его руководящее и организующее значение. По инициативе ташкентской группы РСДРП в конце февраля 1906 г. собралась I конференция туркестанских организаций РСДРП. Приглашения были посланы 9 наиболее крупным и оформившимся организациям края, из которых прибыли на конференцию делегаты лишь от 6 организаций (ташкентской, асхабадской, кизил-арватской, самаркандской, чарджуйской и маргеланской), остальные три организации (мервская, красноводская и перовская) не прислали своих делегатов.

Конференция носила в основном учредительный характер и разрешила ряд организационных вопросов. Местные партийные группы, переименованные теперь в организации, были объединены в «Союз туркестанских организаций РСДРП» во главе с «Союзным комитетом», который и был избран конференцией из состава ташкентской группы РСДРП. На Союзный комитет была «возложена руководящая роль при общих выступлениях, издание литературы для края, помощь организациям пропагандистскими и агитаторскими силами, проезд организаций, объединение работы, информационные обязанности и установление связей с центральными учреждениями партии»¹. Местные партийные организации, входившие в Союз, обязаны были отчислять 30 % своего бюджета на нужды Союзного комитета. Конференция постановила превратить орган ташкентской группы РСДРП — газету «Рабочий» в орган Союза туркестанских организаций РСДРП, а «Солдатский листок — правду» — в орган всех военно-революционных организаций Туркестанского края.

¹ «Хроника» № 12 за январь 1907 г. (ИМЭЛ, шифр ЦУГ — Х928).

Таким образом, конференция внесла известное упорядочение в партийную работу и установила связи между отдельными организациями края. Вместе с тем было решено установить постоянную связь с общепартийными центральными учреждениями. После конференции Союз туркестанских организаций РСДРП официально вошёл в РСДРП, подчинившись на общих основаниях центральным органам партии. После конференции туркестанские организации впервые посылают своих делегатов на общепартийные съезды и конференции РСДРП (на IV (Объединительный) съезд, на V (Лондонский), на II конференцию РСДРП в Таммерфорсе в ноябре 1906 г. и т. д.).

Помимо организационных вопросов конференция заслушала отчётные доклады местных партийных групп об их работе и приняла целый ряд решений преимущественно по вопросам тактики: о профессиональных союзах, об отношении к либералам, октябристам и другим политическим партиям, об отношении к эсерам, об отношении к Государственной думе, о всеобщей политической стачке, о работе среди солдат, о работе среди учащихся, о постановке работы среди местного коренного населения, о политике правительства и политике рабочих, о вооружённом восстании, о терроре и т. д.

Созывом I конференции Союза туркестанских организаций РСДРП заканчивается по сути дела первый организационный период в жизни социал-демократических организаций Туркестана — период их возникновения и оформления.

Подавляющая масса туркестанских рабочих социал-демократов шла за большевиками. Правда большевистских лозунгов побеждала в среде революционно настроенных туркестанских рабочих¹. Отдельные интеллигенты-меньшевики под давлением революционных рабочих вынуждены были сами зачастую «подкрашиваться» под большевиков и принимать их лозунги. Например, в большевистской демонстрации протеста (16 июля в Ташкенте) против Булыгинской думы, о которой говорилось выше, приняли участие и меньшевики, а один из их руководителей, Галактион Шавдия, не только демонстрировал под большевистскими лозунгами, но даже нёс красный флаг².

Издававшиеся в Средней Азии, особенно в первый период, листовки и другая нелегальная литература в подавляющем большинстве своём отражали большевистские лозунги и пропагандировали большевистскую тактику.

¹ В газете «Пролетарий» (№ 8 от 23 ноября 1906 г.) опубликована корреспонденция из Ташкента, в которой сообщалось, что настроение туркестанских рабочих «безусловно высокоревolutionное».

² См. ЦГИА УзССР, ф. СДОП, д. 31235, л. 103—108.

Все без исключения социал-демократические организации Туркестана проводили большевистскую тактику активного бойкота как Булыгинской, так и I Виттевской думы (до IV (Объединительного) съезда РСДРП). Вот что, например, писала ташкентская социал-демократическая группа в своей листовке (август 1905 г.), посвящённой царскому манифесту от 6 августа 1905 г. о созыве Булыгинской думы: «Нечего нам надеяться на Думу... Мы провозгласили на своих знамёнах: «Долой самодержавие!» и «Да здравствует Учредительное собрание!» И идём к этому непреклонным путём... К оружию, товарищи! Это единственный путь защитить интересы пролетариата»¹. В другой листовке было написано: «Мы будем везде и всюду срывать предвыборные собрания... и ни за что не допустим сорганизоваться этому позорному учреждению, именуемому Государственной думой»². Эта выдержка была опубликована в ленинской газете «Пролетарий» (№ 21 от 4 октября 1905 г.) как показатель того, что ташкентская социал-демократическая группа стоит на большевистских позициях.

В противовес меньшевистской тактике о созыве Учредительного собрания через «законно-избранную» Государственную думу путём «давления» на неё извне, социал-демократические организации Туркестана пропагандировали и боролись за большевистскую тактику созыва всенародного Учредительного собрания путём вооружённого восстания и свержения царизма.

Почти каждая листовка, издававшаяся туркестанскими социал-демократическими организациями, заканчивалась призывом — готовиться к вооружённому восстанию для того, чтобы свергнуть царизм. По-большевистски отнеслась ташкентская группа РСДРП и к Московскому вооружённому восстанию. В специально выпущенной листовке она решительно призвала ташкентских рабочих: «Долой самодержавие царя, — да здравствует самодержавие народа!» — вот боевой лозунг пролетариата. И это не мечта, не пустые слова... Пролетариат уже приступил к реальному осуществлению этого лозунга, он уже начал последний бой с царизмом. Известия из Москвы полны описаний героических сцен этого боя. Как ни стараются лакействующие агентства скрыть истинное положение вещей, а правда всё же вырывается наружу. Московские рабочие и революционеры неделями вели бой с правительством! Какую моральную, не говоря о физической, силу должны

¹ ЦГИА УзССР, ф. 12/с, ТОО, д. 2277, л. 14 (из листовки «Товарищи рабочие!»).

² Там же, л. 18 (из листовки «Война или мир?»).

представлять наши московские товарищи, чтобы неделями вести упорный бой против современной разрушительной военной техники! Сколько мужества, стойкости, любви и горячей преданности должны были проявить они в этой «священной», не только для России, но и для всего человечества, войне против вековых угнетателей и кровопийц народных»¹.

В разгар Московского вооружённого восстания ташкентская группа РСДРП готовила специальный боевой отряд для отправки его на помощь московским рабочим.

В противовес меньшевистской тактике поддержки либеральной буржуазии туркестанские социал-демократические организации неоднократно по-большевистски ставили вопрос о нейтрализации этой буржуазии в буржуазно-демократической революции, об отказе в какой-либо поддержке кадетам. В июле 1906 г., когда местные меньшевики в своей газете «Новый путь» выдвинули по директиве меньшевистского ЦК РСДРП вопрос о поддержке лозунга создания кадетского министерства, большевик Морозов в своей статье писал: «Но для этого необходимо перевернуть вверх ногами всю тактику местных социал-демократов. Нельзя требовать... от членов партии такого поведения, которое идёт вразрез с их собственным тяжёлым опытом, выработанным практикой»².

Также по-большевистски ставили и разрешали туркестанские социал-демократические организации вопросы о гегемонии рабочего класса в буржуазно-демократической революции, о крестьянстве как главном союзнике пролетариата в этой революции, о диктатуре пролетариата и т. д.

По листовкам и прочей литературе, выпускавшейся туркестанскими социал-демократическими организациями, можно совершенно отчётливо проследить большевистскую тактическую линию III съезда партии³, тактические положения, которые развивали Ленин и Сталин в своих работах.

Правда, в некоторых листовках проскальзывали иногда и отдельные меньшевистские положения, однако это было в общем сравнительно редким явлением.

¹ ЦГИА УзССР, ф. 12/с, ТОО, д. 2277, л. 45 (из листовки «Готовьтесь, бьет час!»).

² «Русский Туркестан» № 136 от 11 июля 1906 г., статья «Блажен, иже верует».

³ Постановление III большевистского съезда РСДРП полиция находила иногда во время обысков у местных социал-демократов. Например, в январе 1906 г. у сотрудника большевистской газеты «Самарканд» была найдена «брошюра в 30 печатных листов малого формата, изданная Центральным комитетом РСДРП и отпечатанная в типографии того же комитета. Оглавлена «Извещение о III съезде РСДРП с приложением устава партии и главнейших резолюций, принятых III съездом» (ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 340, л. 13—14).

О широком большевистском влиянии в туркестанских социал-демократических организациях говорят и другие факты. Достаточно указать хотя бы на то, что делегатами на IV (Объединительный) съезд РСДРП были посланы от туркестанских социал-демократических организаций два большевика (от Самарканда и Кизил-Арвата) и только один меньшевик (от Союзного комитета). Ташкентская группа РСДРП поддерживала связи с ленинской газетой «Пролетарий». Так, например, 2 августа 1905 г. она направила специальное письмо в редакцию «Пролетария» с просьбой о регулярной присылке газет. В «Пролетарий» же ташкентская группа РСДРП посылала и свои листовки, о получении которых неоднократно сообщалось на страницах ленинской газеты¹.

Несмотря на постоянное стремление меньшевистских центральных учреждений извращать действительное положение вещей в социал-демократической партии и объявлять многие социал-демократические организации стоящими якобы на меньшевистских позициях (там, где имелся хотя бы малейший предлог для этого), центральный меньшевистский орган «Искра» не решился этого сделать, однако, в отношении Ташкента².

Большевистское влияние оказалось широко распространённым в Туркестане благодаря относительной близости этого последнего к такому крупному промышленному центру, как Баку, и вообще к революционному Закавказью, где руководил в это время героической борьбой большевиков непосредственно товарищ Сталин. От Баку до Красноводска — всего около 250 км, причём до начала 1906 г., когда было открыто движение по Оренбург-Ташкентской железной дороге, путь в Туркестан через Закавказье был единственным удобным путём (по Средне-Азиатской железной дороге, которая была открыта значительно раньше).

Именно близостью к Закавказью и Баку объясняется и то обстоятельство, что помимо Ташкента и Самарканда наиболее сильными социал-демократическими организациями Туркестана во время революции 1905—1907 гг. были закаспийские организации, и в первую голову кизил-арватская и асхабадская. Большевистские организации Закавказья и Баку оказывали помощь в первую очередь именно этим центрам, как наиболее близким по расстоянию. Высылаемые с Кавказа «неблагонадёжные элементы» тоже осаждались преимущественно в этих центрах. Поэтому именно здесь раньше, чем в других местах (не считая Ташкента), образовались социал-демократи-

¹ См. «Пролетарий» № 19 от 20 сентября 1905 г., № 21 от 4 октября 1905 г. и др.

² См. «Пролетарий» № 9 от 20 июня 1905 г. Заметка «Наши Хлестаковы».

ческие кружки и сильные социал-демократические группы, а также весьма бурно протекали революционные события.

В письме от 16 июня 1905 г. на имя военного министра туркестанский генерал-губернатор писал: «Волнения и беспорядки во внутренних губерниях и в Закавказье особенно содействовали тому, что Закаспийская область, особенно Асхабад, постепенно обратилась в крупный и безусловно опасный центр деятельности революционеров армян, евреев и отчасти русских, состоявших в постоянных и, повидимому, систематически организованных сношениях с бакинскими преступными сообществами»¹.

После грандиозной июльской демонстрации (4 июля 1905 г.) в Асхабаде во время похорон большевика Л. Стабровского начальник Закаспийской области писал в своём рапорте (от 8 июля 1905 г.) туркестанскому генерал-губернатору: «Первая же партия (состоявшая, по словам начальника области, из «молодых людей инородцев, армян и евреев». — А. П.) действует по указаниям Бакинского революционного комитета и таких же комитетов других городов внутренней России и Кавказа»².

Ещё в 1903 г. в Кизил-Арвате полицией были обнаружены социал-демократические листовки, завезённые из Баку. В течение 1903—1905 гг. бакинская большевистская организация перебрасывает в Закаспийскую область для организации социал-демократических кружков среди железнодорожных рабочих ряд партийных работников (Салатьян, Аршак Хочиев, Катаев, Бузов и др.). Бузов был направлен в Кизил-Арват, где организовал социал-демократическую группу; Салатьян организовал такую же группу в Красноводске и т. д. Кавказский союзный и Бакинский комитеты РСДРП систематически снабжали закаспийские социал-демократические организации нелегальной литературой, присылали агитаторов, помогали организации подпольных типографий (Кизил-Арват, Асхабад, Мерв, Чарджуй) и т. д.

Известно, например, что большевик Стабровский, позже замученный царскими властями, ездил из Асхабада в Баку, прежде чем приступить к печатанию социал-демократических листовок и социал-демократической программы, принятой на II съезде РСДРП. Большевистская легальная газета «Новая жизнь» в номере от 10 ноября 1905 г. поместила корреспонденцию из Кизил-Арвата, в которой автор сообщал о «летних массовках, устроенных под руководством агитаторов, приезжавших с этой целью из Баку». И. Битюков пишет в своих

¹ ЦГВИА, ф. 400. АЧГШ, д. 58, л. 1 об.

² ЦГИА УзССР, ф. 11, КТГГ, д. 325, л. 6.

воспоминаниях о мервской организации РСДРП за 1905 г.: «Связь наша мервская рабочая подпольная организация имела с бакинской организацией, откуда к нам в Мерв приезжали товарищи, проводили с нами вечера, вели с нами беседы»¹.

Эта связь между закаспийскими социал-демократическими организациями и закавказскими, в частности с Баку, была настолько тесной и систематической, что закаспийские организации, вплоть до Чарджуя, фактически подчинялись до I туркестанской конференции РСДРП закавказским организациям; с Ташкентом же поддерживались в это время лишь более или менее случайные связи — получали издававшуюся там литературу и т. п.

Постоянная связь и руководство со стороны более мощных закавказских большевистских организаций сказались и на том, что закаспийским организациям РСДРП раньше, чем в других частях Туркестана, удалось установить между собой более или менее тесные связи. Уже в декабре 1905 г., во время происходившего в Асхабаде съезда железнодорожного союза Средне-Азиатской железной дороги, была проведена I областная конференция социал-демократических организаций Закаспия, которая, однако, не привела ещё в то время к созданию областного руководящего центра.

Влияние большевистских организаций Закавказья, в том числе Бакинского комитета, распространялось, конечно, не только на Закаспийскую область. Есть определённые и многочисленные указания, что это влияние распространялось значительно дальше. В шифрованной телеграмме туркестанского генерал-губернатора на имя ферганского губернатора (1906 г.) читаем: «До сведения моего дошло, что на Чимионских промыслах (в Фергане. — А. П.) находятся известные бакинские агитаторы. Предлагаю принять действительные меры»². Есть указания и на то, что в Туркестане распространялся орган Кавказского союзного комитета «Борьба пролетариата», который выходил под редакцией Сталина, Цулукидзе и Шаумяна. В секретном донесении начальника Джизакского отделения жандармско-полицейского управления Средне-Азиатской железной дороги от 16 января 1906 г. жандармский ротмистр доносил, что при обыске у социал-демократа Клименко вместе с другой нелегальной литературой обнаружен «Журнал в 6 печатных большого формата листов «Борьба пролетариата», орган кавказского союза РСДРП № 2 от 15 июля 1905 г.»³ В этом номере помещены две корреспонденции из Асхабада и Ташкента.

¹ Узбек. филиал ИМЭЛ, Рукописный фонд, д. Р-1523, л. 1.

² ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 341, л. 11.

³ ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 349, л. 16—18.

Во время одного обыска, произведённого ташкентской полицией в сентябре 1905 г., наряду с центральной большевистской литературой (газеты «Вперёд», «Пролетарий» и др.) была найдена и большевистская литература, изданная в Закавказье, в том числе известная работа товарища Сталина «Коротко о партийных разногласиях»¹. На обложке этой брошюры и на целом ряде других большевистских брошюр, захваченных при обыске, имеется штампель Бакинского комитета РСДРП. Это указывает на то, что вся эта литература была получена непосредственно из большевистского Бакинского комитета.

Бакинский комитет РСДРП оказывал систематическую помощь пропагандистскими силами не только закавказским, но и другим туркестанским социал-демократическим организациям. Прокурор Ташкентского окружного суда сообщал в сентябре 1905 г. о том, что из Баку приезжают время от времени представители социал-демократической партии «для пропаганды между рабочими, а главное между нижними чинами гарнизона идей этой партии и организации в крае дела борьбы этой партии с правительством»².

Об этой тесной связи между рабочим и социал-демократическим движением Туркестана и Закавказья говорит и тот факт, что туркестанская охранка, организованная лишь в начале 1907 г., всячески пыталась разведать эти связи для того, чтобы разорвать их. Она активно помогала Тифлисскому губернскому жандармскому управлению, в район деятельности которого входил и Баку, разгромить бакинские большевистские организации, которыми непосредственно руководил товарищ Сталин.

3. Новый революционный подъём 1906 г.

Советы рабочих депутатов и железнодорожные комитеты. Восстания в войсках

К маю 1906 г. в Туркестане вновь стало нарастать революционное движение. Застрельщиками этого движения опять явились туркестанские железнодорожные рабочие.

За несколько дней до 1 Мая 1906 г. социал-демократическая организация Ташкента выпустила листовку «Пролетарский праздник», в которой призвала рабочих отметить забастовкой международный день пролетарской солидарности. 800 рабочих главных мастерских и депо станции Ташкент, несмотря на все угрозы и предупредительные меры царских вла-

¹ ЦГИА УзССР, ф. 128/с, ССТОС, д. 55, л. 17—23.

² ЦГИА УзССР, ф. 133/с, Прокурор Ташкентской судебной палаты (ПТСП), д. 342, л. 2.

стей, не вышли на работу и собрались за городом на маёвку¹. Бастовали в этот день и другие предприятия Ташкента. На следующий же день, 2 мая, в главных железнодорожных мастерских было вывешено объявление о наложении штрафа на всех рабочих за «прогул» 1 Мая. Рабочие заволновались. Вызвали начальника мастерских Шпаковского. Однако он отказался отменить штраф. Из Асхабада в Ташкент примчался начальник Средне-Азиатской железной дороги генерал Ульянов и потребовал к себе представителей рабочих. Но рабочие отказались вести переговоры с генералом и снова потребовали отмены штрафа. Тогда мастерские были закрыты, а все рабочие уволены. Министр путей сообщения фон-Шауфус телеграфировал в Ташкент: «Уволить всех и затем принять вновь благонадёжных и спокойных и тем предупредить будущем случаи нарушения порядка мастерских, возможных ещё большей степени при безнаказанности»². Рабочие заявили, что ни один из них не приступит к работе, если все до единого не будут вновь приняты в мастерские. О всех безобразиях они телеграфировали в Государственную думу.

По всем туркестанским железным дорогам начались сборы средств на поддержку рабочих Ташкента. Все уловки царской администрации, для того чтобы пустить в ход мастерские, терпели полный крах. Вызванные администрацией железнодорожные войска из Самарканда, Черняево и Ферганы для замены упорствовавших рабочих отказались приступить к работе. Их пришлось увезти обратно. Были вызваны железнодорожные солдаты из Чарджуя, но и они отказались заменить рабочих. Тогда генерал Ульянов стал переводить в ташкентские мастерские рабочих из разных пунктов Средне-Азиатской железной дороги — из Асхабада, Кизил-Арвата и т. д., но и переводимые рабочие, ознакомившись на месте с положением, отказывались работать в мастерских и лишь пополняли собой ряды борющихся рабочих. Со всех концов Туркестана рабочие получали приветственные телеграммы.

Ничто не могло сломить стойкости и организованности рабочих. Полтора месяца простояли закрытыми мастерские. Железная дорога терпела большие убытки. И царские власти полностью капитулировали перед рабочими, руководимыми большевиками. 9 июля 1906 г. мастерские были открыты без всяких условий. Все рабочие до одного были приняты обратно в мастерские. Им была уплачена зарплата за две недели закрытия мастерских. Первомайский штраф был отменён.

¹ Праздновали 1 Мая 1906 г. и рабочие других городов (Асхабада, Чарджуя, Кизил-Арвата и др.).

² ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, оп. 1, д. 357, л. 5—6.

Большую роль в организации передового отряда туркестанских рабочих — рабочих-железнодорожников — сыграл организованный ещё в 1905 г. железнодорожный союз (Туркестанский отдел Всероссийского железнодорожного союза), число членов которого уже к началу 1906 г. достигало 8 тыс. (на обеих линиях). В Асхабаде был создан Областной комитет этого союза, который руководил всей работой на Средне-Азиатской железной дороге от Красноводска до Ташкента и Андижана (в Асхабаде помещалось Управление этой дороги). Работой на Оренбург-Ташкентской железной дороге руководил другой Областной комитет, находившийся в Оренбурге. Помимо областных комитетов на отдельных железнодорожных участках образовались районные комитеты (на Средне-Азиатской железной дороге — 12 комитетов и на Оренбург-Ташкентской — 8). Для связи и координации действий между железнодорожными организациями обеих дорог в Ташкенте находился постоянный «Узловой комитет» в составе 5 членов от Оренбург-Ташкентской и 10 членов от Средне-Азиатской железных дорог.

Железнодорожный союз был профессионально-политической организацией, тесно связанной с политическими партиями (главным образом с социал-демократами и эсерами) и преследовавшей наряду с экономическими чисто политические задачи¹.

Туркестанский железнодорожный союз и его местные организации, охватывавшие собой основные и притом наиболее революционно настроенные массы местного пролетариата, играли чрезвычайно большую роль в революции. В период наибольшего развёртывания революционных событий в Туркестане (конец 1905 г. и лето 1906 г.) районные комитеты союза², находившиеся под полным влиянием большевиков, начинали играть роль органов власти — они не только распоряжались движением поездов на железной дороге, ведали про-

¹ В уставе Туркестанского отдела Всероссийского железнодорожного союза, принятом на I съезде союза в июле 1906 г. в Ташкенте, было сказано: «Железнодорожный союз ставит своей целью: а) созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, без различия пола, веры и национальности, б) требование максимального 8-часового рабочего дня, в) улучшение материального и служебно-правового положения железнодорожных рабочих и низших служащих» (ЦГИА УзССР, ф. 133, ПТСП, д. 481, л. 24—26).

² Районные комитеты железнодорожного союза во время революции 1905—1907 гг. в Туркестане существовали в Красноводске, Казанджике, Кизил-Арвате, Асхабаде, Кушке, Мерве, Чарджуе, Самарканде, Черняево, Ташкенте (два районных комитета двух дорог, сходящихся в Ташкенте), Коканде, Андижане, Туркестане, Перовске и Казалинске (остальные четыре районных комитета находились вне Туркестана — в Оренбурге, Бузулуке, Актюбинске и Челкаре).

довольственными делами, охраной общественной безопасности и казённого имущества, но в нужных случаях исполняли и судебные функции (например, Перовский комитет). Эти железнодорожные комитеты, таким образом, являлись фактически зачатками новой, революционной власти, на что указывал В. И. Ленин в своём проекте резолюции к IV (Объединительному) съезду о «временном революционном правительстве и местных органах революционной власти», придавая этим комитетам такое же значение, как и Советам рабочих и солдатских депутатов¹.

В крупных железнодорожных центрах, где в городах преобладало железнодорожное население (например, в Кизил-Арвате, Перовске), эта роль комитетов железнодорожного союза, как зачаточных органов новой революционной власти, проявлялась особенно рельефно. Не случайно именно в этих центрах даже названия железнодорожных комитетов указывали на их особую роль. В Перовске, например, железнодорожный комитет носил название «Перовского революционного комитета»², а в Кизил-Арвате — «Совета рабочих депутатов». На июльском железнодорожном съезде (1906 г.) в Ташкенте один из кизил-арватских депутатов говорил: «В Кизил-Арвате с октября месяца существует союз, насчитывающий в своей среде 1 000 человек. Сначала союзом руководил комитет, а затем функции последнего перешли к Совету рабочих депутатов»³. Об этом же говорилось и на II конференции закаспийских организаций РСДРП в феврале 1907 г.: «Организован Совет рабочих депутатов, беспартийный...»⁴ — докладывал делегат конференции от Кизил-Арвата. Есть указания на то, что этот Совет рабочих депутатов выпускал даже листовки. Так, например, во время обыска, произведённого в августе 1906 г. в крепости Кушка у социал-демократов Беляева и Евтифеева, были найдены «3 экземпляра воззвания Кизил-Арватского Совета рабочих депутатов «Ко всем рабочим Средне-Азиатской казённой железной дороги», в котором рабочие названной дороги призываются к объединению и организации, дабы совместно с российскими товарищами рабочими поддержать народных представителей и силою, путём всеобщего народного восстания, взять власть в народные руки»⁵.

Совет рабочих депутатов был организован в июне 1906 г. и в ташкентских железнодорожных мастерских. «27 июня, —

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 10, изд. 4, стр. 134.

² ЦГИА УзССР, ф. VI, 1907 г., д. 2, л. 336. Показания бывшего председателя «Перовского революционного комитета» Новаковского.

³ ЦГИА УзССР, ф. 133/с, ПТСП, д. 481, л. 27—34.

⁴ Там же, л. 11—13.

⁵ ЦГИА УзССР, ф. 133/с, ПТСП, д. 496, л. 8—10.

читаем в газете «Русский Туркестан» от 29 июня 1906 г., — рабочими ташкентских железнодорожных мастерских во время работы был произведён выбор членов Совета рабочих депутатов. Выбирали по одному представителю от рабочих каждой отдельной специальности».

К лету 1906 г. идея организации Советов рабочих депутатов вместо железнодорожных комитетов была настолько широко распространена в массах, что на июльском железнодорожном съезде (1906 г.) в Ташкенте даже разгорелись по этому поводу горячие прения. «Некоторые товарищи высказались, — читаем в протоколах съезда, — что, дабы вовлечь массы в политическую борьбу и объединить их с революционными партиями и группами, необходимо образовать Советы рабочих депутатов»¹.

Движение в войсках Туркестанского военного округа и военные восстания с новой силой развернулись в июне—июле 1906 г., причём особенно мощным революционное движение в войсках было в Асхабаде, Ташкенте и Красноводске.

В Асхабаде с 13 до 18 июня был охвачен волнениями целый ряд воинских частей. Дело началось с того, что 13 июня солдаты 2-го Закаспийского стрелкового батальона, вооружившись винтовками и боевыми патронами, вызвали к себе командира батальона и заявили ему, что не дадут привести в исполнение приговор батальонного суда об отдаче в дисциплинарный батальон 3 солдат за нарушение обязанностей патрульной службы. Кроме того, солдаты в ультимативной форме предъявили командиру 35 требований, касавшихся улучшения быта и облегчения службы. Когда 15 июня требования выполнены не были, солдаты удалили из батальона командира и всех офицеров и на их место выбрали новых начальников из своей среды.

В этот же день солдаты 1-го Закаспийского железнодорожного батальона, бросив работу, собрались на митинг, на котором было решено предъявить командиру батальона ряд требований. Опасаясь, чтобы движение среди железнодорожных солдат не превратилось в железнодорожную забастовку, власти для подавления движения выслали на станцию Асхабад 3-й Туркестанский стрелковый батальон. Узнав об этом, солдаты железнодорожного батальона силой захватили оружие и боевые патроны, смешались с рядами солдат стрелкового батальона и стали уговаривать их не идти против солдат-железнодорожников. В результате 3-й Туркестанский стрелковый батальон был приведён в такое расстройство, что командир батальона поспешил увести его обратно в ка-

¹ ЦГИА УзССР, ф. 133/с, ПТСП, д. 481, л. 27—34.

зармы. После этого начались волнения и в этом стрелковом батальоне, причём дело чуть не дошло до восстания.

16 июня солдаты Кушкинской полевой железнодорожной роты, обслуживавшей Фирюзинскую ветку Средне-Азиатской железной дороги, прекратили работу, собрались в лагерь и, захватив оружие и патроны, заставили командира и всех офицеров удалиться из роты. На следующий день был предъявлен командиру роты ряд требований и предложено немедленно их выполнить. Солдаты заявили, что силою оружия воспротивятся всякой попытке подавления их движения.

16 июня солдаты Асхабадского артиллерийского склада потребовали прекращения работы и ушли на митинг к восставшему 2-му Закаспийскому стрелковому батальону. В тот же день произошли волнения и среди солдат 5-й горной батареи в Чарджуе.

Движение в войсках Асхабадского гарнизона разрасталось. Командование решило подавить это движение вооружённой силой. Предполагалось для этой цели использовать казачьи части и 1-й Закаспийский стрелковый батальон, не присоединившийся к восстанию.

Солдаты 1, 2, 4 и 6-й батарей 2-й Туркестанской артиллерийской бригады, узнав о том, что расположенная вместе с ними 4-я Кубанская казачья батарея вызвана в Асхабад для подавления восстания, принялись уговаривать казаков не уходить из казарм. Это поколебало казаков, и после сигнала «тревога» они отказались строиться. В результате казачья батарея вместо 17 июня ушла в Асхабад только утром 18-го, после того как была выслана за нею сотня казаков.

Однако до кровопролития дело не дошло. Узнав о том, что в Асхабаде концентрируются войска для подавления мятежа, восставшие уже 18 июня прекратили сопротивление.

Царские власти жестоко расправились с восставшими войсками: более 400 солдат было осуждено¹.

3 июля 1906 г. в Ташкенте произошло вооружённое восстание сапёров. В этот день со станции Ташкент отправлялись 18 солдат, осуждённых на каторгу за мятеж в Ташкентской крепости. На вокзале огромная толпа рабочих железнодорожных мастерских пыталась освободить арестованных и не выпускала со станции поезд, который должен был увезти арестантов: как только поезд отправлялся, на рельсы бросали шпалы, и поезд останавливался. Так продолжалось в течение нескольких часов.

Слухи об этом дошли до солдат Туркестанского и Закаспийского сапёрных батальонов, расположенных в лагере в

¹ См. Ташкентский военный архив, ф. ШТВО, СЧ, д. 24, л. 117—131.

6—7 км от Ташкентского вокзала. Сапёры немедленно вооружились и двинулись к вокзалу освобождать арестованных. По пути к ним присоединилась 2-я рота 2-го Закаспийского железнодорожного батальона. Однако ещё до прибытия сапёров на вокзал туда были стянуты 5-й Оренбургский казачий полк, 3 и 4-й Туркестанские стрелковые батальоны и пулемётная рота, которые заняли вокзал и все подступы к нему. Сапёры, таким образом, сразу же столкнулись на вокзале с войсками, посланными для их усмирения. Открыв по войскам огонь боевыми патронами, сапёры с криками «ура» бросились к вокзалу. Но в ответ на это по сапёрам был открыт огонь из винтовок и пулемётов. Сразу же пало убитыми и ранеными 15 сапёров. Остальные, побросав винтовки, устремились обратно в лагерь и на следующее утро прекратили сопротивление. По этому делу суду было предано 85 человек.

Такой же характер носили волнения и в Красноводске.

Вспышки протеста против судебных репрессий произошли в июле 1906 г. и в Новом Маргелане в Фергане. Имели место волнения в воинских частях и в других районах Туркестана: в Самарканде (25 июня), Чарджуе (11 июля) и т. д.

Июньско-июльскими событиями 1906 г. по сути дела заканчивается революционное движение в Туркестане. После летних выступлений 1906 г. происходили лишь отдельные незначительные волнения в Туркестане, если не считать забастовки моряков Красноводского порта в начале 1907 г. (март—май), которая продолжалась 2 месяца и явилась, собственно говоря, частью бакинской забастовки моряков, во время которой пароходное движение на Каспийском море полностью приостановилось.

26 мая 1907 г. имели место волнения во 2-м Туркестанском стрелковом батальоне, 20 июня 1907 г. — сходка солдат во время лагерного сбора в Верном и т. д. Но это были лишь отдельные вспышки. Массовое же рабочее и солдатское революционное движение в Туркестане было уже фактически окончено.

Уже в феврале 1907 г. в секретном письме на имя туркестанского генерал-губернатора военный губернатор Ферганской области писал: «Сравнивая состояние вверенной мне области в настоящее время с тем, что было 6 или 7 месяцев тому назад, смело могу доложить, что результат получается вполне утешительный... Пока в войсках нет брожения, за беспокойные элементы туземного населения опасаться также нельзя»¹.

¹ ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 372, л. 30.

4. Социал-демократические организации Туркестана в 1906—1907 гг.

С весны 1906 г. в жизни туркестанских социал-демократических организаций наступил новый период. «Прибытие делегатов со съезда (с IV (Объединительного) съезда, большинство которых было большевиками. — А. П.) внесло свежую струю в работу организаций»¹. Примерно в это же время в Туркестан приехал ряд новых партийных работников из Петербурга, Москвы и Томска. Так, например, по путёвке ЦК РСДРП приехал крупный оратор большевик Быховский и др. Всё это привело к тому, что с мая 1906 г. партийная работа в Туркестане получила довольно широкий размах.

В течение всего лета устраивались многочисленные и многолюдные митинги, массовые собрания, рефераты, читались лекции и т. п., на которых широко велась открытая партийная пропаганда и агитация, причём на некоторых из этих митингов и рефератов присутствовали 2—3 тыс., а иногда и более, человек. Большевистские ораторы и пропагандисты (Быховский, Морозов и др.) выступали не только в Ташкенте, но и объезжали провинциальные города Самарканд, Андижан, Коканд, Асхабад, Маргелан, Черняево и др.), где пользовались также огромным успехом. «Приезд социал-демократов Быховского и Морозова в Самарканд, — читаем в газете «Русский Туркестан», — оживил город. Ряд лекций и митингов, устроенных местной социал-демократической группой, оставил в широких кругах не только рабочих, но и среди граждан сильное впечатление»².

Во время революции 1905 — 1907 гг. большевики пользовались в Туркестане исключительным авторитетом и влиянием среди широких масс; они неизменно избирались председателями на собраниях, митингах и т. п. Они же зачастую выступали в качестве оппонентов на меньшевистских и эсеровских рефератах, воспитывая массы в ленинско-сталинском духе.

Огромную роль в этот период сыграла и печатная большевистская пропаганда. Газеты «Самарканд»³ и «Русский Туркестан» превратились фактически в легальные большевистские газеты (первая — с 1905 г., вторая — с 1906 г.). Издателем обеих газет был большевик Морозов; редактировали их в разное время большевики Морозов, Худаш, Позняков, Быховский.

¹ «Хроника» № 12 за январь 1907 г. (ИМЭЛ, шифр ЦУГ — Х928).

² «Русский Туркестан» № 126 от 28 июня 1906 г.

³ Вокруг этой газеты и типографии Демурова, в которой она печаталась, образовалась самаркандская группа РСДРП.

В этих газетах велась полемика с меньшевиками, печатались материалы из партийной жизни. Так, в газете «Самарканд» в 1906 г. были полностью напечатаны программа РСДРП, принятая на II съезде, резолюции IV (Объединительного) съезда и др.; читатель систематически информировался о выходе в свет большевистских газет (ленинский «Пролетарий», сталинский «Кавказский рабочий листок» и др.) и прочей марксистско-ленинской литературы; в этих газетах перепечатывались большевистские резолюции, например резолюция II северной областной конференции¹ и пр., и всевозможные другие материалы из большевистских газет, в том числе ленинские статьи. Например, в № 94 «Русского Туркестана» от 20 мая 1906 г. перепечатана в выдержках из большевистской газеты «Волна» статья Ленина «Крестьянская или «трудовая» группа и Р. С.-Д. Р. П.» и т. д.

Царская администрация беспощадно преследовала большевистскую печать. Только в течение 1906 и в начале 1907 г. «Русский Туркестан» закрывался 4 раза и 4 раза менял название, «Самарканд» закрывался 5 раз и столько же раз менял своё название. Только за один 1906 г. было возбуждено против редактора газеты «Самарканд» 30 судебных преследований. Редакторы обеих большевистских газет в конце концов либо попали в крепость и тюрьму (Морозов и Позняков), либо были высланы из Туркестана (Быховский), либо накануне ареста скрылись (Худаш).

Популярность большевистских руководителей в массах настолько беспокоила царские власти, что, например, начальник города Ташкента ещё за две недели до окончания срока заключения большевика Морозова просил сыр-дарьинского военного губернатора о высылке его из Туркестана немедленно же после освобождения².

Наличие большевистских газет и крепких партийных организаций в Ташкенте и Самарканде делало эти города важнейшими центрами революционной борьбы в Туркестане. Вот почему туркестанский генерал-губернатор доносил военному министру (октябрь 1906 г.): «Самарканд является вторым очагом деятельности революционеров в крае — первым был Ташкент»³.

В это время как работа большевиков в массах чрезвычайно беспокоила царские власти, эти же власти совершенно по-иному оценивали эсеровский террор, несмотря на то, что он принял в Туркестане, особенно с конца 1906 г., довольно широкие размеры. Вот что писал, например, военный губернатор

¹ См. «Туркестан» № 18 от 19 сентября 1906 г.

² См. ЦГИА УзССР, ф. Начальника города Ташкента, д. 11, л. 98—99.

³ ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 332, л. 265—267.

Ферганской области Покотило уже после разгрома социал-демократических организаций в Туркестане (февраль 1907 г.): «На долю революционеров остались лишь террористические акты, крайне неприятные для отдельных должностных лиц, но малозначащие для общего порядка области, а в иных случаях они дают прямо противоположный результат тому, какой желателен для революционеров»¹.

Для пропаганды в массах большевики использовали также существовавшие легальные общества (например, «Пушкинское общество» в Ташкенте, которое практиковало «воскресные чтения» среди рабочих), всевозможные клубы, так называемые «общественные собрания», «народные собрания», «военные собрания», возникшие во время революции, открывали сами через подставных лиц библиотеки, читальни и т. д.

К этому времени значительная часть социал-демократических организаций Туркестана издавала свои собственные листовки (в Ташкенте, Самарканде, Асхабаде, Кизил-Арвате, Мерве, Чарджуе и др.) и имела подпольные типографии. Царские власти неоднократно громили эти типографии, но они снова восстанавливались.

Значительно слабее обстояло дело с непосредственным, повседневным руководством революционным движением в Туркестане. Если рабочие выступления в революцию 1905—1907 гг. в общем проходили под руководством социал-демократических организаций Туркестана, то несравненно хуже с точки зрения непосредственного руководства обстояло дело с боевыми выступлениями в солдатской среде. Солдатские восстания, прокатившиеся летом 1906 г. по Туркестану, возникали стихийно и так же стихийно и неорганизованно заканчивались. Аграрное движение среди местного коренного населения разворачивалось ещё более стихийно и неорганизованно.

В течение 1906 г., наряду с пропагандистской и агитационной работой в массах, значительно улучшилась и внутрипартийная, организационная работа. Во многих социал-демократических организациях (в Ташкенте, Асхабаде, Кизил-Арвате, Чарджуе и др.) существовали в это время уже выборные комитеты, причём в Ташкенте помимо общегородского комитета были созданы ещё 3 районных (городской, Оренбургский и Средне-Азиатский), а в Асхабаде — 2 районных комитета (городской и железнодорожный). Более или менее регулярно проводились в это время районные партийные собрания, велись занятия в кружках (рабочих, солдатских) и т. д. Для руководства кружковыми занятиями в ташкентской организации (при Ташкентском комитете) была создана даже

¹ ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, д. 372, л. 30.

специальная пропагандистская коллегия. В Асхабаде существовал специальный кружок для подготовки пропагандистов.

Таким образом, уже к августу 1906 г. «почти во всех более или менее крупных пунктах Туркестана и Закаспийской области образовались более или менее правильно функционирующие организации»¹.

В начале июля, вскоре после успешного окончания почти полуторамесячной борьбы рабочих среднеазиатских железнодорожных мастерских с администрацией (Ташкент), по инициативе ташкентской социал-демократической организации, являвшейся фактически большевистской, был созван I съезд железнодорожного союза обеих дорог, на котором присутствовали делегаты от 14 пунктов края. Воспользовавшись этим, Союзный комитет РСДРП сразу же после окончания съезда созвал из числа его делегатов краевое партийное совещание. Председательствовал на совещании, так же как и на железнодорожном съезде, большевик Быховский. Были заслушаны доклады о положении на местах, обсуждён вопрос о проведении в жизнь только что принятых решений железнодорожного съезда, которые «носили вполне определённую партийную окраску»²; было принято несколько решений организационного порядка.

В конце сентября 1906 г. в Ташкенте была созвана II конференция туркестанских организаций РСДРП. На конференцию должны были прибыть 23 делегата от 15 организаций, однако большинство из них не смогло явиться вследствие уже начавшегося разгрома социал-демократических организаций царскими властями и потери соответствующих связей.

На конференцию прибыло 10 делегатов от 7 организаций: 3 от Ташкента и по одному от самаркандской, асхабадской, кокандской, маргеланской, андижанской, ходжентской и казалинской организаций. Ввиду отсутствия представителей большинства организаций конференция носила лишь совещательный характер. Однако всё же решено было обсудить некоторые, не терпящие отлагательства вопросы. По окончании конференции в большевистской газете «Новый Самарканд» было опубликовано нечто вроде информационного сообщения о конференции и несколько принятых резолюций. Конференция приняла решения об отношении к террористическим актам и экспроприациям, которые в это время значительно участились в Туркестане, о дальнейшей работе среди солдат, о годовщине царского манифеста 17 октября и т. д., а также ряд решений по организационным вопросам³.

¹ «Пролетарий» № 8 от 23 ноября 1906 г.

² Там же.

³ См. «Асхабад» № 229 от 11 октября 1906 г.

Развёртывание партийной работы в Туркестане после IV (Объединительного) съезда сопровождалось ожесточённой борьбой между меньшевиками и большевиками, которая в таких острых формах развернулась в Туркестане впервые. ЦК РСДРП, попавший после IV съезда в руки меньшевиков, немедленно же использовал в фракционных интересах своё руководящее положение. Он, видимо, соответственно инструктировал присутствовавшего на съезде единственного меньшевика от Туркестана Зурабова и усиленно начал посылать в Туркестан меньшевистских работников. Меньшевики направили все свои усилия на то, чтобы завладеть руководящими органами и оттеснить оттуда большевиков. В результате всевозможных кооптаций меньшевикам удалось захватить в свои руки Союзный комитет туркестанских организаций РСДРП. Воспользовавшись тем, что 9 мая 1906 г. царскими властями была разгромлена подпольная типография, в которой печаталась большевистская литература и во главе которой стоял большевик Литвишко, меньшевики из Союзного комитета организовали новую типографию, в которой начали печатать листовки в меньшевистском духе. Вскоре затем они сделали попытку организовать легальную социал-демократическую газету, которая явилась бы органом Союзного комитета и которую можно было бы противопоставить существовавшим в крае большевистским легальным газетам. Уже в июле 1906 г. вышла газета «Новый путь» (после её закрытия — газета «Работник»), которая по сути дела являлась меньшевистским фракционным органом.

Наряду с этим меньшевики начинают бесчестную борьбу против большевистских работников. Во время железнодорожного съезда, созванного ташкентской социал-демократической организацией в начале июля 1906 г., меньшевики из Союзного комитета повели атаку против большевика Быховского, председательствовавшего на съезде, — начали полемику на этом беспартийном съезде по внутрипартийным вопросам, пытаясь опорочить Быховского и поставить его в затруднительное положение¹. После съезда они настаивали перед меньшевистским ЦК об исключении Быховского из партии. Однако затея меньшевиков провалилась.

Весьма характерно, что этот меньшевистский поход против большевиков сочетался с походом против них же царских властей: как раз в самый разгар меньшевистской травли — 16 июля 1906 г. — был брошен в тюрьму редактор «Русского Туркестана» большевик Морозов, приговорённый к году

¹ Меньшевики обвиняли Быховского в нарушении резолюции, принятой на IV (Объединительном) съезде по вопросу о партизанских выступлениях (см. «Хронику» № 12 за январь 1907 г.).

крепости за помещаемые статьи в газете; 13 августа 1906 г. был арестован и большевик Быховский за своё выступление на митинге в Андижане. Правда, этот последний был вскоре же освобождён под залог (16 сентября), но через два месяца — уже после II туркестанской конференции — был снова арестован царскими властями и выслан из Туркестана. В феврале 1907 г. был отдан приказ об аресте большевички Худаш, однако она успела скрыться от царских властей.

Раскольнические действия меньшевиков, ожесточённая фракционная борьба, которую они подняли в Туркестане после IV (Объединительного) съезда, не принесли им, однако, желательных результатов, так как рядовая масса рабочих — социал-демократов стояла на стороне большевиков.

В руках большевиков были в это время две большие, весьма популярные в массах газеты: «Самарканд» (фактически орган самаркандской организации РСДРП) и «Русский Туркестан» (фактически орган ташкентской организации РСДРП), которые вели идейную борьбу с меньшевиками. В ташкентской, самаркандской и ряде других организаций преобладало большевистское влияние. Председателем Ташкентского комитета РСДРП был большевик Быховский, он же после ареста Морозова фактически редактировал большевистскую газету «Русский Туркестан»¹. После ареста Быховского во главе Ташкентского комитета и организации становится Худаш (жена Морозова). Впрочем, и после ареста Морозов и Быховский из тюрьмы продолжали руководить партийной работой².

В самый разгар «похода» меньшевиков, засевших в Союзном комитете, против большевиков состоялись перевыборы Ташкентского комитета РСДРП («Местного комитета», как его называли в то время). Большевики Морозов и Быховский, сидевшие в тюрьме, и другие большевистские руководители (Худаш и др.) были избраны в комитет. Меньшевистские же «вожди» из Союзного комитета (Зурабов, Бельков, Заорская и др.) были забаллотированы. Несколько других меньшевиков (Шавдия, Кондрашов, Калашников), всё же избранных в Ташкентский комитет, из солидарности со своими «вождями» отказались работать в нём совместно с большевиками.

Эти выборы показали, что меньшевистский Союзный комитет потерял всякий авторитет среди ташкентских рабочих. Вот почему после провала в ташкентской организации члены меньшевистского Союзного комитета быстро разъехались, передав часть шрифта подпольной типографии большевистскому Таш-

¹ Газета «Русский Туркестан» была закрыта в августе 1906 г., затем она стала выходить под названием «Туркестан» и позднее — «Вперёд».

² См. ЦГИА УзССР, ф. Нач. гор. Ташкента, д. 111, л. 98—99.

кентскому комитету, остальная же часть попала в руки эсеров. Так меньшевистский Союзный комитет уже с осени 1906 г. фактически прекратил свою деятельность, хотя формально и просуществовал до марта 1907 г., не ведя уже никакой работы. Оставшийся в комитете после панического бегства из Туркестана меньшевистских заправил кооптированный меньшевиками Ходак со своей женой лишь «получал директивы и литературу из центра и передавал их местному комитету ташкентской организации (находившемуся в руках большевиков. — А. П.) для отсылки по краю»¹. Этим и ограничивалась теперь вся «работа» Союзного комитета.

В конце 1906 г. заканчивается по сути дела второй период в жизни туркестанских социал-демократических организаций — период разворачивания широкой деятельности социал-демократических организаций в связи с новым подъёмом революционного движения в Туркестане, период усиленной раскольнической деятельности меньшевиков, период победы большевиков над меньшевиками. Однако эта победа большевиков и провал меньшевиков из Союзного комитета совпали по времени с переходом контрреволюции в яростное наступление. Летние солдатские восстания в Туркестане (1906 г.) и развернувшаяся в этот период большевистская пропаганда сильно обеспокоили царизм. Посланный царём осенью 1906 г. в Туркестан для расследования причин солдатских восстаний генерал-адъютант Максимович доносил в своей записке на имя царя: «Ряд военных мятежей (в Туркестане. — А. П.) не мог не возбуждать энергии главарей революционного движения, и войсковые части продолжали засыпаться преступными прокламациями... Поддерживалось же это движение (революционное движение в Туркестане, в частности «военные мятежи». — А. П.) преступною пропагандою сравнительно незначительного кружка интеллигентных лиц, а также органами местной периодической печати (имеются в виду большевистские легальные газеты «Русский Туркестан» и «Самарканд». — А. П.). Хотя параллельно существовали и тайные организации, но агитационная их деятельность, без поддержки названных выше групп, не могла бы достигнуть столь крупных результатов». Здесь же он писал: «Из широко распространявшихся среди войсковых частей воззваний обращают на себя особое внимание изданные от имени Российской социал-демократической рабочей партии»².

Началась полоса административных репрессий, особенно усилившихся после введения в Туркестане чрезвычайной охраны (сентябрь 1906 г.), причём эти репрессии сыпались

¹ Узбек. филиал ИМЭЛ. Рукописн. фонд, Р-1534.

² ЦГИАМ, ф. ДП, 1906 г., д. 9, ч. 73, л. 8—24

прежде всего на голову большевиков. Высылались пачками и арестовывались не только большевистские руководители, но и рядовые наиболее революционно настроенные социал-демократические рабочие, среди которых также преобладали большевики. В результате уже к октябрю—декабрю 1906 г. большинство социал-демократических организаций Туркестана оказалось в значительной своей части разгромленным. Военно-революционные организации были разгромлены в Ташкенте, Новом Маргелане и других городах; лишь в Асхабаде уцелели остатки военной организации. Большевистские легальные газеты «Русский Туркестан» и «Самарканд» после ряда репрессий и перемены ими названий в декабре были окончательно закрыты. Особенно сильно пострадали большевистские организации в Ташкенте и Самарканде. В отдельных городах (Андижан и др.) социал-демократические организации оказались совершенно уничтоженными, в других — сохранились лишь остатки организаций, например в Самарканде, Коканде, Черняево, Мерве, Казанджике, Красноводске, Казалинске, Ходженге, Новом Маргелане и т. д. Несколько лучше сохранились лишь некоторые организации Закаспийской области — асхабадская, кизил-арватская, чарджуйская. Впрочем, и эта последняя уже в начале 1907 г. была также разбита. Таким образом, в конце 1906 г. партийная жизнь и работа большевиков в крае временно почти замерли.

С начала 1907 г. начался третий период в жизни туркестанских социал-демократических организаций. В связи с новым весенним подъёмом революционного движения в России (1907 г.) царские власти были снова вынуждены несколько ослабить свои репрессии. Это было начало одного из трёх периодов, как указывал Ленин, — «подъема и сравнительной «свободы»¹ во время революции 1905—1907 гг. В Туркестане снова появилась возможность некоторого развёртывания большевистской работы, появилась возможность снова издавать легальные большевистские газеты, чем большевики Туркестана и не преминули воспользоваться. В январе 1907 г. вышел первый номер возрождённой газеты «Русский Туркестан» и почти одновременно в Самарканде возобновилось издание газеты «Самарканд». Издателем обеих газет был попрежнему большевик Морозов, всё ещё сидевший в тюрьме. Началась деятельная работа большевиков по воссозданию разгромленных социал-демократических организаций, чему способствовал приезд в Туркестан новых работников — большевиков, вынужденных бежать из других районов России в Среднюю Азию, спасаясь от преследования царских властей.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XVII, изд. 3, стр. 346.

Большевичка Худаш, возглавившая Ташкентский комитет РСДРП после ареста и высылки Быховского, деятельно налаживала социал-демократическую работу в Ташкенте и редактировала большевистскую газету «Русский Туркестан». Ввиду самоликвидации на деле Союзного комитета редакция газеты «Русский Туркестан» и Ташкентский комитет превратились снова в руководящий центр для всех социал-демократических организаций Туркестана. Через редакцию газеты получались теперь директивы центральных учреждений партии и велись все сношения с этими органами. Ташкентская организация снова начала посылать своих пропагандистов и агитаторов на места (в Самарканд, Коканд, Маргелан и т. д.) для проведения там партийных собраний, чтения лекций, налаживания работы. Вскоре снова были восстановлены разгромленные подпольные социал-демократические типографии в Ташкенте, Самарканде и других городах. Возобновился выпуск листовок, причём в Ташкенте они издавались за подписью не Союзного комитета, как это было в 1906 г., а Ташкентского комитета РСДРП.

В этот период (январь—февраль 1907 г.) вновь возрождённые социал-демократические организации Туркестана весьма энергично провели массовую кампанию по выборам депутатов во II Государственную думу, причём добились больших успехов: из 6 депутатов в Думу (не считая седьмого—от Семиреченского казачьего войска) от русского населения Туркестанского края были избраны 3 социал-демократа, в том числе от Закаспийской области — большевик Миронов. Ташкент послал «внепартийного» социал-демократа Наливкина, а Самаркандская область — меньшевика Афрамовича, причём меньшевикам помогли царские власти, лишив избирательных прав сидевшего в тюрьме большевика Морозова, выставленного кандидатом в Думу¹.

Сравнительно широко развернулась в этот период работа большевиков в социал-демократических организациях Закаспийской области. Именно этим организациям, несмотря на все уловки reactionеров, удалось провести депутатом в Государственную думу большевика Миронова. В Асхабаде, Кизил-Арвате и других городах были восстановлены подпольные социал-демократические типографии, в которых выпускались листовки. Были восстановлены военные организации в Асхабаде, Мерве и других пунктах. Однако во всех социал-демократических организациях области, как и всюду в Туркестане, ощущался в этот период острый недостаток пропагандистских сил для ведения регулярных занятий в кружках, что явилось результатом массовых высылки и арестов большевиков, проводившихся царскими властями в течение всего 1906 г.

¹ См. «Новый луч» (ленинская) № 7 от 27 февраля 1907 г.

Несмотря на это, закаспийским организациям удалось провести в этот период II областную конференцию социал-демократических организаций Закаспийской области (1—3 февраля 1907 г.). На конференции присутствовало 10 делегатов от 5 организаций (асхабадской, кизил-арватской, красноводской, мервской и чарджуйской). Конференция заслушала доклады всех организаций о постановке партийной работы на местах и приняла ряд решений по организационным вопросам, по вопросам партийной работы, тактики и т. д.¹

На конференции было решено создать областной комитет закаспийских организаций РСДРП² с местопребыванием в Асхабаде. В состав комитета должны были входить 4 члена от асхабадской и по одному от остальных организаций, которые получили теперь наименование районных. Было решено послать своего делегата на очередной (V) съезд РСДРП.

Ввиду того что железнодорожный союз в это время (1907 г.) подпал уже под полное влияние эсеров, конференция вынесла по этому вопросу специальное решение: «Конференция, исходя из положения, что железнодорожный союз не стоит на высоте своего призвания, что тактика его буржуазная и что она создана (так сказано в протоколах конференции. — А. П.) не на демократических началах, предлагает повести широкую агитацию среди рабочих о реорганизации железнодорожного союза на демократических началах»³. Одновременно было принято большевистское постановление об отношении к таким партиям, как эсеры, дашнаки и пр., в котором было сказано: «С.-д. партия... не должна входить ни в какие соглашения с буржуазными и национальными (т. е. националистическими. — А. П.) партиями, каковыми являются эсеры, дашнакцутюн, по вопросам принципиального характера, одновременно с этим конференция допускает технические соглашения во время единичных и массовых выступлений»⁴.

Конференция приняла также решения об усилении работы среди солдатских масс, о партийной литературе, о боевых дружинах, об экспроприации, о терроре, о партизанских выступлениях, о создании Красного креста, о профсоюзах, о современном политическом моменте и тактике и др. Все эти решения

¹ Протоколы этой конференции и соответствующие резолюции сохранились. Они были найдены жандармерией вскоре же после конференции во время обыска у большевика Миронова в Кизил-Арвате. Отчёт о конференции помещён также в ленинской газете «Новый луч» (№ 7 от 27 февраля 1907 г.).

² См. протоколы конференции (ЦГИА УзССР, ф. 133/с, ТСП, д. 481, л. 11—13.

³ ЦГИА УзССР, ф. 133/с, ПТСП, д. 481, л. 11—13.

⁴ Там же

показывают, что в закаспийских организациях большевистское влияние было весьма сильным.

Период сравнительной «свободы» оказался в Туркестане весьма кратковременным. Царские власти вскоре предприняли новый поход против революционной социал-демократии. Были закрыты большевистские газеты «Русский Туркестан» и «Самарканд». 20 января 1907 г. при производстве обыска была обнаружена подпольная типография самаркандской большевистской организации. Нити, связывавшие эту типографию, привели в Ташкент, где также была обнаружена подпольная типография ташкентской организации РСДРП. Дальнейшие розыски привели, наконец, царские власти к Ташкентскому большевистскому комитету и подпольной деятельности редакции газеты «Русский Туркестан»¹. Однако приказ об аресте большевички Худаш был отдан слишком поздно: она успела скрыться, выехав из Туркестана. Скрылся ещё ряд большевиков; многие же были арестованы, в том числе редактор газеты «Самарканд» большевик Позняков. Началось громкое дело «о Туркестанской организации партии социал-демократов»².

Этот новый разгром не прекратил, однако, деятельности социал-демократических организаций Туркестана. Уже 4 марта 1907 г., после отъезда Худаш, уцелевшая часть Ташкентского комитета снова собралась на заседание, на котором было решено произвести перевыборы комитета³. Вскоре снова была восстановлена подпольная типография, в которой было выпущено в течение лета 1907 г. несколько листовок. Однако в это время социал-демократические комитеты были уже значительно ослаблены вследствие репрессий против большевиков; большевистские газеты закрыты; значительные кадры наиболее революционно настроенных рабочих, принимавших активное участие в революции, высланы либо арестованы. Всё это привело к тому, что в составе социал-демократических комитетов оказались по большей части меньшевики, остававшиеся на свободе.

К осени 1907 г. Ташкентский социал-демократический комитет был снова разгромлен, и его работа совсем прекратилась (если в начале 1906 г. в ташкентской социал-демократической организации числилось около 500 человек, то уже к концу 1907 г. здесь насчитывалось не более 100 человек⁴).

¹ В Самарканде также была раскрыта царскими властями связь между подпольной типографией и редакцией газеты «Самарканд».

² ЦГИА УзССР, ф. 50/с, Судебный следователь по особо важным делам Ташкентского окружного суда (ССОВДТОС), оп. 1, д. 447 и 448.

³ ЦГИА УзССР, ф. 50/с, ССОВДТОС, оп. 1, д. 447, л. 2.

⁴ См. «Красная летопись Туркестана» № 1—2, Ташкент 1932, стр. 8, «Хроника» № 12 за январь 1907 г. (ИМЭЛ, шифр ЦУГ — Х928).

Лишь в декабре была сделана новая попытка возродить социал-демократическую организацию. Снова была оборудована подпольная типография, в которой была выпущена листовка «Граждане», призывавшая к восстановлению социал-демократических организаций. Готовился созыв Всетуркестанской конференции РСДРП, причём была создана даже и Организационная комиссия по созыву конференции. Однако только что организованная туркестанская охранка быстро ликвидировала и Организационную комиссию и подпольную типографию. Дольше других просуществовали социал-демократические организации в Закаспийской области. Мервская подпольная организация, воссозданная вновь, была ликвидирована, например, лишь в июле 1908 г., асхабадская существовала ещё дольше и т. д.

Несмотря на незнание языка, недостаток пропагандистских сил и другие трудности, социал-демократические организации Туркестана, руководимые большевиками, вели во время революции 1905—1907 гг. довольно широкую пропагандистскую работу в среде местного коренного населения, преимущественно в городах.

На I конференции туркестанских организаций РСДРП в феврале 1906 г. была принята специальная резолюция «О постановке работы среди туземного населения». В ней предлагалось «всем товарищам на местах обратить особенное внимание на туземный пролетариат, вести среди него возможно широкую социал-демократическую агитацию... и пропаганду»¹.

На I съезде железнодорожного союза в июле 1906 г., проходившем под руководством ташкентской большевистской организации (председатель съезда — большевик Быховский), была единогласно принята резолюция по докладу асхабадского делегата, в которой было указано, что съезд признаёт «крайне необходимой агитацию среди туркменского населения» и выражает «желание, чтобы местные революционные организации обратили серьёзное внимание на агитацию среди туркмен»².

Царские власти всё с большей тревогой неоднократно отмечали в своих донесениях о появлении и «разлагающей» работе агитаторов среди местного коренного населения, о распространении среди него противоправительственных листовок и т. д. Царская администрация немедленно же принимала соответствующие меры предупреждения и даже пыталась вести среди коренного населения контрпропаганду, надеясь этим парализовать революционную работу.

¹ «Извещение о первой туркестанской конференции» (ЦГИА УзССР, ф. 12/с, ТОО, д. 2277, л. 68).

² Протоколы съезда (ЦГИА УзССР, ф. 12/с, ТОО, д. 677, л. 58—62).

20 июня 1905 г., ходатайствуя о продлении усиленной охраны в Ташкенте и ряде уездов области, сыр-дарьинский военный губернатор доносил туркестанскому генерал-губернатору: «Неблагодёжного поведения и с преступными целями лица несомненно успели проникнуть в область». Следствием их «вредной деятельности» является попытка «со стороны туземцев к подаче петиций и прекращение в некоторых случаях работ местными рабочими»¹.

Этот же губернатор в декабре 1905 г. писал уже более определённо в своём циркулярном письме, разосланном всем начальникам уездов области: «Распространяющаяся деятельность революционных партий проникла в последнее время и в киргизскую (т. е. казахскую. — А. П.) степь... Революционные листовки со статьями зажигательного свойства стали появляться уже и среди татарского населения в северной части Сыр-Дарьинской области, и пропагандируемые в этих листках революционные идеи могут быть занесены к киргизам, вызвав среди них нежелательные явления»².

Помощник пристава 4-й части Коканда доносил в своём рапорте от 28 августа 1905 г. о том, что «27 сего августа в городе Коканде были усмотрены вывешенными рукописи на туземном языке протiwоправительственного содержания»³.

«Что касается до туземного населения области, — читаем в «Обзоре Закаспийской области за 1905 г.», — то... случаи политической агитации имели место и среди них»⁴.

Революционная пропаганда среди местного коренного населения приняла такие размеры, что даже начальник самого отдалённого и захолустного Мангышлакского уезда вынужден был в своём рапорте от 21 июля 1906 г. на имя начальника Закаспийской области признать, что «возбуждение... в среду киргиз (т. е. казахов. — А. П.) внесено беспокойным состоянием умов в империи» и что «между киргизами имеются уже тайные агитаторы», которые «подстрекают» народ «к возмущению против русских вообще (?) и властей в особенности»⁵.

Революционная пропаганда в среде коренного населения Туркестана вызвала беспокойство и в правительственных сферах: «Военный министр, — читаем в одной из телеграмм (от 31 августа 1906 г.), — настоятельно требует обратить внимание на агитацию среди туземного населения»⁶.

¹ ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, л. 308, л. 5.

² ЦГИА УзССР, ф. СДОП, д. 31238, л. 3—4.

³ ЦГИА УзССР, ф. 133/с, ПТСП, д. 339, л. 3.

⁴ «Обзор Закаспийской области за 1905 г.», Асхабад 1907, стр. 210.

⁵ ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, оп. 1, л. 332, л. 189—194.

⁶ Там же, д. 347, л. 55.

В борьбе с революционной социал-демократической пропагандой в среде местного коренного населения царские власти возлагали большую надежду на трудности, связанные с незнанием местных языков¹. Однако надежды царских властей не оправдались. Правда, незнание языка сильно затрудняло пропагандистскую работу в массах, но не смогло остановить её. Социал-демократические организации готовили национальные кадры агитаторов и пропагандистов, которые и вели соответствующую работу среди трудящихся масс местного коренного населения.

Например, Султан-Ходжа Касым-Ходжаев в своих воспоминаниях о революции 1905—1907 гг. в Туркестане рассказывает, как социал-демократы вели партийную пропаганду среди узбекских рабочих, которые работали в этот период на постройке ташкентского вокзала. Один из русских рабочих социал-демократов дал ему лично программу и устав РСДРП и вёл с ним, а также с другими рабочими беседу о социал-демократической партии. То же делал и другой социал-демократ — татарин по национальности. «Имеются сведения, — читаем в постановлении начальника Закаспийской области от 31 января 1906 г. по делу социал-демократа Нестерова, — что Нестеров в своей квартире вёл пропаганду среди туркмен, которые обращались к нему по своим делам, как к частному поверенному местного окружного суда»².

Особенно интересен в этом отношении «беспорядок», который произошёл 12 сентября 1906 г. в мечети старого города Ташкента во время выборов гласных от коренного населения в Ташкентскую городскую думу. На этом собрании местные жители Магды-Ходжа и Султан-Ходжа пытались сорвать выборы в думу и призывали массы бойкотировать её. После ареста обоих выяснилось, что Султан-Ходжа хорошо грамотен как по-русски, так и по-узбекски. «Сидя в арестном помещении, — читаем в обширном донесении полицмейстера Старого Ташкента, — Султан-Ходжа говорил городовому Манасову, что он принадлежит к какой-то партии, что ему русские помогают деньгами, что их из туземцев не один, а есть и в других городах, которые будут стоять за бедный народ». «Вообще я должен доложить, — писал полицмейстер, заканчивая своё донесение, — что туземцы за последнее время стали вести себя перед администрацией не так почтительно, как было ранее... Немало в этом направлении на них оказало влияние... общение с русскими крайних убеждений. Поведение Султан-Ходжи перед народом и в полицейском управлении я объясняю всецело

¹ См. ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, оп. 1, д. 367, л. 21.

² ЦГИАМ, ф. 102, ДП, VII делопр., оп. 144, 1906 г., д. 2, ч. 75, л. 29/а.

влиянием на него кого-либо из русских, принадлежащего к левым крайним партиям, подготовившим его к агитаторской деятельности»¹.

К сожалению, мы не имеем сведений о национальном составе местных социал-демократических организаций в этот период, однако несомненно, что по крайней мере среди рядовых членов РСДРП были представители и местных коренных национальностей. Случайные указания на это встречаются иногда в царских архивах. Вот, например, протокол допроса большевика Миронова от 25 февраля 1907 г.² Мы узнаём отсюда, что в красноводской социал-демократической организации состоял в качестве её члена некто Мушек Таригинов, видимо, перс по национальности. В газете «Русский Туркестан» систематически публиковались сведения о пожертвованиях в пользу политических заключённых в ташкентской тюрьме. В числе жертвователей встречаются и узбекские фамилии, например Мулла Юнус³ и др. Это говорит во всяком случае о сочувственном отношении этих людей к политическому движению и к работе большевиков.

В годы русской революции (1905—1907) было положено начало работе социал-демократических организаций среди трудящихся масс местного коренного населения.

Помимо социал-демократических большевистских организаций на рабочее и революционное движение в Туркестане оказывали известное влияние меньшевики, а также эсеры, анархисты, дашнаки, Бунд и другие мелкобуржуазные партии. Все эти элементы раскалывали рабочий класс, тянули его в мелкобуржуазное болото, срывали его борьбу и тормозили революционное движение.

Бунд, чрезвычайно слабая организация в Туркестане, и более сильная организация армянской партии «Дашнакцутюн» действовали почти исключительно среди соответствующих национальных слоёв населения (евреи, армяне). Анархисты большого значения и сколько-нибудь серьёзного влияния на массы в Туркестане не имели, хотя им и удалось организовать здесь — к концу революции и после неё — несколько партийных групп и даже оборудовать несколько подпольных типографий (Ташкент, Асхабад). Основными партиями, которые принимали участие в революции 1905—1907 гг. в Туркестане, были социал-демократы (большевики и меньшевики) и эсеры.

¹ ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, оп. 4, д. 1053, л. 42—48

² См. ЦГИА УзССР, ф. 133/с, ПТСП, д. 481, л. 14.

³ См. «Туркестан» № 8 от 5 сентября 1906 г.

Социал-демократическое — точнее большевистское — влияние примерно до начала 1907 г. среди рабочих масс Туркестана было почти безраздельным. Но к концу 1907 г. туркестанские социал-демократические организации были разгромлены. Наоборот, влияние эсеров усилилось вследствие приезда в Туркестан новых членов этой партии. Однако эсеровское влияние на рабочие массы не имело достаточно глубоких корней — оно выросло в связи со спадом революционной волны. Царские репрессии, в том числе массовые высылки, посылавшиеся на рабочих после введения по всей линии Средне-Азиатской железной дороги и в прилегающих городах чрезвычайной охраны (сентябрь 1906 г.), вызывали озлобление и жажду мести.

О том, что эсеровское влияние не имело глубоких корней среди рабочих масс, лучше всего говорит весьма быстрое падение этого влияния после разгрома эсеровских организаций в Туркестане. Уже 5 января 1908 г. начальник туркестанской охранки доносил: «Обыски, произведённые в Ташкенте в последних месяцах прошлого 1907 г. у лиц, прикосновенных к Туркестанскому областному комитету партии с.-р., и аресты активных, довольно крупных деятелей расшатали местную организацию, — не находилось заместителей на место убывших; среди ядра революционного движения, железнодорожных рабочих, стало обнаруживаться недоверие к тактике означенной партии, а единоличные выступления более ярых единомышленников на экспроприации, когда бандиты зачастую присваивали себе плоды таковых, вносили в среду более сознательных рабочих лишь одно раздражение. Этот момент, это состояние массы и хотел использовать воссозданный Ташкентский комитет Российской социал-демократической рабочей партии»¹.

III

ТУРКЕСТАНСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

Если рабочее движение среди местных коренных национальностей Туркестана в период революции 1905—1907 гг. слилось с русским рабочим движением, протекало и развивалось как одно целое с ним, то и революционное движение в национальной деревне и в среде мелкобуржуазных и бедняцких слоёв населения старых городов развивалось в связи и под непосредственным влиянием рабочего движения. На это важнейшее обстоятельство указывал Ленин в «Докладе

¹ ЦГИА УзССР, ф. 12/с, ТОО, д. 69, л. 14.

о революции 1905 года»: «В тогдашней России национальное освободительное движение поднималось в связи с рабочим движением»¹.

Трудящиеся массы национальной деревни и старых городов учились у русских рабочих революционной борьбе и постепенно втягивались в общее движение.

Вот, например, телеграмма делегатов ташкентских железнодорожников от 20 ноября 1905 г., посланная в период ноябрьской железнодорожной забастовки по всей линии Средне-Азиатской железной дороги в качестве информации: «Сегодня на митинг явились туземцы — представители, говорящие по-русски, и заявили, что интересуются движением и желают знать, что происходит, и просили послать оратора в старый город. Мы выяснили им причину забастовки и пригласили их на наши митинги»².

Разоблачая провокационные измышления царских властей и черносотенных газет о том, что якобы местное коренное население Туркестана (узбеки, казахи, туркмены и др.) недоброжелательно относится к революционному движению, и в частности к железнодорожной забастовке, центральный стачечный комитет телеграфировал 21 ноября 1905 г. из Асхабада по всей линии железной дороги, а также «местным комитетам всех российских дорог»: «Известия инженеров об угрозе восстания киргизов ещё менее заслуживают доверия. Напротив, восьмидесятитысячное сартовское (т. е. узбекское. — А. П.) население Коканда заявило свои симпатии к этому движению»³.

В записке начальника Красноводского уезда «О состоянии умов, настроении туземного населения и религиозно-бытовом укладе его жизни» сказано: «Не бесследно для населения прошли печальные события 1905—1907 годов, которые особенно сильное впечатление произвели на туземцев, близких к железной дороге и городским поселениям. Отразились эти события и в пунктах удалённых... События проникали в туземную среду и влияние на неё имели в смысле нежелательном»⁴.

Таким образом, под непосредственным воздействием революционного рабочего движения в городах, под влиянием русского рабочего класса зарождается массовое революционное движение в среде трудящихся слоёв национальной деревни и старых городов Туркестана.

Уже в 1905 г. имели место отдельные вспышки революционно-освободительной борьбы в национальной деревне и в старых

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XIX, изд. 3, стр. 354.

² ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, оп. 1, д. 325-а, л. 1—11.

³ Там же, л. 241—244.

⁴ ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, оп. 1, д. 578, л. 179 об.

городах Туркестана. Ещё более массовый и острый характер приобрело это движение в 1906 г., а затем и в последующие годы, причём оно проявлялось в весьма различных формах и методах борьбы (отказы от уплаты налогов и исполнения трудовой повинности, аграрные и ирригационные волнения, угрозы и нападения на представителей царской администрации и чиновников, отказы от исполнения их распоряжений, «непочтительное» отношение к ним, отказы от уплаты долгов ростовщикам, рост «разбойных» нападений и т. д.).

Почти повсеместный и массовый характер принял отказ от уплаты государственных налогов и иных денежных обложений, а также от выборки торговых документов, причём в этом направлении среди местного коренного населения велась довольно широкая пропаганда. «В туземной части города Самарканда, — писал военный губернатор Самаркандской области в конце декабря 1905 г. туркестанскому генерал-губернатору, — агитаторы поучают народ не платить податей и других повинностей, что заметно отражается на слабом поступлении податей от населения уезда и города, а также и на выборах торговых документов»¹.

В апреле 1906 г. заведующий государственными имуществами в Ферганской области доносил помощнику ферганского губернатора о том, что киргизское население в Маргеланском уезде «не желает ничего платить». И дальше: «Не могла не остаться без влияния деятельность местного ходатая Абдухалика Закинчибая, поддерживающего в населении мнение, что таких платежей нет надобности производить»².

О подобной же агитации сообщал и начальник Красноводского уезда Закаспийской области³.

Подобные же донесения поступали из самых различных мест Туркестана. Пропаганда эта имела чрезвычайный успех, особенно в Ташкентском, Самаркандском и Ходжентском уездах, расположенных рядом с важнейшими центрами революционной борьбы. «Весь центр тяжести недоимок лежит на уездах Самаркандском и Ташкентском»⁴, — констатировала Туркестанская казённая палата в своём обзоре за 1907 г.

Всего за два революционных года (1905 и 1906) только по трём областям (Сыр-Дарьинской, Самаркандской и Ферганской) вследствие массовых отказов крестьянства от уплаты податей образовалась недоимка более чем в один миллион руб-

¹ ЦГИА УзССР, ф. СОП, з. 200, л. 118.

² ЦГИА УзССР, ф. ФОП, д. 35860, л. 3—4.

³ См. ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, оп. 1, д. 578, л. 179 об.

⁴ ЦГИА УзССР, ф. Туркестанской казённой палаты (ТКП), д. 26694, л. 216—217.

лей (1 076 623 руб.), из них по Ташкентскому уезду — 121 тыс., по Ходжентскому — 355 тыс. и по Самаркандскому (только за один 1906 г.) — 155 тыс. рублей.

Некоторые царские экономисты пытались в своё время объяснить образование огромной недоимки в Ходжентском уезде в революционные годы (до 1905 г. Ходжентский уезд был безнедоимочным) повышением величины налогового обложения, которое было произведено в этом уезде в начале 1905 г. Однако сенатор граф Пален, ревизовавший в 1908—1909 гг. Туркестанский край, в своём отчёте указывал: «Не без влияния на неисправность плательщиков оставалось и общее политическое движение 1905—1906 гг.»¹

Национальное крестьянство отказывалось платить царские налоги не только в областях с узбекским населением, но и в казахской, туркменской степи и т. д.

Крестьяне не только категорически отказывались платить налоги, но зачастую расправлялись с царскими чиновниками, особенно с полицией, требовавшими уплаты податей. «9 ноября с. г. (1906 г. — А. П.), — писал в своём представлении прокурор Самаркандского окружного суда на имя прокурора Ташкентской судебной палаты, — пристав Михайлов прибыл в аул (аул № 4 Кызылкумской волости Джизакского уезда. — А. П.) для производства дознаний и взыскания податей. По его прибытии к нему подошёл Максут Умаров с сыном Бердыкулом, и оба в дерзкой форме заявили, что податей платить не будут, так как они люди бедные и средств не имеют. Затем по знаку, данному Мусабеком Унгаровым, к приставу бросились Хайдарбек Унгаров и Чинабек Максутов и, сообщая с Хусабеком, схватили его за руки и с силою стали отводить от аула к барханам. На помощь приставу поспешил переводчик Акджолов, но его остановили другие из указанных выше лиц... и нанесли ему побои палками и нагайками, поранив щёку, глаз и губу. Насилие прекратилось только после того, как пристав произвёл два выстрела из револьвера»².

Местное национальное крестьянство в революцию 1905—1907 гг. расправлялось не только со сборщиками царских податей, но и с представителями других ведомств, обиравшими национальную деревню, причём особую ненависть крестьян вызывали чиновники лесной охраны (лесничие, лесообъездчики, лесная стража). Крестьяне производили массовую самовольную порубку лесов, отказывались платить сборы за

¹ «Отчёт по ревизии Туркестанского края, произведённой по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. Налоги и пошлины», Спб. 1910, стр. 89—90.

² ЦГИА УзССР, ф. 133, ПТСП, д. 128, л. 1.

пользование лесом и всё чаще расправлялись с чиновниками лесного ведомства.

18 июня 1905 г. один из лесничих Самаркандской области решил объехать в сопровождении двух лесообъездчиков аулы Фальгарской дачи «для проверки билетов на право пользования топливом и для выдачи таковых». Однако эта поездка окончилась для него весьма плачевно. «При въезде в первый же аул, — писал лесничий в своём рапорте на имя помощника военного губернатора Самаркандской области, — из всех юрт высыпала толпа женщин... с дубинами и кольями в руках, которые с площадной руганью, натравливая собак, окружили нас, грозя убить». Лесничий еле спасся бегством. «Вся толпа провожала нас версты четыре, ругаясь и грозя убить, если еще кто-нибудь из нас покажется в горах»¹.

Подобные расправы крестьян с лесной охраной участились в 1906 г., а в последующие годы приняли массовый характер, причём дело кончалось иногда убийством лесообъездчиков.

К отказам крестьянства от уплаты налогов и иных царских сборов присоединялись и мелкие торговцы старых городов (особенно Ташкента и Самарканда). «Многие торгующие туземцы старого Ташкента, — писал официоз туркестанского генерал-губернатора газета «Туркестанские ведомости» (1905 г.), — до сих пор не приобретают промысловых и торговых свидетельств на 1906 г., упрямо объясняя это тем, будто бы манифестом от 17 октября государь простил и освободил их от подобных налогов»².

Наряду с массовыми демонстративными отказами от уплаты налогов в революцию 1905—1907 гг. в национальной деревне развернулось движение и за отказ от бесплатного выполнения различных видов трудовой повинности (борьба с саранчой, очистка каналов и т. п.), которые весьма тяжёлым дополнительным бременем ложились на плечи трудящихся масс³. «До сих пор, — читаем в протоколе Маргеланской поземельно-податной комиссии от 23 октября 1906 г., — пробные умолаты, как и вообще все полевые поземельно-податные работы (поставка рабочих, вежи, уголья и т. д.), производились средствами населения натуральной повинностью... До настоящего года не возбуждался вопрос о том, за чей счёт и средства

¹ ЦГИА УзССР, ф. СОП, д. 13519, л. 1.

² «Туркестанские ведомости» № 8 от 13 января 1906 г., отдел «Местная информация».

³ По подсчётам ревизии графа Палена, трудовая повинность местного коренного населения только по борьбе с саранчой выражалась «по самой скромной оценке» суммой «свыше 1 млн. рублей в год» («Отчёт по ревизии Туркестанского края, произведённой по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. Земское хозяйство», Спб. 1910, стр. 94—95).

должны производиться пробные умолаты и остальные работы; в нынешнем же году со стороны рабочих в 3, 2 и 5-м участках было несколько запросов, кто уплатит им за труды»¹.

Отказы от бесплатного выполнения трудовой повинности принимали всё более массовый характер. «Проживающие в городе Ташкенте сарты аула Карабас Ниязбекской волости Ташкентского уезда, — записано в журнале Совета туркестанского генерал-губернатора, — в марте месяце сего года (1907. — А. П.) обратились к главному начальнику края с жалобой на ташкентскую уездную администрацию, привлекающую их к отбыванию натуральных повинностей по очистке князь-арыка (Искандер-арык и Ханым-арык), несмотря на то, что водою этих арыков они никогда не пользовались, так как их земли непосредственно орошаются из реки Чирчик»².

Это движение за отказ от бесплатного выполнения трудовой повинности приняло такие размеры, что царские власти вынуждены были пойти на уступки и фактически отменить все эти неоплачивавшиеся повинности³.

Результаты борьбы национального крестьянства за отказ от безвозмездной трудовой повинности видны из следующих данных, опубликованных в отчёте Палена. Если по трём коренным областям Туркестана (Сыр-Дарьинской, Самаркандской и Ферганской) было потрачено на борьбу с саранчой, в форме безвозмездной трудовой повинности, 5 054 789 рабочих дней в 1902 г., а в 1904 г. — 1 327 265 дней, то уже в 1905 г. эта цифра снизилась до 597 172 рабочих дней, а в 1907 г. — до 68 273⁴.

Борьба за землю и воду, особенно с 1906 г., принимала в национальной деревне всё более острый характер. Аграрные и ирригационные волнения всё чаще вспыхивали в отдельных селениях, разбросанных по всему краю, и принимали самые разнообразные формы. Беднота захватывала землю у местных баев и кулаков, захватывались городские и вакуфные земли, обострялась борьба за землю и воду между киргизами и узбеками, между казахами и русскими переселенцами, всё учащались нападения на представителей царской администрации, пытавшихся вмешиваться в борьбу, и т. д. Особенно резкие формы принимали волнения на ирригационной почве (из-за воды).

¹ ЦГИА УзССР, ф. ФОП, д. 33616, л. 26.

² ЦГИА УзССР, ф. Совета туркестанского генерал-губернатора (СТГГ), д. 1707, л. 399—402.

³ См. там же.

⁴ См. «Отчёт по ревизии Туркестанского края, произведённой по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. Земское хозяйство», стр. 94—95.

Об этом обострении борьбы за землю и воду в национальной деревне говорило и всё увеличивавшееся количество поземельных споров. Если таких поземельных споров, и притом лишь по одному Ташкентскому уезду, в 1904 г. было 6, а в 1905 г. — 10, то уже в 1906 г. это количество споров увеличивается до 18, а в 1907 г. — до 33.

Большинство этих поземельных споров возникало в Сыр-Дарьинском областном правлении вследствие жалоб на захваты земель, причём жаловались главным образом представители зажиточных слоёв населения на бедноту, отбравшую у них землю. Например, несколько богатых казахов из Алтын-новской области Ташкентского уезда жаловались на захват части их земель пришельцами — казахами из Аулиэатинского уезда, причём здесь дело дошло в 1905 г. до открытого столкновения¹. И таких жалоб — более десятка по одному лишь Ташкентскому уезду.

Большим бичом для местного национального крестьянства были постоянные захваты их лучших земель царскими властями и превращение этих земель в так называемые «казённо-оборочные статьи», которые приносили казне большой доход от сдачи их в аренду преимущественно крупным скотопромышленникам и вообще байско-кулацкой верхушке. Вот почему в революционные дни 1905—1907 гг. обратные захваты этих земель местным коренным крестьянством приняли довольно широкие размеры. Крестьяне зачастую не допускали арендаторов на эти земли и сами их обрабатывали самовольно. Вот, например, жалоба 6 казахов-арендаторов из Ташкентского уезда. В 1906 г. они взяли в аренду у казны 18 десятин земли. Однако казахи из аула Кафак прогнали их с арендованной земли, заявив, что «эта земля не казённая, а их»².

В том же году заведующий государственными имуществами в Ферганской области в своём рапорте на имя помощника ферганского военного губернатора доносил, что местные крестьяне захватили вновь образованные казённо-оборочные статьи в местностях Ганда Булак Юз Арык, Бостон и Найман. «Вопрос обострился до того, — писал он, — что население по заявлению арендатора вовсе не допускает его на заарендованные участки, производит там распахки и не желает ничего платить»³.

Начались аграрные волнения и в казахской степи, где недовольство против отбирания земель под переселенческие посёлки всё чаще выливалось в активное противодействие. «Недовольство это, — писал в своём отчёте Пален, — выразилось также и отдельными случаями противодействия переселенче-

¹ См. ЦГИА УзССР, ф. СДОП, д. 16050, л. 21.

² ЦГИА УзССР, ф. СДОП, д. 33066, л. 86.

³ ЦГИА УзССР, ф. ФОП, д. 35860, л. 3—4.

ским чинам, главным образом топографам, во время землеотводных работ. Кроме того, вследствие размежевания в переселенческие участки многих земель, сдаваемых в негласную аренду русским, немало киргизских обществ вступило в соглашение прекратить такую сдачу на будущее время и даже отказывать нашим крестьянам в принятии на летнее время их скота для выпаса в горах»¹.

В этот же революционный период сильно возросли самовольные захваты местным коренным населением городских земель. Например, в городе Перовске, по представленной полицейским приставом ведомости «до 1905 г. указано лишь семь захватов, остальные же — 183 сделаны позже, главным образом в 1906 г.»² В Аулие-Ата «в 1905 г. ...был обнаружен вторичный захват городской земли в количестве 136 десятин 215 кв. саж.»³ В этом же отчёте сообщается о захвате местными крестьянами соседних кишлаков целой полосы земли длиной в 3 км, принадлежавшей городу Старому Маргелану.

Попытки царских властей активно вмешиваться в аграрно-ирригационную борьбу национального крестьянства и прекращать эти захваты и волнения обычно кончались лишь крупными «беспорядками», во время которых царским чиновникам приходилось довольно туго. Вот почему царская администрация обычно стремилась не вмешиваться в аграрные волнения и не показываться в кишлаках и аулах; она смотрела сквозь пальцы на все эти захваты, а потом даже «узаконивала» их официально. Всё это делалось для того, чтобы не вызвать широкого революционного движения в национальной деревне, которого царские власти боялись больше всего.

Однако отдельные попытки вмешательства всё-таки делались со стороны некоторых наиболее ретивых царских блюстителей «порядка», которые кончались зачастую весьма плачевно для них. Например, 29 марта 1906 г. помощник кокандского уездного начальника капитан Румянцев вместе с десятком других должностных лиц царской администрации выехали в село Чарку Исфаринской волости для урегулирования ирригационного спора между двумя волостями. Однако при попытке пропустить часть воды в низлежащую волость царские чиновники были немедленно окружены огромной толпой дехкан, вооружённых палками и камнями, которые и

¹ «Отчёт по ревизии Туркестанского края, произведённой по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. Переселенческое дело в Туркестане», Спб. 1910, стр. 164.

² «Отчёт по ревизии Туркестанского края, произведённой по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. Городское управление», Спб. 1910, стр. 124

³ Там же, стр. 125.

были пущены в ход. «Бей их камнями!», «Бей их!» — раздавались крики из толпы. Некоторые из прибывших чиновников были сброшены с лошадей и смяты, затем арестованы разбушевавшейся толпой и обезоружены. Бумаги и документы, находившиеся при них, были отобраны и разорваны в клочья. Арестованных повели в село, угрожая им смертью, бросая в них камнями и сопровождая всё это криками и бранью. Дехкане потребовали немедленно дать подписку о том, что вода будет распределяться попрежнему, что и было выполнено растерявшимися царскими чиновниками. Затем здесь же был собран дехканский сход, который переизбрал ненавистного населению сельского старшину и потребовал от помощника уездного начальника немедленно подписать приказ об утверждении вновь избранного старшины, что также беспрекословно было исполнено Румянцевым. Вновь избранный старшина тут же приступил к исполнению своих обязанностей. Только уступчивость перепуганных царских чиновников спасла их от смерти.

Всё это говорит о том, что революционная атмосфера в национальной деревне, ограбленной и доведённой до полной нищеты, была накалена до последней степени.

Нападения на представителей царской администрации, открытые угрозы и совершенно откровенное проявление ненависти и презрения к царским властям приняли во время революции 1905—1907 гг. небывалые размеры. Национальные трудящиеся массы смело выступали против царских властей, не боясь ни арестов, ни иных репрессий. Это движение против царских чиновников приняло в революцию 1905—1907 гг. такие широкие размеры, что низовые агенты царской власти (участковые приставы, уездные начальники) засыпали канцелярию туркестанского генерал-губернатора своими жалобами. «В прежние времена, — писал яныкурганский участковый пристав (Джизакский уезд), — до начала беспорядков как внутри России, так и всякого рода забастовок и беспорядков в Туркестанском крае... даже и в городах и на железной дороге туземцы при входе лица, облечённого какой-либо властью, вставали, давали дорогу или уступали место, теперь же не только не встают при проходе кого-либо из лиц, облечённых властью, но даже стараются подчеркнуть своё равнодушие к этим лицам, а при случае даже толкнуть и вообще нанести какое-либо оскорбление»¹.

В царских архивах сохранились десятки судебных дел за 1905—1907 гг., из которых видно, что представители местного коренного населения неоднократно публично ругали царя, отказывались вывешивать царские портреты в школах и т. п.

¹ ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, оп. 1, д. 578. л. 102—103.

В феврале 1909 г. туркестанский генерал-губернатор разослал всем уездным начальникам и участковым приставам специальную анкету-вопросник «о настроениях туземного населения». В числе 19 вопросов этой анкеты был и такой: «Как относится население к русской (т. е. царской. — А. П.) администрации вообще?» Почти все, за редким исключением, ответили, что отношение населения после революции 1905—1907 гг. резко изменилось. «Туркестанскую администрацию поносят уже совершенно открыто»¹, — писал самаркандский уездный начальник. «За последнее время, начиная с 1905 года, по обнародовании манифеста, — читаем в донесении джаркентского уездного начальника, — в них (т. е. у казахов. — А. П.) замечается далеко не та почтительность, как это было ранее. В особенности это резко выражается во время выборов»². «По сравнению с прежним временем, — писал красноводский уездный начальник, — престиж администрации и доверие к ней населения понизились»³.

Беднота и вообще трудящиеся массы национальной деревни и старых городов Туркестана выступали в революцию 1905—1907 гг. не только против представителей царской администрации, но одновременно и против «своей» байско-феодальной верхушки. «Туземную администрацию среднего достатка население называет администрацией богатых, которая всегда отдаёт предпочтение богатым»⁴, — писал в своём рапорте самаркандский полицмейстер.

Трудящиеся массы на выборах в Государственную и городскую думы, на выборах волостных управителей и сельских старшин старались провести своих кандидатов и провалить богачей и прочих «почётных» лиц, причём это стремление сопровождалось иногда весьма яростной борьбой, например при выборах волостных управителей и сельских старшин в феврале — марте 1905 г. в Наманганском уезде, о чём говорилось выше. Беднота требовала отмены выборов, когда к власти приходили богачи, а также переизбрания как пятидесятников, так и самих управителей и старшин и в ряде других уездов края. Вот, например, прошение «доверенного от общества Базар-Курганской волости Андижанского уезда Исмаил Бай Суфиева» от 1 марта 1905 г. на имя ферганского военного губернатора. Ставя вопрос о перевыборах волостного управителя, этот доверенный общества писал: «Желание населения — иметь в своём общем деле своих представителей, а не

¹ ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, оп. 1, д. 578, л. 70—71.

² Там же, л. 150.

³ Там же, л. 177 об.

⁴ Там же, л. 92 об.

людей, вылезших на глаза благодаря случайности и зажиточности»¹.

Беднота активно выступала и во время выборов в Государственную думу. Вот, например, как описывал официоз туркестанского генерал-губернатора газета «Туркестанские ведомости» избрание пятидесятниками двух выборщиков в Государственную думу в одной из казахских волостей: «Джангабай и Порош, случайно попавшие на сайляу (на выборы. — А. П.), горячились больше всех. Особенно Джангабай, который с пеной у рта кричал: «Эй, господа, поймите вы, что нам надо послать двух бедных выборщиков. Если мы пошлём богатых, то наживём себе только врагов. Богатые начнут нас потом пугать, говоря, что они с самыми главными министрами были тамырами (т. е. приятелями. — А. П.), и пойдут тогда разные карачигымы (т. е. поборы. — А. П.)»². После долгих споров на собрании победила беднота. Выборщиками были избраны бедняцкие представители — выступавшие на собрании Джангабай и Порош.

Особенно бурно прошли выборы гласных от старого города в Ташкентскую городскую думу, состоявшиеся в сентябре 1906 г. Здесь дело дошло до массовых волнений и «беспорядков», которыми руководили Султан-Ходжа Иногам Ходжаев и Магды-Ходжа Гарун Ходжинов, связанные, как говорилось выше, с социал-демократами.

Магды-Ходжа пробрался на собрание выборщиков в мечеть Джам, где происходили выборы гласных в Ташкентскую городскую думу от местного коренного населения. Здесь, по заявлению полицмейстера старого города, ещё до начала выборов он «позволил себе поносить разных лиц из выборщиков, а в момент приступа к выборам, обращаясь к выборщикам, громко заявил: «Думы нам не нужно, не нужно получающих жалованье, не надо выборов, выбранные пользы нам никакой не приносят. Не выбирайте». Когда его стали выводить городовые, то он начал кричать «доу» (караул)... и у ворот мечети собралась толпа, к которой выведенный Магды-Ходжа обратился с речью приблизительно такого содержания: «...я хлопочу за народ, который обременён налогами. Думы нам не надо, туда попадают только богатые, которые о народе не заботятся, а стараются попасть на должности и нажиться. Нас обложили сборами за всё: за дрова, клевер, колючку, за убой баранов. Нам не надо бойни, не надо базаров, не надо получающих жалованье (т. е. чинов-

¹ ЦГИА УзССР, ф. ФОП, д. 8170, л. 14—15.

² «Туркестанские ведомости» № 173 от 17 ноября 1906 г.

ников. — А. П.)». Из толпы слышались крики одобрения»¹. В это время выступил с речью Султан-Ходжа и «начал выражать негодование по поводу действий полиции, стесняющей свободу выборов и явно покровительствующей богачам и разного рода мироедам. Возбуждение толпы росло, шум увеличивался, полиция растерялась»². С протестами против действий полиции выступили и выборщики, заседавшие в мечети. Тогда один из городских, видя, что беспорядок принимает угрожающий характер, дал свисток, но в это время получил удар от одного туземца³. Вызванный полицмейстер «распорядился арестовать обоих «зачинщиков» и отвести в арестный дом, но когда полицейские взяли их, чтобы доставить по назначению, то толпа загудела и двинулась за арестованными, выражая протест против подобного насилия, и только угрозой стрелять из револьвера полицмейстеру удалось предотвратить сопротивление»⁴.

Но и в полицейском управлении арестованные «вновь произвели буйство, — докладывал полицмейстер в своём рапорте, — начав проповедывать собравшимся к полицейскому управлению по делам туземцам, что генерал-губернатор, губернатор и вообще высшее начальство, получая народные деньги, спят, а беднота работает, и в этом духе, позволяя угрозы по моему и помощника пристава адресу... Поведение их в управлении в отношении меня и пристава было дерзко»⁵.

Революционное движение среди трудящихся слоёв населения национальной деревни и старых городов, направленное против байско-феодальной верхушки, проявлялось в ряде активных выступлений. Выше говорилось о том, что беднота, особенно с 1906 г., захватывала земли у местных феодалов. Были, однако, и другие формы этой развёртывавшейся в национальной деревне классовой борьбы, как, например, отказы от уплаты долгов ростовщикам, угоны скота и т. д. Но особенно массовый характер приняли в революционные дни 1905—1907 гг. так называемые «разбойные» нападения, направленные почти исключительно против байско-феодальной верхушки и представителей царской администрации из среды местного коренного населения.

Рост «разбойных» нападений по одной только Ферганской области характеризовался следующими цифрами: если в

¹ ЦГИА УзССР, ф. 1, КТГГ, оп. 4, д. 1053, л. 42—48.

² «Туркестан» № 23 от 24 сентября 1906 г.

³ См. ЦГИА УзССР, ф. 1, КТГГ, оп. 4, д. 1053, л. 42—48.

⁴ «Туркестан» № 23 от 24 сентября 1906 г.

⁵ ЦГИА УзССР, ф. 1, КТГГ, оп. 4, д. 1053, л. 42—48.

1904 г. таких нападений в области было 74, то в 1905 г. их было уже 163, в 1906 г. — 125, в 1907 г. — 131 и т. д.¹

«Разбойные» нападения в своей значительной части вовсе не являлись простыми уголовными преступлениями, а представляли собой своеобразную форму классовой борьбы, причём некоторые из них носили ярко выраженную политическую окраску. Таким было, например, движение известного Намаза Пиримкулова, вокруг личности которого долго складывались легенды. Он возглавлял движение бедноты против байства в Самаркандской области.

Движение Намаза началось в бурные революционные дни осени 1905 г.² и продолжалось до конца 1907 г., причём оно походило на настоящую партизанскую войну против байства. В распоряжении Намаза были сотни джигитов, действовавших по всей области мелкими отрядами по 5—15 человек в каждом. Отряды эти возглавлялись помощниками и соратниками Намаза, которые действовали самостоятельно, но были связаны с этим последним. Наиболее известными и популярными среди населения из этих главарей были: Кабыл, Даура, Ишбура, Абду-Кадыр, Джуман-Ходжа, Норбаба, Шир-Нияз, Исергеп и целый ряд других. Все они действовали от имени Намаза.

Намаз и его джигиты нападали исключительно на богачей (кишлачное байство, торговцы) и тех представителей царской администрации из местного населения (волостные управители, сельские старшины), которые особенно притесняли население либо были тесно связаны с царскими властями и оказывали помощь в преследовании «разбойников»; бедноте же, наоборот, джигиты Намаза даже помогали. «Намаз, — читаем в докладе помощника военного губернатора Самаркандской области на имя самаркандского военного губернатора (14 марта 1907 г.), — в среде бедного населения весьма популярен, за все услуги щедро расплачивается, грабит только богачей, а беднякам очень часто приходит на помощь деньгами, хлебом, семенами на обсеменение полей и пр.»³

Движение это приняло весьма широкие размеры, причём ряды джигитов-«разбойников» пополнялись всё новыми кадрами из разорявшейся бедноты. «Разбой и грабежи, — читаем в уже цитированном докладе помощника военного губернатора Самаркандской области, — начались первоначально вследствие обеднения слабой (материально) части населения...

¹ См. ЦГВИА, ф. 400, АЧГШ, д. 106, л. 191—193. Письмо туркестанского генерал-губернатора на имя военного министра от 13 августа 1911 г.

² См. ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, оп. 1, д. 578, л. 36.

³ ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, оп. 2, д. 244, л. 2—3.

Поля оставались без зерна, в рабочих руках необходимости не было, и беднейшая часть населения оставалась без заработка»¹.

Намаз был неуловим. Его смелость и дерзкие налёты не знали пределов. В течение почти 3 лет царские власти ничего не могли с ним поделать, несмотря на то, что за ним гонялись по пятам казаки, полиция и охотничьи военные команды. Он появлялся со своим отрядом буквально под носом у царских властей и даже производил налёты на Самарканд — и всё же безнаказанно уходил.

Основной причиной неуловимости Намаза, так же как и остальных главарей и их джигитов, являлась широкая помощь и поддержка населения, среди которого они пользовались полным сочувствием. На это неоднократно указывали царские власти. «Население уездов, — отмечал самаркандский военный губернатор, — ни за что не выдаёт и ни за что никто, даже из пастухов, не скажет во время погони, где сейчас проскакала шайка, куда направилась; у всех — один ответ: ничего не видел, не знаю. Три четверти туземной администрации на стороне Намаза; рядом с их домами живут главари шаек, и они не дают знать. У большинства из них — тот же ответ: ничего не знаю»².

Только к концу революции, когда начался спад массового движения, царские власти получили, наконец, возможность более эффективно бороться с Намазом и его соратниками. В начале апреля 1907 г. были снаряжены специальные карательные экспедиции (казаки, полиция, воинские части), ассигнованы средства на борьбу, смещены некоторые волостные управители, помогавшие Намазу и его товарищам, и т. д. Началось планомерное вылавливание «разбойников». Однако царизму так и не удалось захватить Намаза. 1 июня 1907 г. он был предательски убит во время сна одним из его приближённых.

Однако движение после смерти Намаза не прекратилось. Поползли слухи среди населения о том, что Намаз вовсе не убит, что он продолжает борьбу. Под его именем выступил один из его соратников — Карабай.

Но это был уже спад движения. В декабре 1907 г. был убит в перестрелке с казаками последний крупный главарь — Кабыл.

Такой же широкий размах в революцию 1905—1907 гг. приняло движение под видом «разбойничества» и в других

¹ ЦГИА УзССР, ф. 11/с, КТГГ, оп. 2, д. 244, л. 2—3.

² Там же, л. 14—15.

областях края — в Ферганской области, в Аму-Дарьинском отделе, где оперировал Баба-Гуклан и др.

Аграрные волнения в революционный период 1905—1907 гг. происходили также в среде русских переселенцев. «До отчётного года, — читаем в экономическом обзоре Туркестанской казённой палаты за 1905 г., — жалобы эти (на малоземелье. — А. П.) высказывались осторожно и неуверенно. В этом же году, под влиянием политических осложнений во внутренней России, отразившихся в значительной степени и на отдалённых окраинах, они приняли формы резких требований»¹.

«Волнения среди крестьян Семиреченской области, — писала газета «Русский Туркестан» в марте 1906 г., — продолжаются. Так, среди крестьян Верненского уезда идут усиленные разговоры о том, что наступающей весной они, крестьяне, будут запахивать земли казаков (семиреченского казачьего войска. — А. П.) и киргиз силой. Начальство серьёзно встревожено этими угрозами. В Лепсинске не так давно крестьяне и мещане готовились разгромить квартиру уездного начальника Фёдорова и уже обложили дом горючим материалом с намерением поджечь его, но вмешательство военной силы — местной воинской команды — остановило разгром... В селе Гавриловке Копальского уезда 500 человек крестьян приняли в колья участкового пристава Гусева, который успел благополучно ретироваться; пострадали стражники, есть тяжело раненные. В Пишпекском уезде среди массы переселенцев идёт глухое брожение, которое может вылиться в самые неожиданные формы».

Особенно бурно вели себя крестьяне в русских переселенческих посёлках Самаркандской области, издавна страдавших от недостатка воды и находившихся поэтому в тяжёлых экономических условиях. Ещё более настойчиво и бурно требовали земли неустроенные «самовольцы». Например, в сентябре 1906 г. в Верном толпа «самовольцев» «до 200 человек явилась в местное переселенческое управление и, ведя себя самым бурным образом, стала требовать безотлагательного удовлетворения землёю. Г. заведующему переселенческим делом с большим трудом удалось успокоить эту буйную толпу различными обещаниями»².

Аграрные волнения в русской переселенческой среде в период революции 1905—1907 гг. и особенно среди «самоволь-

¹ ЦГИА УзССР, ф. ТКП, д. 26649, л. 102—124.

² ЦГВИА, ф. 400, АЧГШ, д. 26, л. 142—143. Письмо временно исполняющего должность заведующего переселенческим делом в Семиреченской области на имя туркестанского генерал-губернатора от 2 октября 1906 г.

цев» приняли такие размеры, что граф Пален достаточно выразительно записал в своём отчёте: «В области (в Семиреченской области. — А. П.) числилось к 1 августа 1908 г. около 23 тысяч лиц, заявивших о своём желании получить даровые наделы. Из них едва ли наберётся 13 тысяч, в устройстве коих в Семиречье сколько-нибудь заинтересовано правительство, так как остальные нуждаются скорее в репрессивных мерах, нежели в даровом наделе»¹.

Русские крестьяне-переселенцы, наравне с местным национальным крестьянством, отказывались платить налоги², участвовали в массовых митингах и демонстрациях (например, в Верном, Пишпеке) и т. д.

Русская революция 1905—1907 гг. привела в движение и местную национальную торгово-промышленную буржуазию, а вместе с нею и национальную интеллигенцию. Однако это движение носило совершенно иной характер по сравнению с революционным движением в среде трудящихся масс местного коренного населения. Под влиянием татарских буржуазно-националистических элементов и проникавшей в Туркестан татарской националистической прессы, например газеты И. Гаспринского «Тарджиман» («Переводчик»), издававшейся в Бахчисарае, и др., в Туркестане начало развиваться в 1905 г. движение, известное под именем «джадидизма». Это было трусливо-оппозиционное, либерально-буржуазное, националистическое движение, захватившее преимущественно буржуазные слои³ местного коренного населения и часть национальной интеллигенции. Джадиды не только не боролись с царизмом, но даже ничего и не требовали; они лишь робко просили крайне ограниченных реформ, приняв участие в петиционной кампании (подача петиций на имя царя). Джадидское движение развивалось также и в Бухаре и Хиве, причём там это движение связывалось с просьбами кое-каких социальных реформ (стремление «европеизировать» бухарский азиатский деспотизм). В период революции 1905—1907 гг. джадиды издавали в Ташкенте несколько газет: в 1906 г. — газеты «Тараккы» («Прогресс») и «Хуршид» («Солнце»), в 1907—1908 гг. — газеты «Шухрат» («Слава») и «Туджор» («Купец»).

В этих газетах (особенно в двух последних) джадиды, робко критикуя отдельные недостатки царского аппарата

¹ «Отчёт по ревизии Туркестанского края, произведённой по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. Переселенческое дело в Туркестане», стр. 57—58.

² См. ЦГИА УзССР, ф. ТКП, д. 26694, л. 216—217.

³ К этому движению примыкали и отдельные представители мусульманского духовенства.

управления и прося незначительных реформ, наряду с этим всячески раболепствовали перед царским самодержавием. «Давайте пошлём депутатов, — писал один из вождей туркестанских джадидов Бекбуди в газете «Туджор», — царь наш справедлив и милостив. Он не отошлёт депутатов, присланных от имени 10 млн. туркестанских мусульман, с пустыми руками»¹.

Газета «Туджор» в своём первом номере, в программной передовице, писала: «Идейно-политическое направление газеты «Туджор» не противоречит политике правительства, а, наоборот, «Туджор» является другом и сторонником российского (т. е. царского. — А. П.) правительства при условии, что не будет нанесён ущерб религии»².

Джадидские газеты активно боролись с социал-демократической партией, вели пропаганду против вступления мусульман в её ряды и вместе с тем всячески расхваливали кадетов. Газета «Хуршид» писала, что идеи социал-демократической партии «являются иллюзиями и примыкать к этой партии для наших мусульман весьма вредно. Разделы социал-демократической программы по финансовым, семейным и другим вопросам совершенно не приемлемы как с точки зрения шариата, так и в других отношениях»³. Одновременно газета призывала «в политическом отношении примыкать к кадетам»⁴.

IV

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1905—1907 гг. В ТУРКЕСТАНЕ

Каковы итоги революционных событий 1905—1907 гг.? Каково значение этой революции для Туркестана?

Центрами революционной борьбы в Туркестане оказались железные дороги и те города, где имелись железнодорожные депо и мастерские (Ташкент, Асхабад, Кизил-Арват, Самарканд, Мерв, Чарджуй, Черняево, Перовск и др.), являвшиеся средоточием компактных масс железнодорожных рабочих. Особенно большую роль в революции 1905—1907 гг. сыграли города Ташкент, Кизил-Арват и Асхабад. Первый являлся центром Туркестанского края, Кизил-Арват и Асхабад были

¹ «Туджор» № 8 от 9 октября 1907 г.

² «Туджор» № 1 от 21 августа 1907 г.

³ «Хуршид» № 6 от 11 октября 1906 г.

⁴ Там же.

расположены ближе, чем другие города, к такому революционному центру, как Закавказье и в частности Баку, откуда революционные организации получали постоянную помощь и откуда революционное влияние распространялось по всей Средней Азии.

Промышленные предприятия Туркестана, большей частью весьма незначительные по своей величине и разбросанные по всему краю, оказались в общем мало затронутыми революцией 1905—1907 гг. Только на некоторых из этих заводов, преимущественно расположенных около больших городов, вспыхивали экономические забастовки. Эти забастовки по большей части быстро прекращались вследствие уступок администрации заводов.

Чрезвычайно характерным в период революции 1905—1907 гг. в Туркестане было стремление царских властей разъединить русских рабочих и рабочих из местных коренных национальностей, посеять рознь в их среде, противопоставить их друг другу в целях успешной борьбы с революционным движением, застрельщиком которого был русский рабочий класс. Подобными же методами пытались бороться с забастовочным движением на фабриках и заводах и предприниматели.

Когда стало очевидным (после бурного 1905 г.), что политика царских властей и предпринимателей по отношению к рабочему классу в Туркестане (попытки поставить русского рабочего в несколько более привилегированное положение, стремление затормозить создание постоянных рабочих кадров из среды местного коренного населения и т. п.) не дала желательных для царизма результатов и русский рабочий класс в Туркестане, как и всюду в России, показал свою революционность и непримиримость, была сделана уже в 1906 г. совершенно противоположная попытка — заменять русских местными национальными рабочими, игнорировать русских рабочих, закрыть им доступ на предприятия. При этом исходили из предположения, что местные национальные рабочие, лишённые руководства русских рабочих, которых не без основания считали «подстрекателями» и «коноводами», будут вести себя более спокойно и не смогут организовать самостоятельной забастовочной борьбы. Например, крупнейшее в Туркестане промышленное предприятие — Каунчинский сахарный завод близ Ташкента, на котором работали исключительно русские рабочие, решил в 1906 г. после проведённой забастовки проделать эксперимент замены русских рабочих местными национальными. Администрация «Туркестанского сельскохозяйственного и промышленного товарищества», которому принадлежал завод, подводя итоги работы завода за сезон 1906/07 г., писала в своём докладе: «На результаты

производства повлияли бунт и забастовка русских привозных рабочих, которых вследствие этого, в самый разгар производства, пришлось отправить в Россию, заменив их местными сартами»¹.

Однако все надежды предпринимателей на «спокойствие» местных национальных рабочих и на возможность жестоко их эксплуатировать оказались построенными на песке: молодой узбекский рабочий класс уже прошёл к тому времени (1907 г.) солидную школу революционной борьбы под руководством русских рабочих (1905—1906 гг.), быстро усвоив уроки этой борьбы. Не прошло и года со времени замены русских рабочих, как Каунчинский сахарный завод, где работали теперь исключительно узбекские рабочие, снова дружно забастовал. Рабочие предъявили предпринимателям целый ряд требований и стойко отстаивали их.

Местные национальные рабочие наравне с русскими рабочими участвовали в общереволюционной борьбе. Ставка царских властей и предпринимателей на раскол между русскими и местными национальными рабочими, на противопоставление их друг другу оказалась битой: русские и местные национальные рабочие в революцию 1905—1907 гг. выступали, как правило, единым сплочённым фронтом.

Особое положение войск в Средней Азии, особенно железнодорожных и сапёрных частей, привело к тому, что в течение 1905 и 1906 гг. происходили вооружённые восстания и многочисленные волнения в войсках Туркестанского военного округа. Чрезвычайно ярко сказались в Туркестане взаимоподдержка и тесная связь между революционным движением в войсках и рабочим революционным движением.

Однако большинство волнений в туркестанских войсках возникало на экономической почве, было разрозненно, по времени не совпадало с выступлениями рабочих и в большинстве своём носило стихийный характер.

Особенно бурно реагировали на революционные события многочисленные массы «самовольцев», ожидавшие с нетерпением получения земли; многие из них только что прибыли из охваченных аграрными волнениями губерний Европейской России.

Необеспеченность «самовольцев» землёй приводила к тому, что аграрные волнения среди русских переселенцев зачастую принимали форму столкновений с местным национальным крестьянством из-за земли и воды.

Недовольные мелкобуржуазные элементы, оседавшие в ожидании надела преимущественно в городах и составлявшие

¹ ЦГВИА, ф. 400, АЧГШ, д. 19, л. 54 об.

в общем главную массу населения русских городов, сыграли весьма существенную роль в революции 1905—1907 гг. в Туркестане. Они почти всюду шли за рабочими, придавая революционному движению в городах массовый и весьма бурный характер. Они составляли по количеству обычно главный контингент демонстрантов, участников всевозможных митингов и т. д.

Наряду с русской городской мелкой буржуазией принимала участие в революционном движении и мелкая городская буржуазия местных коренных национальностей. Она также участвовала в революционных демонстрациях, присутствовала на митингах и т. п. Ремесленники-кустари, мелкие торговцы и другие элементы отказывались платить налоги, выбирать патенты и пр. Впрочем, значительные кадры мелкой городской национальной буржуазии ещё плелись в хвосте за мусульманским духовенством и более крупной торгово-промышленной буржуазией. Более революционно была настроена городская пауперизированная беднота и чернорабочие (мардекеры).

Об огромном значении для революции привлечения на сторону пролетариата городской мелкой буржуазии товарищ Сталин писал ещё в декабре 1906 г.: «Приказчики, конторщики и ремесленники составляют значительную часть пролетариата современной России, и, следовательно, отход их от борющихся пролетариев заметно ослабил бы силу пролетариата как в нынешних выборах (во II Государственную думу. — А. П.), так и во время будущего выступления». И дальше: «Всем известно, что в нынешней революции городская мелкая буржуазия имеет большое значение, всем известно, что для социал-демократии необходимо её революционизирование под гегемонией пролетариата»¹.

В жизни местного национального крестьянства, точно так же как и в жизни других слоёв коренного населения Туркестана, революция 1905—1907 гг. сыграла чрезвычайно большую роль. Ленин говорил об этой революции: «Русская революция вызвала движение во всей Азии»². И действительно, она привела в движение буквально все слои местного коренного населения, перевернула классовые отношения, разбудила национальные трудящиеся массы к новой жизни. Это должны были признать даже царские власти, которые обычно всячески затушёвывали факты революционного движения среди коренного населения Туркестана.

В этом новом движении огромнейшую роль играло крестьянство местных коренных национальностей, составлявшее

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 289.

² В. И. Ленин, Соч., т. XIX, изд. 3, стр. 356.

основную массу всего населения Туркестана. Если до первой русской революции национальное крестьянство ещё было мало политически дифференцировано и находилось под полным влиянием мусульманского духовенства, феодальной знати и родовых вождей, ещё бессознательно плелось в хвосте за этими элементами, которые возглавляли обычно национально-освободительные движения, то со времени революции 1905—1907 гг. трудящиеся массы коренного населения вступают на новый путь. Они впервые начинают выступать самостоятельно, со своими классовыми требованиями, освобождёнными от религиозной оболочки; национально-освободительные движения в своей массе не только не возглавляются более духовенством и прочими эксплуататорскими элементами, но зачастую оказываются направленными одновременно и против царского самодержавия и против эксплуататоров из среды самого коренного населения. Это был настоящий, серьёзный перелом в жизни местных трудящихся масс.

Конечно, это не значило, что национальные крестьянские массы уже полностью освободились в революции 1905—1907 гг. от всякого влияния духовенства. Со стороны этого последнего ещё не раз (даже во время восстания 1916 г.) были попытки возглавлять крестьянские движения, чтобы взять их в свои руки, и им иногда удавалось кое-где достичь успеха в этом направлении. Однако эти отдельные, чисто местные, случаи становились всё реже и реже и уже не могли изменить той общей картины, того общего характера движений среди трудящихся масс местного коренного населения после революции 1905—1907 гг., о которых говорилось выше.

Хотя во время революции 1905—1907 гг. и не было ещё широкого массового аграрного движения в Туркестане, точно так же как не произошло серьёзного национально-освободительного движения¹, однако отдельные, иногда крупные, вспышки, аграрные волнения и «беспорядки», а также другие формы революционного движения, стихийно возникавшие почти во всех уголках обширного Туркестанского края, отмечают весь путь революции 1905—1907 гг.

Сначала царские власти не придавали большого значения этим отдельным, локальным революционным вспышкам, пытались даже скрыть их, посылая в центр успокоительные донесения о том, что коренное население спокойно. Однако уже с середины 1906 г. им пришлось заговорить по-иному.

¹ «В 1912 году, — говорил товарищ Сталин в своей речи в югославской комиссии ИККИ, — когда мы, русские марксисты, набрасывали первый проект национальной программы, мы не имели ещё ни на одной окраине Российской империи серьёзного движения за независимость» (И. В. Сталин, Соч., т. 7, стр. 73).

Революционное движение 1905—1907 гг. среди русской части населения Туркестана, несмотря на его бурные формы и широкое развитие, собственно само по себе не так уж пугало царские власти, поскольку русские составляли здесь весьма незначительную прослойку всего населения¹. Больше всего боялись царские власти другого: соединения этого движения с революционным движением в местной национальной среде.

Быстрое нарастание революционного движения в среде коренного населения Туркестана — движения, освобождённого от религиозной оболочки, чрезвычайно пугало царские власти. Особенно они боялись проникновения в местную национальную среду социалистических идей и дальнейшего развития этого движения под флагом социализма, под руководством рабочего класса. Вот почему борьба с панисламизмом, вдохновляемым мусульманским духовенством, которому так много внимания уделял царизм, отодвигалась теперь на задний план; главное же внимание было направлено в период революции 1905—1907 гг. и после неё на борьбу со всё нараставшим революционным движением в среде трудящихся национальных масс, и прежде всего среди национального крестьянства, как составлявшего основную массу населения Туркестана.

Царская администрация «пугала» трудящиеся массы русского населения Туркестана призраком восстания *всех* мусульман против *всех* русских, лишь только они почувствуют ослабление царской власти. Поэтому администрация призывала русских трудящихся и в первую очередь рабочих «забыть» в Средней Азии свои классовые интересы и «высоко держать знамя русского имени» (т. е. царского самодержавия) среди густой массы «инородческого» населения Туркестана. Боязнь уронить престиж царской власти объясняется и то обстоятельство, что царская администрация, особенно в начале революции, прибегала здесь к военной силе против «беспорядков» в русской среде крайне осторожно, стремясь по возможности оканчивать дело миром, принимала все меры к тому, чтобы показать местному коренному населению, будто все русские в Туркестане представляют собой «единую сплочённую семью» и т. д.

Каковы же были причины, по которым революция 1905—1907 гг. не вызвала в Средней Азии широкого, массового аграрного движения среди местного национального крестьянства, несмотря на то, что предпосылок для аграрной революции в Туркестане было более чем достаточно?

¹ В 1905 г. более чем на 5,5 млн. населения Туркестана русских приходилось лишь 285 тыс., а всего пришлого (не коренного) населения — 322 тыс., что составляет лишь 5,7% (см. ЦГВИА, ф. 400, АЧГШ, л. 122, л. 86—86 об.),

Прежде всего в Средней Азии в период революции 1905—1907 гг. не было ещё прочного союза между местными революционными рабочими и национальным крестьянством. В это время он ещё начинал только складываться, крестьянские массы ещё только начинали выходить из-под влияния реакционного мусульманского духовенства и родовых вождей, ещё только началась классовая дифференциация в национальной крестьянской среде и т. д. Вместе с тем складывание прочного союза между пролетариатом и крестьянством в Туркестане замедлялось ещё и потому, что основные кадры постоянных промышленных рабочих в Средней Азии были преимущественно русские, деревня же в своём подавляющем большинстве — национальная. Различия в языке, культуре, в быту и прочие национальные особенности — всё это создавало дополнительные трудности, которых не было в России. Это затрудняло и замедляло создание прочного союза. Кадры же постоянного промышленного пролетариата в среде самого коренного населения были ещё незначительны. Таким образом, коренное национальное крестьянство Туркестана в революцию 1905—1907 гг. по сути дела не имело ещё достаточного пролетарского руководства в борьбе против самодержавия и местных феодалов.

Революционные социал-демократические организации Туркестана в общем недостаточно вели работу среди местного национального крестьянства, ограничиваясь по преимуществу работой среди населения городов. Немаловажную роль в этом отношении сыграл и тот факт, что в Туркестане позже, чем в других районах страны, произошла резкая размежёвка между большевиками и меньшевиками.

Вместе с тем массовое аграрное движение среди русского крестьянства центральных районов России, которое могло бы послужить примером для аграрных движений в Туркестане, происходило настолько далеко от Средней Азии, что местное коренное население имело о нём самое смутное представление.

Вспышки аграрных волнений среди национального крестьянства Туркестана носили стихийный, неорганизованный, локальный характер. Соседние кишлаки обычно не поддерживали происходивших рядом волнений. Крестьяне действовали распылённо и изолированно друг от друга.

Таковы были основные причины того, что аграрное движение в среде местного национального крестьянства не приняло в революцию 1905—1907 гг. широкого, массового, организованного характера.

Особое положение русской буржуазии в Туркестане поставило её с первых же дней революции в один ряд с черносотенцами. Она безоговорочно принимала участие в подавле-

нии революции на стороне самодержавия, являясь его надёжной опорой.

Русская буржуазная интеллигенция в Туркестане (адвокаты, врачи, инженеры, мелкое чиновничество и др.) в некоторой своей части была настроена оппозиционно по отношению к царизму и принимала участие в банкетной и петиционной кампаниях. «Союзы интеллигентных людей» и тому подобные организации обычно не переходили «дозволенных» рамок, члены этих союзов проявляли чрезвычайную робость: при первом же окрике царской администрации они выходили из своих союзов и отрешивались от своих «убеждений».

Двойственность положения местной национальной торгово-промышленной буржуазии, находившейся, с одной стороны, в экономической зависимости от русского торгово-промышленного и финансового капитала, а с другой — мечтавшей о самостоятельной эксплуатации «своих» трудящихся масс, нашла своё яркое отражение в поведении этой буржуазии в период первой русской революции. Она всячески поддерживала царское самодержавие в его борьбе с революцией, опасаясь за своё благополучие. Эта поддержка и пресмыкательство перед царскими властями стали особенно ярко проявляться с того времени, когда национальные трудящиеся массы вслед за русскими рабочими вступили на путь революционной борьбы. Вместе с тем поражение царизма в русско-японской войне и ослабление его позиций в Туркестане в связи с революцией давали национальной буржуазии кое-какую надежду на возможность сделаться «самостоятельной» хозяйкой Туркестана либо вырвать хотя бы некоторые уступки у царизма. Вот почему революция 1905—1907 гг. оказала большое влияние на развитие националистического движения в среде местной мусульманской буржуазии и примыкавших к ней слоёв населения, прежде всего среди части национальной интеллигенции (учителя новометодных школ и пр.). Национальная буржуазия выступила с робкими требованиями (вернее, с «верноподданическими» просьбами, так называемыми петициями) кое-каких реформ, кое-какого «улучшения» царского управления Туркестаном: отмены некоторых особенно стеснявших её пунктов царского «положения об управлении Туркестанского края», уравнивания в правах с русской буржуазией, отмены усиленной и чрезвычайной охраны в Туркестане, прекращения переселений в край русских крестьян, уменьшения податей с населения, так как ограбление этого последнего значительно уменьшало её собственные возможности эксплуатации и т. д. Выставляя все эти «требования», буржуазия делала вид, что борется за «общенациональные интересы» всего местного коренного населения. Одновременно она лелеяла надежду на

образование в Средней Азии «самостоятельного» тюркского государства под эгидой Турции, благодаря чему буржуазно-националистическое движение в Туркестане, особенно со времени турецкой буржуазной революции 1908 г., развивалось под лозунгами так называемого «пантюркизма» (создания единого тюркского государства под главенством Турции).

Двойственность экономического положения национальной буржуазии в Туркестане нашла своё яркое отражение и в выступлениях её идеологов — джадидов, которые, с одной стороны, восхваляли царизм за его борьбу с революционным движением, а с другой — пропагандировали в массах пантюркистские идеи. Большую роль в этом отношении сыграла татарская буржуазия, положившая начало буржуазно-националистическому джадидскому движению в Туркестане.

Мусульманское духовенство с начала XX в. (после андижанского восстания) и особенно со времени первой русской революции постепенно стало переходить на сторону царского самодержавия. Вместе с тем оно пыталось, так же как и буржуазия, использовать революционное движение 1905—1907 гг. в своих интересах: обращалось к царским властям от имени всего населения с «верноподданническими» петициями, в которых просило даровать «мусульманскому населению Туркестана» право организации духовного управления, упорядочения ряда религиозных, и в первую очередь вакуфного, вопросов, закрытия русско-туземных школ, восстановления в полном объёме шариатского духовного суда (суд казиев) и прекращения вмешательства царских властей в шариатские духовные и светские дела и т. д. В обмен за всё это мусульманское духовенство обещало не участвовать более ни в каких восстаниях против царского самодержавия и сохранять полное спокойствие.

Однако и оно мечтало о создании «самостоятельного» государства в Туркестане под протекторатом той же «правовой» Турции, ибо рассчитывало в подобном государстве вернуть себе все свои былые права и привилегии и покончить со своими конкурентами в лице христианских миссионеров и русско-туземных школ, что дало бы ему возможность ещё с большими результатами для себя эксплуатировать тёмные мусульманские массы. Это движение мусульманского духовенства развивалось под лозунгами так называемого «панисламизма» (создания единого мусульманского государства под главенством Турции).

Таким образом, позиции как мусульманского духовенства, так и местной национальной буржуазии по отношению к царизму до некоторой степени сближались. И духовенство и буржуазия бросились в объятия царизма, как только почув-

ствовали опасность для себя со стороны всё нараставшего революционного движения среди трудящихся масс местного коренного населения. И духовенство и буржуазия пытались вместе с тем использовать затруднения царизма в связи с революцией и поражением в русско-японской войне, для того чтобы урвать кое-что для себя, вынудить царизм к кое-каким уступкам. И духовенство и буржуазия делали ставку на Турцию в целях создания в Туркестане «самостоятельного» государства, где они смогли бы лучше, без всяких конкурентов осуществлять свои классовые задачи.

Панисламизм и пантюркизм по сути дела мало чем отличались друг от друга. Разница заключалась лишь в том, что панисламисты ориентировались на старую, абдул-гамидовскую Турцию во главе с султаном — халифом (духовный глава всех мусульман), тогда как пантюркисты делали свою ставку на новую, «революционную» Турцию во главе с буржуазно-националистической партией младотурок. Кроме того, панисламистское движение было несколько более широким движением, нежели пантюркистское, так как панисламисты мечтали об объединении не только тюрков-мусульман, но и мусульман не тюркского происхождения (персы, арабы и др.).

Были, конечно, и расхождения между мусульманским духовенством и националистической буржуазией. Последняя стояла, например, за незначительную реформу ислама, некоторые положения которого становились стеснительными для развивавшейся буржуазии. Требуя незначительной реформы, националистическая буржуазия вовсе и не думала покушаться на «основы» ислама. Наряду с реформой ислама буржуазия и её идеологи — джадида «требовали» и кое-каких реформ в области гражданского управления в туркестанских феодальных деспотиях (Бухара, Хива), ибо кое-что в этом управлении мешало «нормальному» развитию торгово-промышленной буржуазии. Например, она «требовала» некоторого упорядочения земельных вопросов, финансовых и судебных дел, установления контроля за деятельностью администрации и т. д. Духовенство же (улема) стояло за полную неприкосновенность всех установлений ислама, ибо всякая реформа последнего неизбежно вела к ограничению его влияния и прав. Оно стояло также за полную неприкосновенность феодальных порядков в Хиве и Бухаре, ибо всякие изменения в этом отношении могли поколебать как положение самого духовенства, так и затронуть интересы местных феодалов, с которыми оно было тесно связано.

Отсюда и проистекала некоторая «борьба» между реакционным мусульманским духовенством и так называемой «прогрессивной» националистической буржуазией.

Политическое оживление в верхах местного коренного населения (мусульманское духовенство, буржуазия) в революцию 1905—1907 гг. заставило царизм принять ряд предупредительных мер и несколько изменить свою политику по отношению к этим слоям населения.

* *

*

Царскому самодержавию не удалось предохранить местное коренное население Туркестана от влияния русской революции 1905—1907 гг. То, чего больше всего боялся царизм — проникновения революционных идей в широкие трудящиеся массы туркестанских народов и революционных волнений в их среде, совершилось в эти бурные, революционные дни. Народы Средней Азии пробудились от многовекового сна к политической жизни. «Пробуждение к политической жизни азиатских народов получило особенный толчок от русско-японской войны и от русской революции»¹, — писал Ленин в 1908 г. В революцию 1905—1907 гг. трудящиеся массы коренного населения Туркестана нашли своего действительного вождя — русский рабочий класс, который научил их, как надо бороться с царским самодержавием и со «своими собственными» эксплуататорами. В этом было основное значение революции 1905—1907 гг. для Туркестана.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 15, изд. 4, стр. 198.